

ПИОНЕР

АПРЕЛЬ

4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1967 г.

Ленин
и теперь
живее всех живых.
Наше знание,
сила
и оружие.

В. МАЯКОВСКИЙ.

Владимир
УРАСОВ

ОПЯТЬ В РУКАХ У ТЕБЯ НОВАЯ
КНИЖКА ЖУРНАЛА. АПРЕЛЬСКАЯ.
НА ЭТОТ РАЗ ВЕСЕННЯЯ. ЧТО ЖЕ
В НЕЙ? А ВОТ ПОСМОТРИ САМ.

● Художник Д. Бисти сделал новые рисунки к поэме В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Книга выйдет летом, а иллюстрации к ней ты можешь увидеть уже теперь, здесь.

● Мы расскажем тебе о человеке, который был связным двух революций. Зимой 1918 года через линию фронта из революционной Венгрии в революционную Россию, лично к Ленину, с устным письмом пробирался Владимир Урасов... Найди страницы с этой историей!

● Ты помнишь повесть В. Крапивина, которую мы печатали два года назад? Называлась она «Та сторона, где ветер». Теперь мы начинаем публиковать продолжение повести, снова про Генку, про Ильку и Владика... Ты опять побываешь в «Той стороне»!

● В новой главе из повести «Мэри Поппинс» происходят самые невероятные и самые любопытные вещи на свете.

● А ну-ка, читатель, кто живет и на суше, и на море, и в воде, и на земле? Да нет, ты не угадаешь, поинци ответ в журнале!

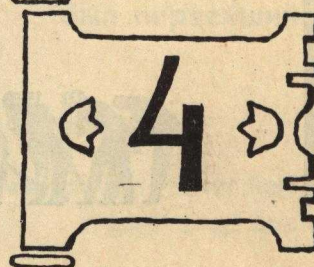
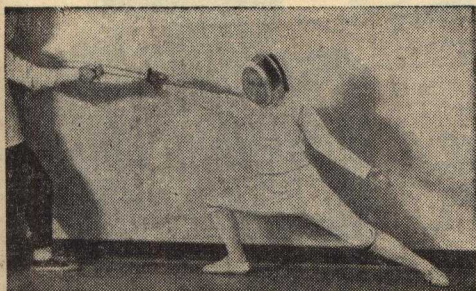
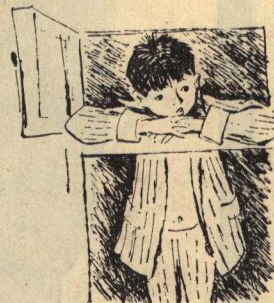
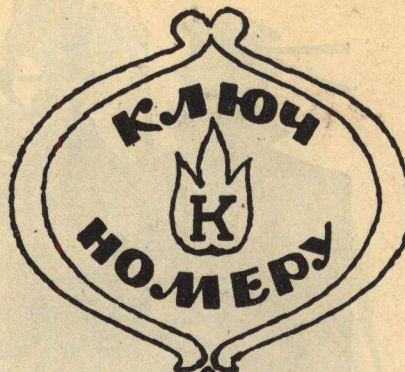
● Ты уже фехтуешь? В школе скрепленных рапир идет второй урок. Урок «Атака!» Урок «Учись нападать»!

● На странице 23-й лично тебя ожидает персональное приглашение. Куда и зачем, не спрашивай. Листай скорей журнал!

Смехотрон путешествует. Смехотрон путешествует с Полиглотом. Смехотрон и Полиглот путешествуют в рисунках художника Ведерникова.

● Чуть не забыл! Всемирная выставка в Монреале! Каким будет наш павильон и что за экспонаты посылает наша страна? Прочти об этом в журнале, посмотри рисунки и фотографии.

ТОЧКА. В НОМЕРЕ ЕЩЕ МНОГО ВСЕГО, НО У КЛЮЧИКА МАЛО МЕСТА. ТОЧКА.

Мы знаем,
пролетариат — победитель,
и Ленин —
организатор победы.

Владислав КРАПИВИН

ПОВЕСТЬ*

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Глава первая

На реке бухали взрывы. Удары были негромкие, но упругие. Почему-то Яшке представилось, что в жидких сумерках плавают и лопаются черные тугие мячи.

Лампочки в комнате не горели. Яшка сидел, скорчившись, на кровати и смотрел на окно. Окно было синим. За ним коряво торчали черные ветки. Яшке было тошно, грызла его тревога. Вернее, не тревога, а тоскливое ожидание завтрашнего дня.

Снова лопнул мяч, большой и тяжелый. Воздух мягко толкнулся в стекла, костлявые ветки вздрогнули и заскребли по раме.

Яшка скользнул на пол и босиком прошлепал в кухню. Там у порога отыскал отцовские галоши, сунул в них ноги и

вышел в сени, сердито хлопая подошвами.

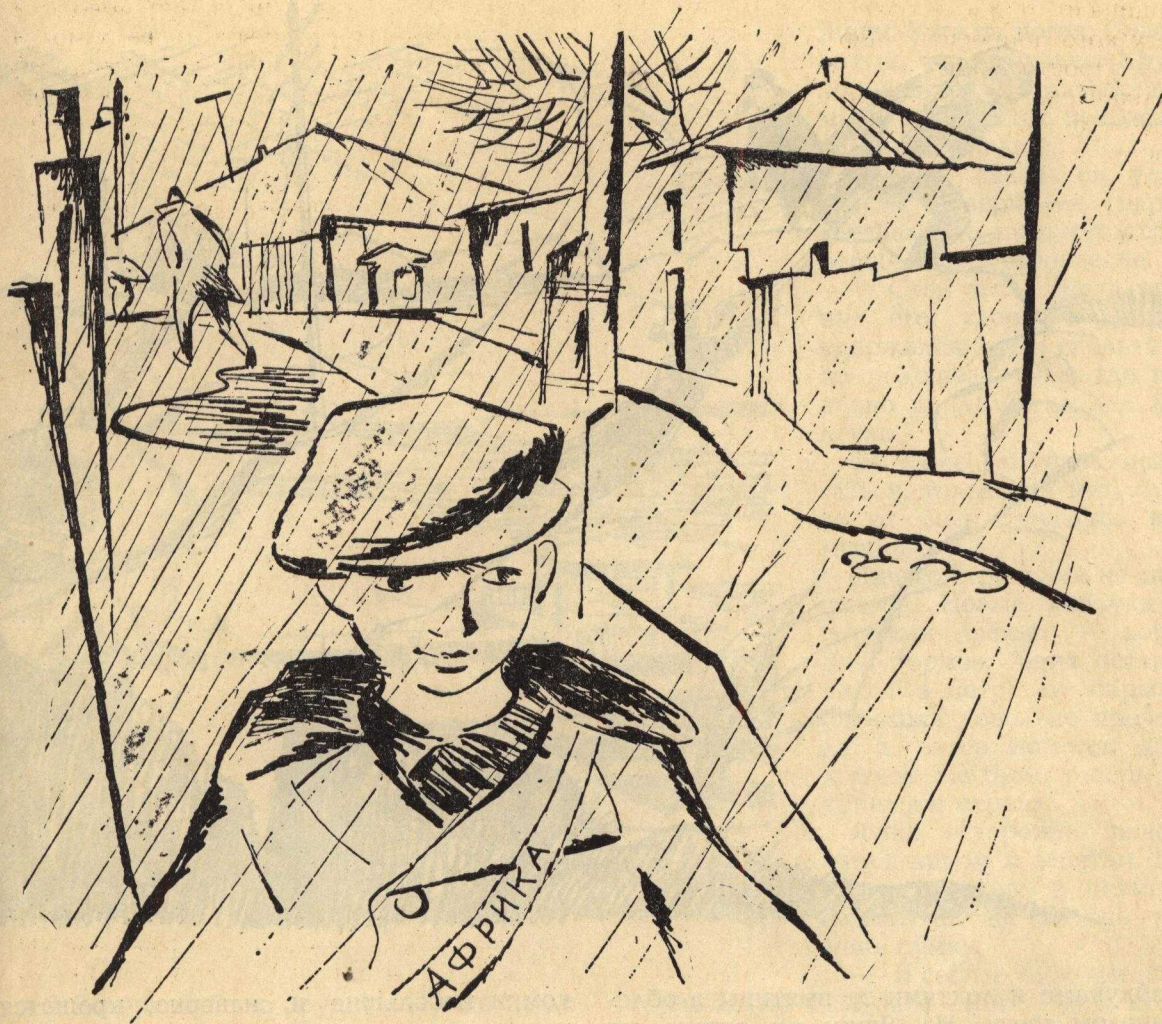
— Опять раздетый шатаешься, ирод! — сказала вслед мать.

Яшка молча захлопнул за собой дверь. Какая разница: одетый или раздетый? Все равно ничего ему не сделается. Конечно, хорошо бы сейчас простудиться как следует. А может быть, даже и помереть. В самый раз было бы. Но он не заболеет и не помрет, потому что такая подлая у него судьба: все в жизни наоборот.

Яшка вздохнул, поежился и шагнул на крыльцо. Так, подышать воздухом.

Вечерний воздух был немного колючим. Пахло талым снегом и подмерзшей землей. А еще мокрой сосновой корой от поленицы. Из такой коры получают различные лодочки и яхты. А если выбрать кусок покрупнее, можно вырезать большой корабль. Пустить его по разливу темно-синих луж. Весна... Только сейчас не до корабликов при такой жизни...

* «Та сторона, где ветер»... Помните эту повесть? Вы читали ее в «Пионере» в 1965 году. А потом с нетерпением ждали от автора продолжения. И вот оно написано.

И почувствовал непрошеную радость от того, что не он царапается на скользкой и опасной кромке. Это была скверная* радость, Яшка понимал. Но в конце концов при чем здесь он? Ведь не по его вине оказались там эти безмозглые котята.

— Удобно устроились,— ехидно сказал Яшка.— Чего это вы там искали?

Тот, что просил помочь, худощавый малыш в сбитом на затылок шлеме с медными пуговками и в пальтишке из такой же серой материи, медленно и сердито посмотрел на Яшку. Потом пожал плечами. В самом деле, не до разговоров. Другой мальчишка, в синей вязаной шапочке с помпоном, сказал:

— Веревку бы...

Яшкина радость испарилась. Положение было жуткое и дурацкое. Уйти он теперь не мог: чего доброго, эти акробаты и вправду загремят с обрыва. Высота

с трехэтажный дом, а внизу или жгучая от холода вода, или льдины. Неизвестно, что хуже... Веревку бы... Где ее возьмешь? Сбегать бы в какой-нибудь дом, но страшно: вернешься, а вдруг этих уже нет...

Яшка осторожно спросил:

— Эй, вы! Вы еще держитесь?

— Держимся,— ответил мальчик в синей шапке.— Только, кажется, снег сползает.

Ох, черт! Этого еще не хватало!

Они вели себя очень спокойно. Яшка даже позавидовал такой смелости. Двигаться было опасно, и оба малыша почти не шевелились теперь. Они просто ждали от Яшки помощи. Тот, что в синей шапке с белым помпоном, замер на четвереньках. Он вцепился в ледяной выступ, и даже сверху Яшке было видно, какие красные и застывшие у него пальцы. А второй держался на спине, цепляясь

каблуками и локтями за вмятины в обледенелом снегу. На Яшку он теперь не смотрел: было неудобно поворачивать голову. Он смотрел на рваные облака. Маленький матерчатый шлем совсем съехал на затылок. Волосы у мальчишки были светлые и курчавые. Ветер ерошил и спутывал эти мелкие колечки.

Яшка вдруг подумал, что если малыш грохнется на льдину и будет лежать там раскинувшийся и совсем неживой, волосы все равно останутся такими же мягкими и так же будут шевелиться под ветром.

От такой подлой мысли Яшке стало совсем нехорошо. Начал в нем подниматься тяжелый, расслабляющий страх.

Яшка не боялся бы так, если бы еще не знал точно, что делать. Но он уже знал. Он видел, как, выступая из-под наледи, тянется наискосок по склону узкая грядка глинистых комьев. Конец ее совсем недалеко от ребят. Если протянуть им оттуда сумку...

А если сорвется ботинок? Глиняные

комки небольшие и, наверно, крошатся под ногами...

Яшка сбросил с плеча и взял в левую руку сумку. Выдохнул сквозь сжатые зубы воздух и скользнул по мокрой ледяной корке к выступу из глины.

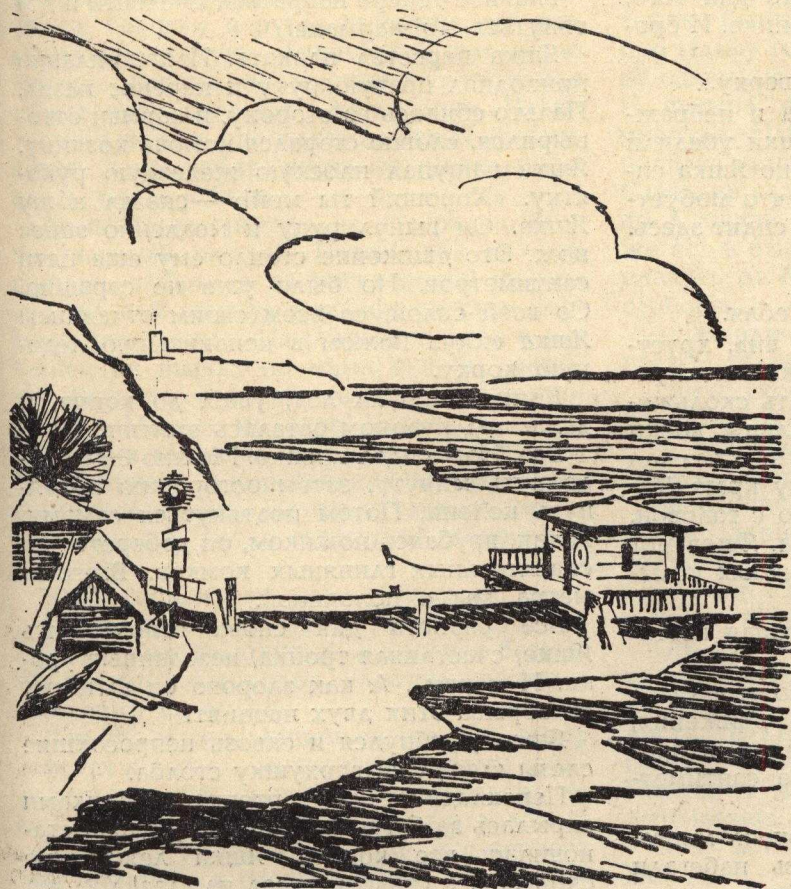
Страх булькал в нем, как вода, но Яшка довольно быстро добрался до конца рыжих комьев и остановился прямо над мальчишкой в шлеме. Осторожно присел на корточки и толкнул к нему по снегу сумку. Все оказалось просто. Малыш вцепился в ремешок, повернулся на живот и ловко выбрался к Яшке и встал рядом.

— Топай наверх. Да осторожней, — сурово сказал Яшка.

— А Валерка? — Мальчик смотрел на оставшегося товарища.

— Мотай наверх! Обойдемся без тебя! — прикрикнул Яшка.

Он перестал бояться. Всю жизнь все командовали Яшкой, а сейчас командовал он, и его слушались. Попробовали бы не послушаться!

С Валеркой было труднее. Сумка не доставала до него. Никак не доставала. Яшка вспомнил про ножик. Ржавым своим перочинным ножом он принялся перепиливать ремень там, где он был пришит. Дергал тупым лезвием и опасливо поглядывал: держится еще Валерка? Тот держался.

Наконец ремень был перерезан. Сумка висела теперь на одном его конце, зато длина ремня стала больше в два раза.

— Держи!

Валерка ухватился за сумку и лег.

— Ты чего? — испугался Яшка.

Валерка виновато улыбнулся:

— Сейчас. Отдышусь.

«Когда еще он отдышится», — подумал Яшка. Скомандовал:

— Двигай ногами. Я потащу.

Валерка послушно зацарапал по снегу коленями.

Запрокидываясь, Яшка потянул ремень. Оттаявшая глина поползла под каблуком. Он переступил и потянул снова.

Ну вот и все. Валерка рядом, в шаге от

Яшки. Уже на ногах. Счастливый, что выбрался. Круглолицый, темноглазый, немного на Илью похожий, только помладше.

— Ух, — сказал он, улыбаясь. Повернулся, вдруг закачался на глинистом гребешке, теряя равновесие.

— Стой ты! — Яшка рванул его, удержал. Но не удержался сам и скользнул на подошвах туда, где недавно цеплялся за лед Валерка.

Он даже не успел испугаться, только на миг, будто от боли, сжались все мышцы.

Ничего страшного не случилось. Новые каблуки с острыми краями — хороший тормоз. Яшка остановился в метре от обрыва. Он стоял довольно прочно, да и ветер помогал держаться. Не было теперь ни капельки страха.

Яшка осторожно повернулся лицом к ребятам. Валерка суетливо и неумело наматывал на ладонь ремень сумки.

— Я сейчас тебя вытащу! «Вытащу»! Сам едва стоит. Лапы красные, как петушинный гребень, застывшие. Брюки на коленях насквозь промокли. И отчетливо слышно, как хлупает у него в ботинках.

— Иди наверх! Топайте домой оба! Пусть вас матери повесят над печкой сушиться!

— А ты? — сказал сверху кудрявый.

— А ты? — сказал Валерка.

— Что я? Думаете, царапаться буду, как вы? — Врубаясь каблуками в подтаявшую наледь, он сделал несколько шажков. — Видели? Не то, что вы, черепахи!

— А дальше? — потребовал Валерка. Дальше надо было встать на четвереньки и дотянуться до сухого стебля, который жестко торчал из-под снега. Но ползти на коленях при этих малышах было унижительно.

— Идите, вам говорят!

— А ты вылезешь?

— Может, я вниз буду прыгать?

Он осторожно присел, будто для того, чтобы затянуть шнурок на ботинке. И бросил через плечо:

— Сумку там положите наверху...

Видно, эти спокойные слова и небрежная смелость ловкого мальчишки убедили малышей. Они постояли еще, но Яшка сидел на корточках и делал вид, что любит-ся заречными далями. Хочет и сидит здесь. Его дело.

Ребята ушли.

Тогда Яшка дотянулся до стебля.

Стебель, такой прочный на вид, хрустнул и рассыпался в труху. Яшка плюхнулся на живот, пытаясь задержать скольжение. Он вдавливал в наледь пальцы, носки ботинок, даже подбородок. Но съезжал все ближе и ближе к жуткому краю. Тяжелый страх опять накрыл его с головой. Но было что-то сильнее страха. Яшка мог еще крикнуть. Из всех сил, чтобы услышали: «Валерка, на помощь!»

Он не крикнул, упрямо царапая ногтями лед.

Ему удалось задержаться. Но это была слабая задержка. От каждого движения, даже от вдоха он съезжал ближе к пропасти. Медленно, сантиметр за сантиметром.

Времени прошло, наверно, очень много. Проглядывало солнце, и опять набегали облачные тени. На берег, на Яшку.

Яшка заплакал.

Он плакал и, вжимаясь в рыхлый лед подбородком, смотрел вверх по склону. За бугор улетали разорванные облака. Было пусто, и Яшка понимал, что никто не придет. Разве только такие же случайные мальчишки заглянут.

Из-за бугра торчала верхушка телеграфного столба с поперечными брусками. Белые ролики сидели на них парами, как послушные птенцы. По этим перекладинам Яшка видел, что он все-таки едет и едет к обрыву. Сначала скрылась за скатом одна, потом вторая и коснулась земли третья. Казалось теперь, что белые птенцы сидят прямо на снегу.

Яшка понял, что, когда они скроются из глаз, будет конец.

И тогда он снова вспомнил о ноже. О ржавом своем ноже с тупым, но довольно длинным лезвием. Нож лежал в кармане пальто. Яшка сунул его в карман, когда отпил ремень. Даже лезвие не захлопнул.

Какое счастье, что не захлопнул!

Главное-теперь набраться смелости и дотянуться до кармана.

Яшка перестал плакать. Плавнo-плавнo приподнял правую руку и перенес назад. Пальто сбилось на сторону, и карман оттопырился, словно старался помочь хозяину. Яшка нащупал плоскую железную рукоятку. «Хороший ты мой!» — сказал ножу Яшка. Он вынул руку и медленно занес нож. Это движение стоило ему еще пяти сантиметров. Но было уже не страшно. Со всей силой, со всем своим отчаянием Яшка ахнул ножом в ненавистную ледяную корку.

Клинок пробил лед, ушел до конца, и даже под кулаком осталась вмятина.

Все. Нож сидел крепко. Можно было отдохнуть минуту, затем осторожно подтянуть колени. Потом подтянуться самому. И так, врубаясь ножиком, он доберется до спасительных глиняных комков. Всего-то метра два с половиной.

Все радости дня снова вспомнились Яшке, счастливая тройка, незаданные уроки. И марки... А как здорово он вытянул от обрыва этих двух пацанят!

Яшка улыбнулся и сквозь непросохшие слезы глянул на верхушку столба.

Перекаладина с птенцами-роликами скрылась за бугром. Острая верхушка становилась все короче. Яшка лежал, не скользил, а столб исчезал из глаз!

Потом Яшка услышал шелест и все понял. Он сжался и закрыл глаза.

Тайные ручейки-разведчики подмыли пласт слежавшегося снега. Он тронулся и вместе с Яшкой пополз к обрыву. Все быстрее...

И вот, надломившись, он ухнул в реку.

«Только бы не насмерть...» — успел подумать Яшка.

Глава вторая

В конце мая внезапно ударила жара. С утра было еще прохладно, а к полудню разжарило, словно в июле. Солнце било в окна и так нагревало парты, что краска липла к ладоням. Илья едва досидел до конца четвертого урока и побрел домой, совершенно ослепший от солнца и оглохший от зноя.

Жесткий воротник безжалостно тер мокрую шею. Можно было снять куртку, но для этого пришлось бы скидывать ранец. Кроме того, брюки держались на широких шелковых лямках, которые Илья

ненавидел и показывать никому не соби-
рался. Он шел и ругал шепотом тех, кто
придумал такую дурацкую школьную
форму. Разогретое толстое сукно пахло
шерстяным одеялом. Этот запах Илька
терпеть не мог еще с детсадовских времен,
когда всех ребят насильно укладывали
спать после обеда.

Дома Илька грохнул на пол ранец, буд-
то тяжелый рюкзак. Потом, как из ска-
фандра, выбрался из раскаленной формы
и с головой нырнул в шкаф — искать нор-
мальную одежду. Из старых штанов и ру-
башек он вырос, но мама еще в марте
позаботилась о новом «летнем обмундиро-
вании». Мама — молодец! Через три мину-
ты Илька танцевал перед зеркалом в жел-
той тенниске и коротеньких штанах с ко-
сыми карманами. Потом с удовольствием
протянул в петли скрипучий новенький
ремешок.

Красота! Слово крылья выросли.

Илька крутнулся на пятке и решил, что
обедать ему не хочется, а хочется бегать.
Он прыгнул в коридор, хлопнул дверью и
выскочил на улицу.

Вот это жизнь! Мчишься так, что ветер
свистит в ногах и мохнатыми лапами заби-
рается под рубашку. А веселое солнце не
отстает, не выпускает из теплых ладоней.

Вот так и начинается лето! Не с первого
дня каникул, а со встречного ветра, ско-
рости и солнца...

На всем скаку повернул Илька в широ-
кий Сосновый тупик. Тупик — он и есть
тупик, машины не ходят. Но тишины здесь
не бывает: ее разгоняют футболисты.

Семь или восемь мальчишек, разделив-
шись, гоняли мяч.

— Я за кого?! — крикнул Илька на бегу.

Обе команды хором ответили, что «за
нас».

Вот теперь везде принимали, не то что в
прошлом году. Как-то незаметно это полу-
чилось. Раньше могли сказать: «Обожди,
не суйся», — а сейчас Илька знает: не ска-
жут. Может быть, это после того, как он
у всех на глазах катанул на лыжах-коро-
тышках с откоса за пристанью. Все топта-
лись наверху, а он взял да и ахнул вниз,
бросив при этом непонятные слова: «Тру-
сов родила наша планета...» Левую лыжу
потом так и не нашли в снегу... А может
быть, после того, как он сцепился с одним
пятиклассником и держался, пока не подо-
спели Генка, Шурик и Антон Калинов?
Или просто потому, что девять лет гораздо
больше, чем восемь...

Когда играешь в футбол, время летит
так же быстро, как гоняешь мяч. Знатоки
про Ильку говорят, что в технике игры он
не силен, но скорость развивает бешеную.
И четыре часа мелькнули, как четыре
минутки. Илька даже не отдыхал и оста-
новился лишь тогда, когда длинный Тимка
Савельев саданул ему ботинком под коле-
но. Сгоряча Илька полез в драку, но тут
же сел в пыль, и ему очень захотелось за-
плакать от боли и какой-то неожиданной
слабости.

— Жердина ходячая, — глотая соленые
слезы, сказал он.

Тимка стоял, опустив руки и в десятый
раз объяснял, что он не нарочно.

— Лошадь, — сказал Илька и начал рас-
тирать ладонями здоровенный синяк.

Мальчишки сочувственно молчали. Та-
кое молчание не понравилось Тимке, и он
отругнулся:

— Если слезки на колесиках, ходил бы
в балет, а не в футбол играть...

Он, кажется, намекал. Дело в том, что
зимой Илька занимался в балетном круж-
ке, но был выгнан за чрезмерную горяч-
ность и невнимательность. «Слишком,
слишком много темперамента», — сказала
Илькиной маме седая сухопарая руково-
дительница.

Это воспоминание прибавило Ильке
злости.

— А твоими копытами только свай за-
бивать, — ответил он. Встал и захромал
домой.

Мама была уже дома. Она цепко огляде-
ла Ильку, сразу увидела кровоподтек и
поздравила с «первым поцелуем лета».
Илька промолчал и присел на стул.

— Носишься как угорелый и не дума-
ешь, что я беспокоюсь, — сказала мама. —
Неужели обязательно являться домой по-
сле меня?

— Все равно я забыл ключ, — вяло ска-
зал Илька.

— Как всегда.

Илька решил было ответить, что на этот
раз не «как всегда», а оставил в кармане
брюк. Но не ответил. Не хотелось почему-
то говорить.

— И с утра голодный, — продолжала
мама. — Стал совершенно как щепка. По-
смотри на себя.

Смотреть на себя Илька не стал, а ска-
зал, что у них в классе есть толстый Ма-
лахов и все его зовут Дыней.

— Тебе это не грозит, — заметила мама
и ушла разогревать котлеты.

Илька почувствовал, что есть совершенно не хочется. Тошно думать о котлетах. Водички бы глотнуть, а то сухо во рту. Но мама заставляет пить кипяченую.

Котлеты на кухне отвратительно трещали в масле. Ильку слегка затошнило.

К счастью, пришел дядя Володя, мамин знакомый.

У дяди Володи было красивое худое лицо и черные мушкетерские усики. Одевался он тоже красиво: носил разноцветные свитеры и удивительно отглаженные брюки. Но сегодня он явился в сапогах и брезентовой куртке.

— Боже мой, Владимир, — удивилась мама, — в какую дальнюю экспедицию вы опять собрались?

— Не «в», а «из», — сказал дядя Володя и ловко бросил у порога рюкзак.

— Когда же вы успели? Вы же недавно у нас были.

— Двадцатый век! Скорости...

— Проходите... Илька, ты почему не здороваешься?.. Снимайте куртку.

— Знаете, Тamarочка, не удержался и специально соскочил с автобуса, чтобы взглянуть к вам, — объяснил дядя Володя. — Хочу похвастаться необыкновенной добычей. Разрешаете?

— Разрешаю, — улыбнулась мама.

С загадочным лицом дядя Володя вынес на середину комнаты рюкзак. Расстегнул и опрокинул над желтыми половицами. Илька вытянул шею. Что-то непонятное, большое, светясь нежно-розовым пухом и сверкая пунцовыми перьями, медленно вываливалось из рюкзака. Наконец вывалилось и тяжело ударилось об пол. Илька увидел длинные птичьи ноги. Тоже розовые, со скрюченными пальцами.

Удивительная птица раскинулась перед Илькой. С длинной лебединой шеей, но на лебедя совсем не похожая. Всех цветов зари. Только алые крылья оторочены черной каймой.

Это была мертвая птица.

— Ой, что это? — громко сказала мама.

— Вы, Тamarочка, не поверите. Сплошная экзотика. Самый настоящий фламинго... Каким южным ветром занесло его в наши края?

— Действительно... — произнесла мама.

Дядя Володя повесил пустой рюкзак на спинку Илькиного стула и со скромной гордостью шагнул в сторону: пусть все полюбуется на его добычу.

Илька сполз с сиденья и встал перед птицей на колени. Провел пальцем по ро-

зовой щее. Шелковистые перышки легко пружинили. Случайно Илька задел коленом клюв и вздрогнул: клюв был гладкий и очень холодный. Илька отодвинулся.

Дядя Володя праздничным голосом рассказывал:

— Представляете, чистейшая случайность. Встала машина, что-то стряслось с мотором. Водитель такой болван... Я вылез ноги поразмять. Смотрю, летит. Высоко. Думал, журавль. Даже не надеялся, что попаду. Бросился в кабину, схватил что-то ружье, трах! Смотрю, падает. Прямо на шоссе. Глазам своим не поверил...

Глаза фламинго были затянuty пленкой.

Илька спросил:

— Разве журавлей едят?

— Нет, конечно...

— Тогда зачем вы — трах?

— Илька... — укоризненно сказала мама.

Дядя Володя сдержанно улыбнулся.

— Законный вопрос. Если рассуждать логически, стрелять не следовало. Но есть такая штука в человеке — охотничий азарт.

— Дурацкий азарт, — рассеянно отозвался Илька.

— Илька! — страшным голосом произнесла мама. — Как ты смеешь! Извинись сию же минуту!

Илька выпрямился.

— Извините, пожалуйста, — сказал он. — Это я нечаянно. Я хотел подумать, а получилось вслух.

— Негодный мальчишка, — сказала мама с некоторым облегчением.

— Ну, ну, зачем так?.. — вступился дядя Володя. — Дело не в форме выражения, а в самой сути. Допустим, азарт дурацкий. А разве ты не стреляешь из рогатки по воробьям?

— Он не стреляет, — поспешно заверила мама.

Илька снова взглянул на фламинго.

— Это же не воробей. Сравнили пенёк с ярмаркой...

— Илька! Выставляю в кухню, — пообещала мама.

Илька притих и снова наклонился над птицей. Приподнял крыло.

— Можно, я возьму одно перо?

— Да ради бога! Подожди, я оторву...

— Я пошутил, — сказал Илька.

— Ну, как хочешь...

Он стал укладывать добычу в рюкзак. Мама вздохнула:

— Все-таки жаль, что убили такую красоту...

— Эта красота не пропадет,— бодро откликнулся дядя Володя.— Выйдет отличное чучело.

— Да, конечно,— сказала мама.

Дядя Володя выпрямился и бросил рюкзак за плечо.

— Извините за непрошенный визит. Я пойду.

— Куда же вы? А обедать?

— Спасибо, хочется домой поскорее. Я ведь еще не был у себя...

Мама проводила его до двери и вернулась с каменным лицом. На Ильку не взглянула.

— А чего он врёт?— мрачно сказал Илька.

— Что значит «врёт»?

— То, что с автобуса прямо к нам пришел. У него в рюкзаке, кроме птицы, ничего не было. С пустым рюкзаком он ездил, да? Он уж тыщу раз дома побывал, а потом к нам пришел хвастаться.

Мама смешно приоткрыла рот.

— Ну... ну, может быть. Наверно, ему неловко было просто так заходить, вот он и придумал. Такой характер. А ты ведешь себя безобразно.

— А зачем он говорит «Тамарочка»?

— Илька... Что за глупости! Ну, привычка такая. Он мой хороший знакомый.

— Иван Сергеевич так не говорит.

— При чем здесь Иван Сергеевич? С Володей мы учились в одном институте. Меня там все звали Тамарочкой.

— Он мне не нравится,— сказал Илька.

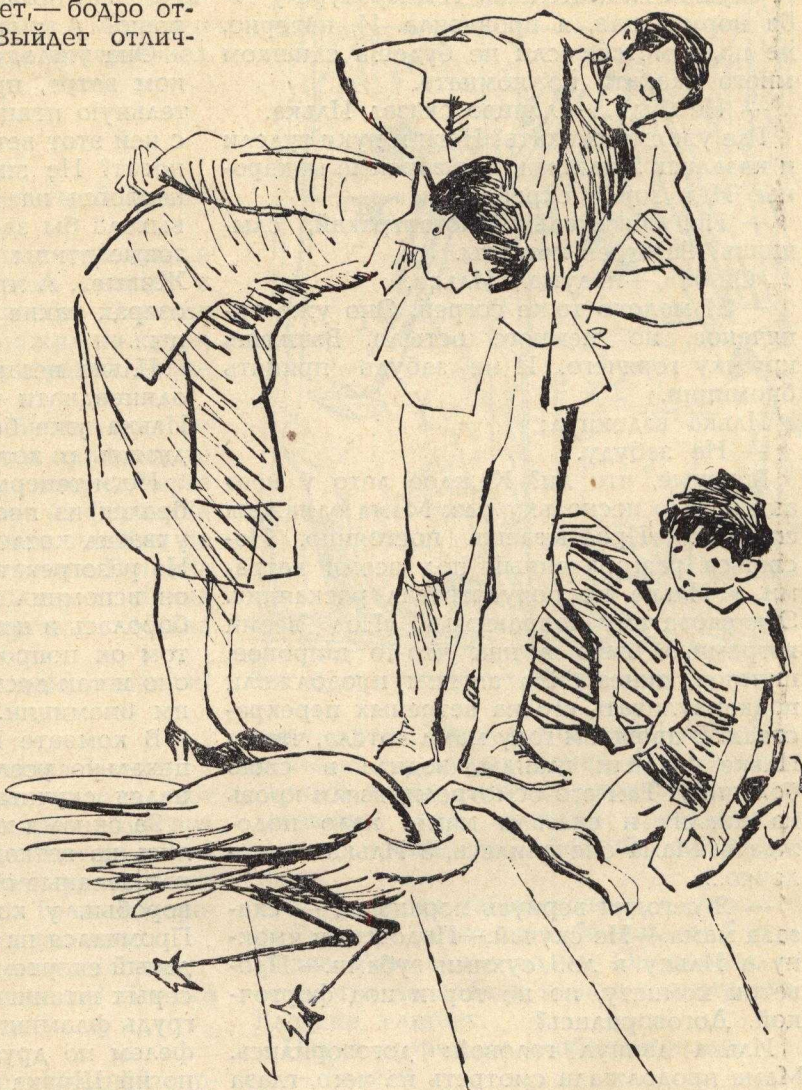
Мама взяла его щеки в ладони.

— Мне тоже,— тихо сказала она.— И все-таки надо стараться быть вежливым. Договорились?

Илька нехотя кивнул. Но мама не убрала рук. Ладони скользнули со щек на лоб. Они были очень холодными.

— Ой, Илька... Начинается опять лето.

«Ну и хорошо. Лето в тыщу раз лучше зимы»,— хотел ответить Илька. Но язык сделался совсем сухим, просто деревянным. Илька неловко вздохнул и присел на

диван. Привалился к спинке. Мамины пальцы, как встревоженные человечки, забегали по нему от пуговицы к пуговице...

Илька проснулся оттого, что щелкнул замок сумочки. Значит, мама сейчас уйдет на работу. Обычно они выходили вместе, но когда Илька не спешил, он просыпался позднее — от этого сухого щелчка.

Илька приоткрыл один глаз. Мама стояла у зеркала. Сумочку она держала в правой руке, а левой торопливо поправляла прическу.

— Проснулся? Доброе утро,— сказала мама, не обернувшись.

Как она узнает, что Илька уже не спит?

— Еще не совсем проснулся...

— Нет, уж, ты постарайся совсем.

И слушай внимательно. Температура у тебя нормальная, я проверила. И, наверно, не поднимется, если не будешь слишком много скакать по комнате.

— Не буду...— лениво сказал Илька.

Где уж ему скакать? Ноги и руки гудели и казались жидкими, как варенные макароны. И в горле скребло.

— Но обязательно позавтракай, слышишь? Разогрей котлеты.

«Ой-ой»,— подумал Илька.

— И молоко тоже согрей. Оно уже кипяченое, но немного остыло. Выпьешь кружку горячего. И не забудь принять биомицин.

Илька вздохнул:

— Не забуду.

Впервые, что ли? Каждое лето у него ангина. По несколько раз. Мама однажды сказала: «Простываешь постоянно. Носишься разгоряченный под всеми ветрами...» Илька не почувствовал раскаяния. Эти слова ему понравились. «Под всеми ветрами...» Было в них что-то широкое, шумное, синее... Но ангины продолжали подкарауливать его на ветреных перекрестках. В прошлом году мама хотела, чтобы Ильке удалили гланды, водила в свою больницу. Там его осмотрели, взяли кровь на анализ и сказали маме: надо подождать. Мама опечалилась, а Илька нисколько...

— Я сегодня вернусь пораньше, — сказала мама. — Не скучай. — Подошла и чмокнула Ильку в лоб сухими губами. — Проветри комнату, но не торчи под форточкой. Договорились?

Илька двинул головой: договорились. Мама продолжала смотреть на него, глаза у нее были большие и печальные.

— Похудел моментально, — сказала она. — Раньше хоть лицо было круглое, а сейчас щеки ввалились... А ночью нес всякую чепуху. Что тебе снилось?

— Какая-то мохнатая дрянь, — припомнил Илька. И прибавил, чтобы успокоить маму: — Не бойся, я оторвал ей хвост.

Мама улыбнулась.

— Ты запомнил все, что я сказала?

Илька морщил лоб.

— Мама... А где живут фламинго?

— Ну вот! Я тебе про одно, а ты...

— Я все запомнил, — поспешно сказал Илька. — Но ты не знаешь, где живут фламинго?

— На юге.

— Я знаю. Но где на юге? Мне надо точно.

— Не помню. Я постараюсь узнать, хорошо? А ты еще поспи.

Она ушла, а Илька стал думать о жарком ветре, принесшем в их края удивительную птицу. Скверную шутку сыграл с ней этот ветер. А может быть, он не виноват? Не знал ведь он, что фламинго нарвется на выстрел... Может быть, она вывела бы здесь птенцов, и чудесные розовые птицы стали бы летать над городом. Живые... А что? Ведь живут на недалеких озерах такие же, как в Африке, пеликаны...

Илька незаметно уснул и проспал до одиннадцати часов. Разбудил его голод. Илька уже без всякого отвращения стал думать о котлетах.

Ноги теперь почти не гудели. Илька выбрался из постели, протопал на кухню и ухватил котлету пальцами со сковородки. Не разогревать же, в самом деле. Потом он вспомнил про молоко. С минутулень боролась в нем с угрызением совести. Потом он попробовал молоко и решил, что оно и так достаточно теплое. Илька запил им биомицином.

В комнате Илька открыл форточку и печально уселся от нее подальше. Начался скучный день.

За окнами шумело веселое солнце, качалось на ветках молодые листики — яркие, как зеленые огоньки. Прыгали счастливые воробьи, у которых не бывает ангины. Промчался на велосипеде «спутник» бородатый спортсмен в таких же, как у Ильки, серых штанишках и в майке, розовой, как грудь фламинго... Потом прошагал с портфелем по другой стороне улицы длинноногий Шурка Черемховский. Неужели из школы? Так рано? Он свернул за угол, Илька не успел его окликнуть. А жаль. Шурка-то, конечно, знает, где живут фламинго...

Илька вытащил коробку с карандашами «Искусство» и тетрадь для рисования. Достал сначала красный и розовый карандаши. Он трудился долго, но фламинго все равно не получился. Ведь Илька видел только мертвую птицу, а рисовал живую. Не вышло. С досады он нацарапал бородатого черта на велосипеде и закрыл тетрадь. Тоскливыми глазами посмотрел за окно.

И тогда, к великой своей радости, увидел он, как через дорогу, прямо к этому окну шагает Генка.

Забыв про запрет, Илька взлетел на подоконник и высунул голову в форточку.

Илька, видимо, так сиял, что Генка чуть-чуть улыбнулся в ответ, хотя настроен был хмуро. Он тут же снова посерьезнел и спросил:

— Ты один?

— Мама на работе.

Генка мрачно сказал:

— Дай чего-нибудь пожевать. В брюхе свистит от голода.

Илька удивился, но молча скользнул с подоконника. Если у человека свистит в животе, ему не до расспросов. Отрезал Илька почти полбатона, положил на кусок две котлеты и все это переправил Генке через форточку.

— Сила! — сказал Генка. Бросил к ногам сумку, прислонился к стене и принялся за дело. Изредка поглядывал вверх, через плечо, на Ильку. Илька вылез из форточки почти по пояс, и сандалии его скребли по стеклу. Сверху видна была Ильке Генкина макушка с маленьким хохолком. Генка жевал так, что хохолок дергался. Илька спросил осторожно:

— Ген... Тебя, что ли, из дому выгнали?

Генка перестал жевать.

— Чего?..

— Да нет, я так... — смутился Илька.

— Чтоб из дома выгнали, надо в этот дом попасть сначала, — серьезно объяснил Генка. — А попробуй падаи. Там во какой замок. И ключ отец на работу унес, забыл оставить. И окна заперты... Только жареной картошкой из-за двери пахнет.

— У меня еще молоко есть, — сочувственно сказал Илька. — Принести? Только оно кипяченое.

Генку передернуло.

— А я ничего, пью, — со скромной гордостью заметил Илька. — Приходится, раз ангина... Ой! — вдруг встревожился он. — А если ты заразишься от котлет? Ты не боишься ангины?

Генка обернулся. На лице его ясно проступала сытая улыбка.

— Не, — сказал он и потянулся. — Я от голода помереть боялся, а теперь ничего не боюсь... А ты из-за ангины дома сидишь? Я думал, из-за ноги. Нога-то целая?

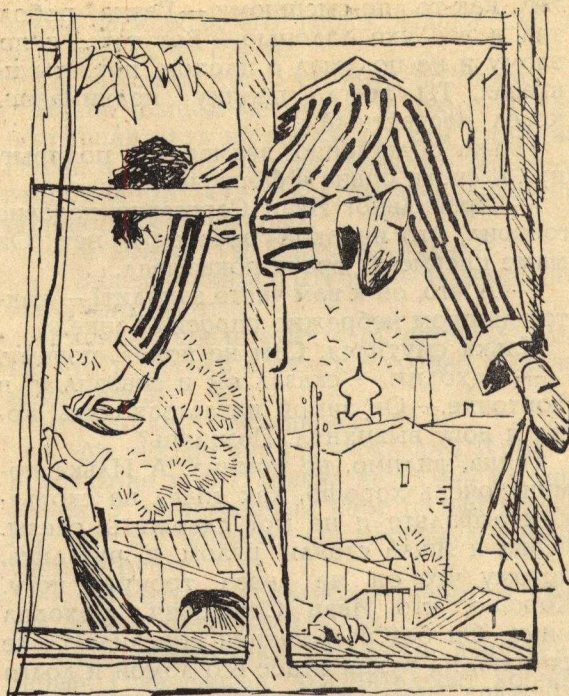
Илька подтянул пижамную штанину и с удовольствием показал кровоподтек. Если рана не болит, ею очень удобно хвастаться.

— Сгибается? — спросил Генка.

Илька попрыгал на подоконнике.

— Козел, — усмехнулся Генка.

Илька довольно заулыбался. Козел — это совсем не обидно. Это вовсе не зна-

чит — драный козел с соломой в бороде и репьями на худых боках. Это значит — горный козел, житель скалистых круч, летающий над жуткими провалами, по диким тропинкам. Легкий круторогий зверь.

— Да, я же забыл совсем, — спохватился Генка. — Зачем я к тебе шел-то! Я утром Ивана Сергеевича видел. Он просил сказать, что не зайдет к вам, потому что к Владке улетает.

Илька огорчился и беспокоился:

— Зачем?

— Я не знаю, он на ходу крикнул. Бежал на остановку автобуса и размахивал билетом.

— Что-то случилось? — полувопросительно заметил Илька.

— Да ну... Что может случиться? — возразил Генка. Но как-то неуверенно возразил и помрачнел. Потом сказал, стараясь прогнать тревогу: — Все хорошо было, Владка же писал. Недавно писал мне.

— И мне, — согласился Илька, но не успокоил себя. — А знаешь, Ген, в больницах бывает, что сегодня хорошо, а завтра плохо...

Генка, конечно, это понимал.

— Он так бежал, что я даже спросить не успел... Стой, Илька! Если бы что плохое, он бы грустный был! А он совсем не грустный. Потом даже рукой мне пома-

хал как-то по-смешному. — Генка поболтал в воздухе ладонью. — Вот так... я поэтому и не подумал о плохом, пока ты не сказал. Ты всегда панику поднимаешь, козел несчастный.

Илька облегченно засмеялся, подпрыгнул и снова повис в форточке.

— Правильно! Иван Сергеевич недавно говорил, что никакой опасности нет. Он маме письмо от врача показывал.

— А что, он к вам часто заходит? — как-то слишком небрежно спросил Генка.

Илька смутился. Сам не понял, почему.

— Заходит... — сказал он и завожился в форточке. — Он зимой начал заходить, когда я ногу вывихнул. Помнишь?

Генка, видимо, не помнил. А Илька помнил очень хорошо, как сидел на скользком асфальте и не мог сдержать слезы. Генка и Яшка стояли рядом и ругались, потому что он не давал тронуть ногу. Хорошо, что Иван Сергеевич проходил мимо. Он без разрешения вправил Ильке ступню, на руках отнес его домой и долго убеждал маму, что ничего страшного не случилось. Будто не мама, а он работал врачом. На другой день он зашел снова и, смущаясь, сказал: «Как-то на душе неспокойно. Все думаю, правильно ли я ему ногу дернул? Может быть, не в ту сторону?» Все было правильно: Илька еще прихрамывал, но уже прыгал по комнате. Увидев такое дело, Иван Сергеевич стал прощаться, но мама усадила его пить чай.

В третий раз Иван Сергеевич появился с письмом. «Владик про вас спрашивает, про ребят... Что написать? Как ты живешь, Илья-громовержец?» Илька удивился: он сам недавно нацарапал письмо Владику.

Потом Иван Сергеевич стал приходить просто так. Он жил теперь совсем недалеко, тоже в новом доме. «Сижу один, как крот, в пустой квартире. По вечерам тоска берет. Думаю, дай забегу на огонек», — признался он однажды. А мама объяснила Ильке: «Он по Владику скучает, а вы, наверно, похожи. Вот он тебя и навещает».

Такое объяснение не понравилось Ильке. Он вспомнил Владика и долго крутился у зеркала. Решил: «Нет, не похожи! И Владик здесь ни при чем...»

— А, вспомнил, — вдруг спохватился Генка. — Это в зимние каникулы было. Он как дернет ногу, а ты как взвоешь!

Илька огрызнулся:

— А ты бы не взвыл?

— Взвыл бы, наверно, — честно сказал Генка. — Я ведь не смеюсь, а так... Я, зна-

ешь, что думаю, Илька? Может, Владьку уже выписать решили?

— Тю... — сказал Илька. — Его в июне выпишут. Еще целый месяц ждать.

— Да знаю я. А если все хорошо, то, может быть, раньше?

— Раньше из больницы не выпустят, — с железной уверенностью заявил Илька. — Спроси у мамы.

Генка поднял свою сумку.

— Пойду я. Может, мать пришла с работы, открыла...

Илька сразу загрустил: опять сидеть одному. И тут он вспомнил:

— Гена, подожди! Не знаешь, где живут фламинго?

— Чего? — сказал Генка и поднял брови.

— Не «чего», а «кто», — строго поправил Илька. — Фламинго — такая розовая птица. Большая... Да ты не знаешь, раз спрашиваешь.

Генка подумал.

— Яшка, наверно, знал. Он всякие марки собирал про зверей. Иностранные.

— Яшка...

Они помолчали. Мало ли что знал Яшка! Этого теперь никто не узнает...

— А может быть, он не утонул, — тихо сказал Илька. — Может быть, он все построил, сумку на берегу оставил, а сам сбежал. Он в прошлом году в Африку собирался, у меня рюкзак просил.

— Брось, — серьезно сказал Генка. — Даже его мать сейчас так не думает.

«Яшка умер», — отчетливо подумал Илька и закрыл глаза. Он попытался представить мертвого Яшку Воробья, но не смог.

Илька не боялся размышлять о смерти. Он относился к ней серьезно и спокойно. С печалью, но без страха он вспоминал, как хоронили отца. Но Яшку он помнил только живым. Веселым. Вместо Яшки представился почему-то застреленный фламинго, а потом совсем некстати вспомнился разговор с дядей Володей: «Это же не воробей. Сравнили пень с ярмаркой...»

— Наверно, еще Шурка знает про это... про птицу, — перебил Генка Илькины мысли. — У него голова всем, чем хочешь, набита. Ты покарауль, когда он из школы пойдет, и спроси.

— А он уже шел из школы. Совсем рано. Я видел.

— А, верно! — вспомнил Генка. — Ребята говорят, что его с уроков прогнали.

Илька дернулся в форточке:

— Врешь!

Генка засмеялся.

— Нет, правда. Потеха.

Илька обиделся за Шурика:

— Никакая не потеха! За что его выгнали? Он же отличник.

— Вот это и смешно,— объяснил Генка.— Если бы меня прогнали, тогда ясно. А за что его? Говорят, поругался с учителем... Да ладно, обойдется... А зачем тебе эта фламинго?

— Надо,— хмуро сказал Илька, потому что сам толком не знал, зачем.

— В биологическом кабинете у нас карта есть. На ней все звери показаны, где они живут. Прямо так и нарисованы: львы в Африке, тюлени на Севере...

— В кабинет нас не пускают,— опечалился Илька.— Да я и в школу в этом году не пойду, наверно. Четыре дня до каникул.

— Ну, в магазин учебных пособий сбегай, там все карты продаются.

— Точно?— с беспокойством спросил Илька. Он уже ясно представлял громадную карту, усыпанную фигурками львов, медведей и крокодилов.

— Точно,— сказал Генка.— Мы зимой с рисования сбежали и пошли в этот магазин скелет смотреть. Я там эту карту видел. Копеек сорок или пятьдесят стоит.

— Подожди!— крикнул Илька и упал из форточки в комнату. Отыскал в ящике стола свой новенький полтинник, зажал в кулаке и снова кинулся к окну.

— Гена! Купишь карту, ладно? Вот, есть деньги.

Генка озадаченно заморгал.

— Ни фига... Это значит— мне топать в магазин?

— Скелет смотреть охота была...— упрекнул Илька.

— Скелет... Тогда все равно делать было нечего.

— А сейчас?

— Сейчас у меня ботинок жмет...

Илька внимательно посмотрел на Генкины ноги.

— Ты вчера в этих ботинках в футбол играл. Не жали?

— Чтоб ты провалился,— мрачно сказал Генка.— Давай сюда деньги...

Когда ждешь, время тянется издевательски медленно.

Илька чуть не протер носом стекло в окне. Потом решил, что магазин закрыт на учет, или Генка потерял деньги, или какие-нибудь хулиганы отобрали у него карту. От таких горьких мыслей ангина

снова заскребла его горло. Илька лег и отвернулся к стене.

Тогда кто-то легко стукнул по стеклу.

Илька птицей метнулся к окну. И от огорчения чуть не заплакал: там стоял не Генка, а Шурик. Шурик знаками показал: открой форточку. Илька взгромоздился на подоконник и открыл.

— А Генка? Ты Генку не видел?

— Видел,— сказал Шурик.— Возьми, пожалуйста, карту.

И только после этих слов заметил Илька, что у Шурика в руках большая бумажная труба.

— Купили!— возликовал он.

— Да нет, не купили,— сказал Шурик.— В магазине таких сейчас нет. Гена ко мне зашел. У меня разных карт целый ворох. Ну, вот эту нашли.— Он просунул в форточку трубу.

— Ой, Шурка, спасибо,— шепотом сказал ошарашенный Илька.

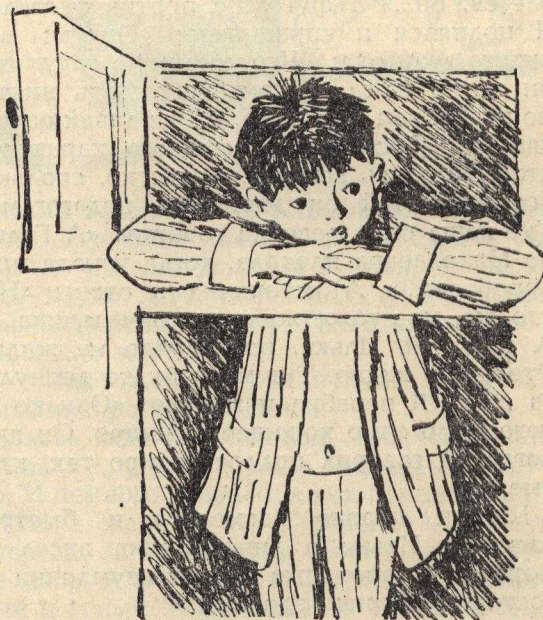
— Да ну, пустяки. Подожди, я чуть не забыл. Гена сказал, что пятьдесят копеек тебе завтра отдаст. А сейчас он на них два билета в кино взял.

При чем здесь пятьдесят копеек? Скорее бы развернуть карту... Но так нельзя, нехорошо оставлять под окном Шурика.

А вежливый Шурик поинтересовался:

— Как твое горло? Все болит?

— Ни капельки! Только на улицу нельзя. И ко мне никому нельзя заходить: инфекция.

Шурик сочувственно вздохнул.

— Лучше бы уже в школе хоть весь день сидеть,— печально сказал Илька. И вспомнил: — Ой, Шурка! А правда, тебя сегодня выгнали?

— Было,— с усмешкой сказал Шурик. И вдруг сделался немного похожим на Генку. Посмотрел мимо Ильки холодно и как-то упрямо. И словно мускулы напрягил под рубашкой. А какие у него мускулы! Почти как у Ильки.

«Не надо спрашивать»,— подумал Илька. Но Шурик сказал сам:

— Глупая история вышла. Из-за Яшки.

— Из-за Воробья? Как это?

— Да так. Из-за разговора... На истории. Есть у нас учительница, ты, наверно, ее видел: седая, с бородавкой.

— На носу бородавка...

— На носу... Изображает из себя профессоршу, а на самом деле... Вспоминать не хочется. Не столько по истории рассказывает, сколько лекции по воспитанию читает. Тоска заупокойная...

«Ну и Шурка!» — ахнул про себя Илька.

— ...И сегодня тоже завелась...— Шурик передохнул и гнусавым голосом начал: «Мне совершенно непонятно легкомыслие и беспечность нынешних школьников. Совершая необдуманные поступки, они не желают представить, какой результат может повлечь за собой такой поступок. У вас уже есть печальный пример. Воробьев из четвертого класса «А» неосторожно вел себя на берегу и, как установило следствие, сорвался и погиб. А зачем, спрашивается, он...» Тыфу! Мне противно стало. Я поднялся и спрашиваю: «Откуда вы знаете?» А она: «Что именно?» «Ну что он погиб из-за легкомыслия. Ведь никто не видел, как он погиб». А она давай опять тянуть: «Достаточно знать его характер, чтобы сделать выводы. Известно, сколько неприятностей он доставлял педагогам». Тут наша одна девочка говорит: «А Галина Николаевна плакала, когда узнала про Воробьева...» А историчка в ответ: «Ну что же, мне тоже жаль этого мальчика...» А ведь ей, Илька, нисколько не жаль! Это сразу видно. Тут меня будто дернули за язык. Я перебил и говорю: «Однако у него было одно хорошее качество. Он никогда не говорил подлостей про тех, кто умер...»

Шурик нервно засмеялся и быстро взглянул Ильке в лицо. Илька висел в форточке, приоткрыв рот от изумления и восторга. Шурик вздохнул.

— Ну, вот... У нее даже бородавка побелела. Она губами пошлепала и говорит: «Я б-буду, Черемховский, н-настаивать, чтобы в-вы не присутствовали на моих уроках. П-па-а-трудитесь выйти».

Илька подумал и серьезно сказал:

— Шурик, ты молодец. А что теперь будет?

— Да ничего, наверно, не будет. До конца года три урока по истории осталось. Переживу.

Илька почувствовал, что переплет рамы сильно давит ему живот. Неудобно торчать в форточке, лежа животом на тонкой перекладине. Илька завозился.

— Иди в комнату! — спохватился Шурик. — Ты же можешь опять простудиться! Я тоже пошел, мне пора.

И он исчез, вежливо сказав «до свиданья».

Илька прыгнул на пол. Бумажная труба лежала у его ног. Илька не разворачивал. Что-то слишком тяжелой стала голова. Может быть, снова поднимался жар? Обо всем думалось сразу: фламинго, Яшка, обрыв, Шурик, его учительница... Все перепуталось...

Илька тряхнул головой. Все-таки карта перед ним. Вот она. С открытыми тайнами зверей и птиц. Сейчас... Тоненькой стрункой начинало в нем звенеть радостное нетерпение. Сейчас...

Он встал на колено и прижал у карты один уголок. Потом катнул от себя трубу. Карта развернулась сразу: легко, почти без шелеста. Лишь края чуть приподнялись над полом.

Илька вздохнул, как от встречного ветра. И засмеялся.

Ну, поймите Ильку. Никогда-никогда он не видел вблизи таких громадных карт. Ребятам постарше они, конечно, знакомы, а он, второклассник, где мог их увидеть? И вдруг с размаху развернулся перед ним удивительный синий мир. Синий и пестрый. словно в полутемной комнате бесшумно упала стена и открылись за ней незнакомые страны.

По Африке, желтой от песка и высохших трав, мчались антилопы и жирафы, неторопливо и царственно двигались львы, шагали независимые слоны. Киты и акулы пенили воды океанов. Веселые кенгуру скакали через всю Австралию, белые медведи и моржи выползали на льдины у полюса. Тигры и зайцы, лоси и удавы, утконосы и крокодилы... Не Земля, а ве-

сельный зоопарк. Нет, не зоопарк: звери здесь были свободны...

Илька не нашел фламинго. Долго искал по всем берегам и странам, видел удивительную птицу-лиру, потом попала еще странная птица-секретарь. А фламинго не было.

Илька не огорчился. Он почти позабыл про фламинго. Вставала перед ним гудящая зелень джунглей, грозно темнели коричневые горы, обнимал со всех сторон темно-голубой океан. И очередями били с карты разнокалиберные буквы названий: Ямайка (Я—майка!), Хоккайдо, Шпицберген, Канберра, Скагеррак (Скагер-р-рак!)... И звонкое, как сигнал трубы,—Горн! Мыс Горн...

Буквы прыгали через оленей и зебр, а львы смешно шевелили хвостами. Илька улыбнулся и прилег щекой на западное побережье Африки.

...Когда пришла с работы мама, он спал,

раскинувшись между Австралией и берегом Аргентины. Ладонь его бережно прикрывала мыс Горн, известный своими бурями.

Карту Илька прибил над кроватью. Мама не спорила. Ей только не нравилось, что Илька торчит перед картой целыми часами. Встанет в кровати, упрется в моря и горы ладонями и что-то бормочет.

Мама подходила, трогала лоб. Большого жара не было. Илькина ладонь корабликом скользила по карте.

— О чем ты шепчешь?—спросила мама.

Илька улыбнулся и тихо сказал:

— Под всеми ветрами...

Мама наконец не выдержала:

— Ты засиделся дома. Вся твоя ангина давно кончилась. Мог бы и погулять, а то привыкнешь к пижаме, как пенсионер...

Илька вышел на улицу. Стоял безвет-

ренный вечер. Очень теплый. Клейкие, но уже подросшие листики густо сидели на ветках. Солнце ушло за крыши, но было еще светло. В тупике гадали футболисты. Илька постоял на углу. Генки среди игроков он не заметил.

— Иди за нас!—крикнул издали бывший про ссору Тимка.

Илька покачал головой. Медленно зашагал в другую сторону. Ему было грустно. И немного тревожно, как перед грозой.

Илька свернул на Пароходную улицу. Впереди, за берегом, не было ничего, кроме неба, и в небе вставал закат. Громадный и ясный. Илька еще не видел такого.

У самой земли небо горело алым светом, а выше делалось оранжевым. Оранжевый свет постепенно терял красноватые тона и переходил в чисто-желтый. И в этом желтом океане, как потерянное перо фламинго, висело узкое облако: пунцовое с темной оторочкой.

Берег был пуст, и одинокая мазанка над обрывом казалась хижинкой Робинзона.

«Щелк-щелк-щелк» — стучали Илькины подошвы. А больше ни звука.

Илька отчетливо понял, что сейчас что-то случится.

И он почти не удивился, когда из-за ближних заборов выплыла в просвет улицы и заскользила по закату высокая, тонкая мачта. С перекладиной и тросами, с узким повисшим флагом. Она двигалась над обрывом, и даже мазанка не закрыла ее верхушку.

Илька охнул и рванулся к берегу.

Был невиданный разлив, и горящие на закате плесы уходили к горизонту. Внизу,

вдоль береговых откосов, шел большой пароход. С круглыми иллюминаторами вдоль черных высоких бортов, с белой рубкой и мачтой, похожей на мачту фрегата. Это было нездешнее судно. Видно, пользуясь высокой водой, пароход пришел с низовьев и теперь опять уходил в родные места.

Илька провожал его глазами. Вертелось в голове какое-то слово. Очень нужное и очень знакомое. И наконец Илька догадался: про этот пароход можно было сказать то, что никак не подходило плоским, неуклюжим буксирам и пассажирским теплоходам, похожим на плавучие белые рестораны.

Можно было сказать: корабль.

И тут Илька понял, что же ему не дает покоя. Отчаянно, до тоски, хотелось в дальнюю дорогу. Туда, где незнакомые берега и города.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Апрель

С. ФЕДОРОВ

Апрель.
Это значит,
Что скоро в разливе
Вода разбежится, затопит
луга.

А как же шалаш,
Тот, который в Разливе?
Не смоет ли хрупкие ветки
река?

Не смоет.
Он каменный,
Он на века!

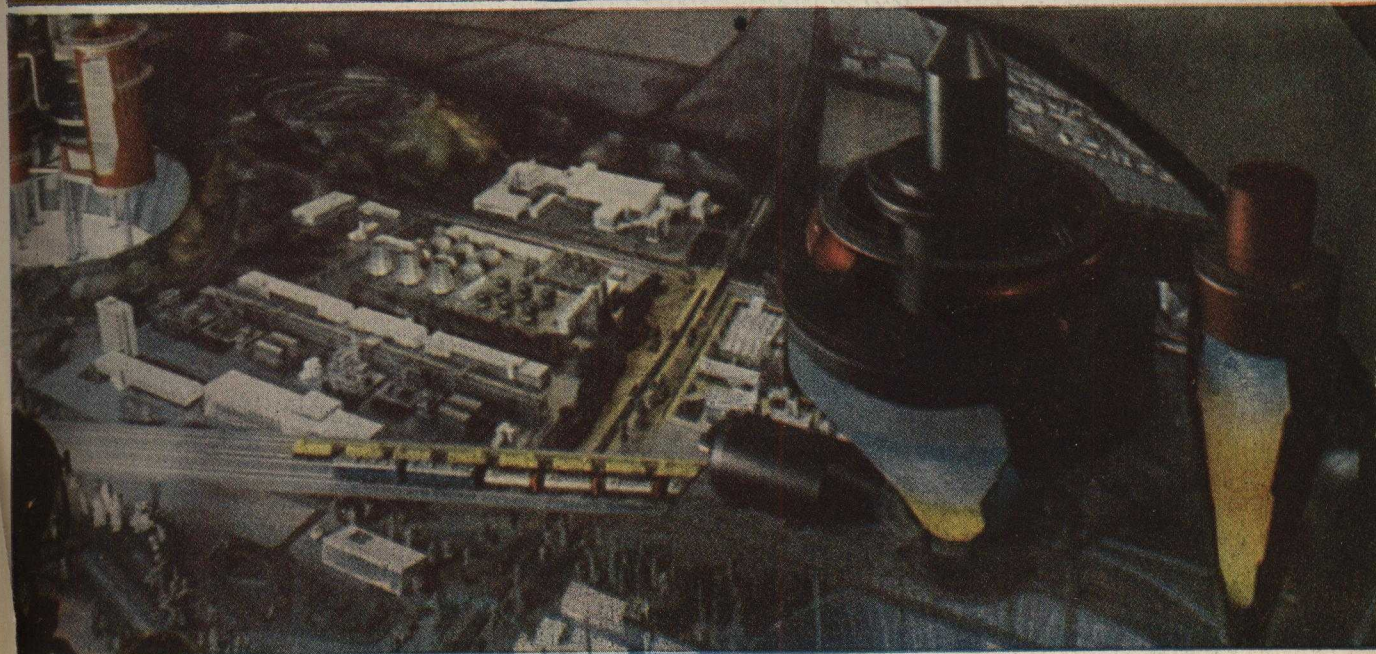
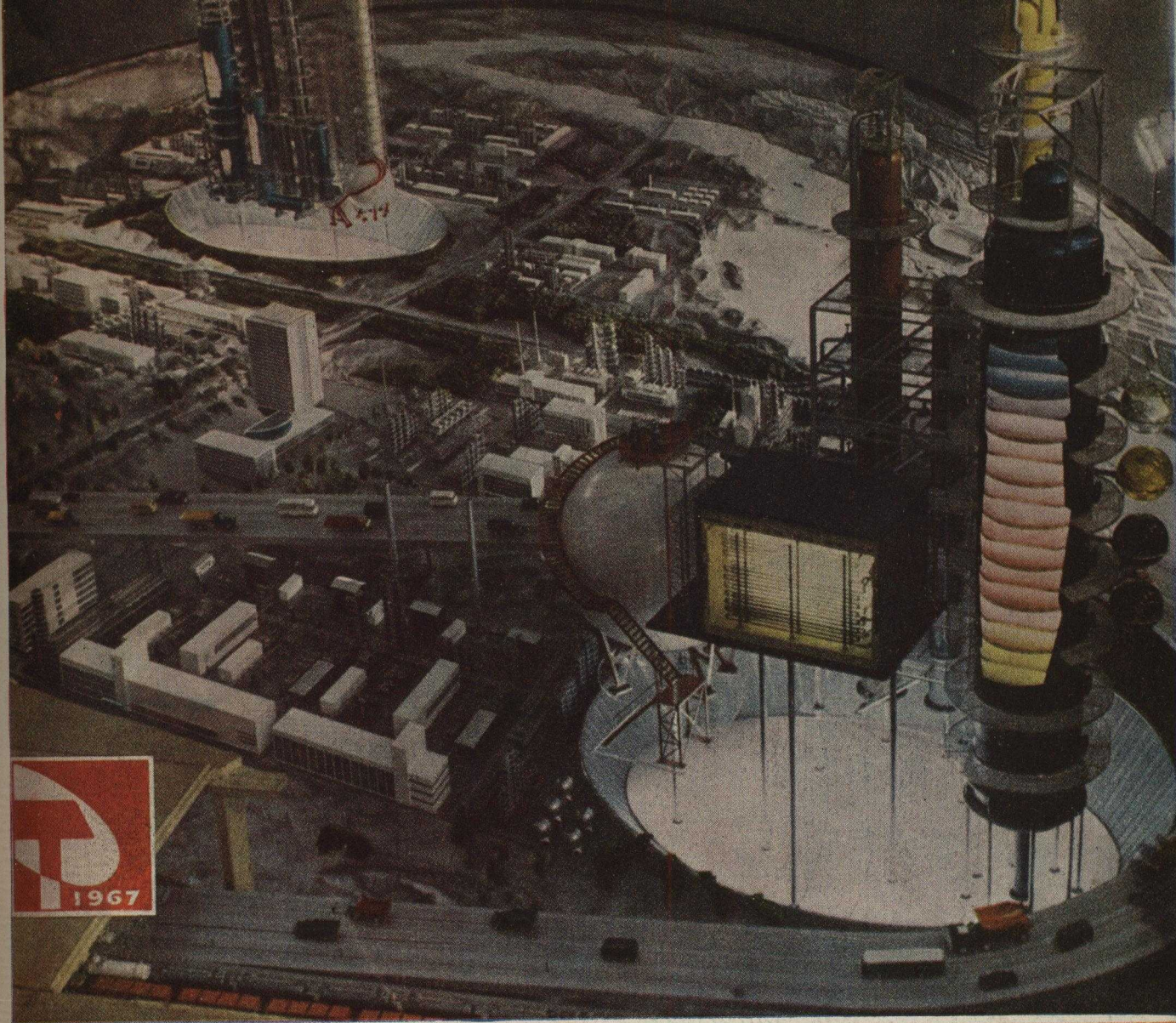
Апрель.
Еще всюду снега и снега.
Воде еще рано пускаться
в бега.
Она еще — наст, она — иней
и лед,

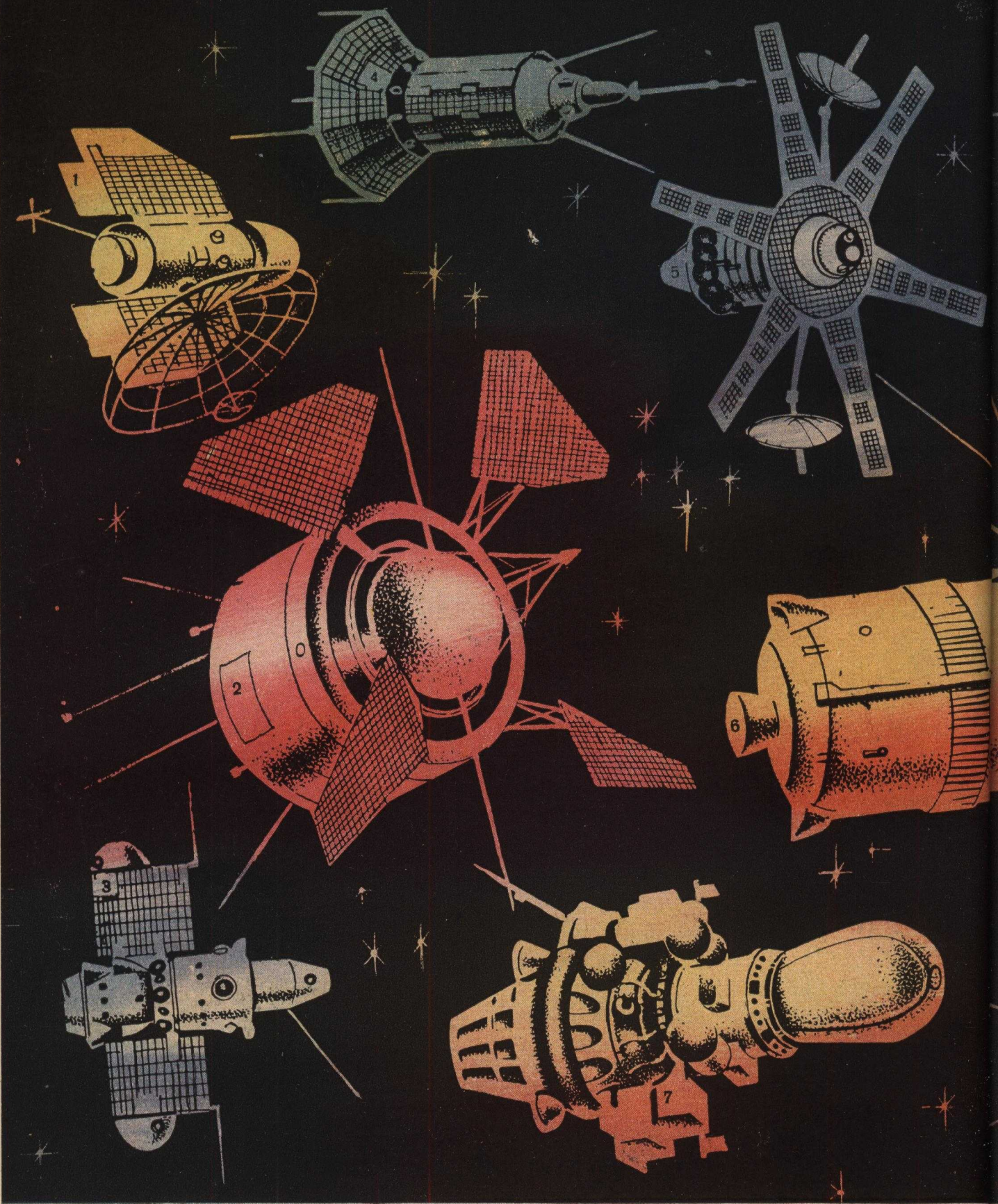
Лыжня,
По которой на лыжах идет
На сбор к шалашу
пионерский отряд,
И крики, как птицы, по лесу
летят
И палки мелькают,
И шапки пестры.
А к вечеру в небо
взовьются костры.

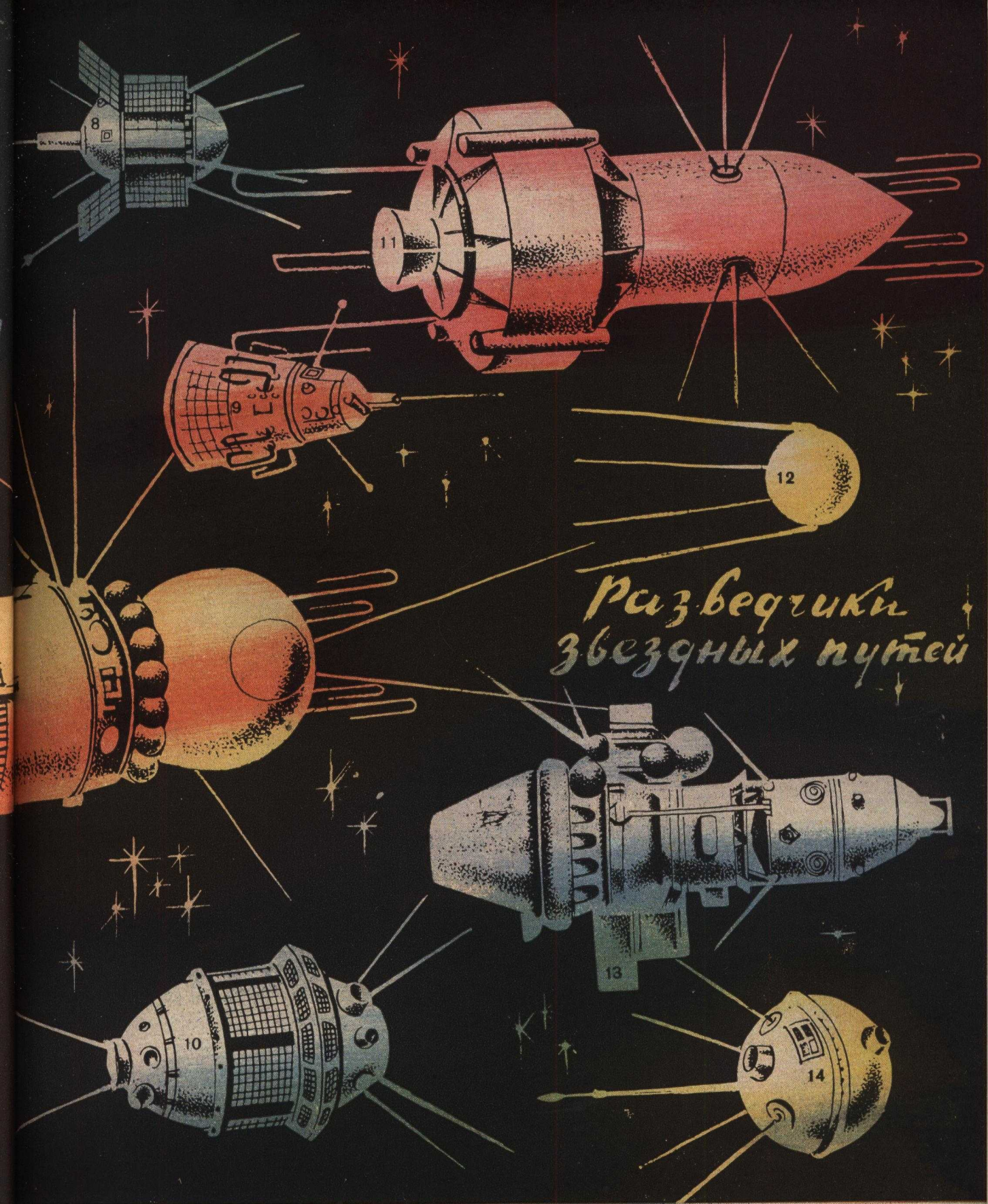
Под звездами,
В снежном лесу молчаливом,
Расскажет ребятам седой
человек:

Когда-то
Здесь Ленин скрывался,
в Разливе.

Представьте:
Костер, и шалаш, и ночлег...

СКВОРЕЧНИК

Белочку я заподозрила не сразу. Впрочем, надо сперва про скворечник. Ни на одном из семидесяти трех садовых участков не было такого. Но ведь в нашем домике жил художник, да и к тому же большой выдумщик. Вот он и решил сделать из дулявого березового полена скворечник, который был бы похож на древнего языческого божка.

Наш скворечник-божок улыбался нарисованными красной охрой губами и смотрел вдаль поверх молодых яблонь, загадочно прищурив левый глаз и широко раскрыв правый. Прищуренный левый был выгравирован стамеской и раскрашен, а правый был выдолблен насквозь, до самого дупла. Он-то и служил входом.

Скворцы были довольны. Их не беспокоило, что входом служил глаз. Они просто не замечали этого. Занятые хлопотами по весеннему ремонту, они с лету ныряли в задумчивую темноту зрачка, неся в клювах травинки и пух иван-чая. Потом в один прекрасный день скворец-мама забиралась внутрь надолго, чтобы своим теплом разбудить жизнь, дремлющую в голубых с коричневыми веснушками яичках. Скворец-папа таскал ей червяков на завтрак, на обед и ужин, а улучив минуту, весело распевал, сидя, как на шестке, на изогнутых деревянных рогах идола.

Справедливость требует признать, что мы не сами выдумали внешность нашего березового божка. Образцом послужила маска древнего колдуна-шамана; маска, высеченная на скалистом береговом обрыве, великой сибирской реки Лены неведомым художником, жившим в каменном веке.

Но что там ни говори, а скворечник был замечательный, и нравился мне не меньше, чем скворцам. Приехав в сбросивший снежные оковы сад, я нет-нет да и отрывалась от весенних дел, чтобы перекинуться взглядом с божком и ответить улыбкой на его улыбку. Так бывало из года в год, но в прошлую весну божок совсем изменился. Какое-то другое выражение появилось на его деревянном лице. Я не сразу заметила перемену, а когда заметила, стала доискиваться, в чем она.

Ну, конечно, глаз! Широко открытый глаз был не тот. Он смотрел уже не задумчиво, а удивленно и немного обиженно. Он перестал быть круглым. Вместо аккуратного кружочка зияло неправильной формы отверстие. Какие-то бороздки и царапины окаймляли его наподобие лучей.

Может, и не разгадалась бы загадка, если бы от нашей соседки Люды не узнала я про случай с другим соседом, Володей. А с ним вот что произошло. Он приехал в сад недели на три раньше, еще когда не весь снег сошел. Глянул на свой скворечник и обомлел. Кто это его изуродовал? Леток кривой, с неровными краями и гораздо шире, чем был! Чертыхнулся Володя с досады, подставил лестницу, полез за скворечником.

Открыл крышу. Запустил руку внутрь.

— Ишь, до чего запущенный! Давно пора было чистить,— ворчал Володя, горстью выгребая какой-то пух.

*Наш журнал,
Все его читатели
И писатели,
Все взрослые
И невзрослые,
Торжественно
Поздравляют*

**КОРНЕЯ
ИВАНОВИЧА
ЧУКОВСКОГО**

*В день
Его рождения.
Желаем здоровья,
Желаем счастья!*

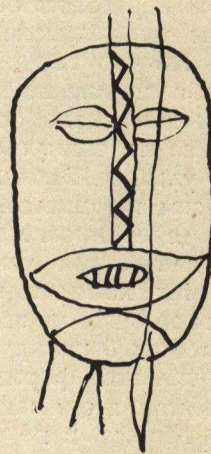
Почти донизу добрался, когда вдруг почувствовал в руке что-то теплое и живое. Вынул, разжал горсть — на ладони лежал крохотный бельчонок, голый, слепой, беззащитный.

— Ох, прошу прощения, — неизвестно перед кем извинился смущенный Володя, поспешно положил бельчонка внутрь, поспешно запихнул обратно весь пух, поспешно взобрался по лестнице со скворечником в руках и прикрепил его на место, пока белка домой не вернулась. Однако белка все равно заметила и, как видно, обиделась, потому что в тот же день тайком перетаскала своих ребятишек в другое место. Куда? Неизвестно.

Теперь для меня стала ясной загадка изуродованного божка. Значит, это белка! Значит, и в нашем скворечнике выводились бельчата! А потом еще и не то выяснилось. Не только у нас — почти во всех садах скворечники были переделаны белками на свой вкус. И за объяснением не понадобилось далеко ходить. На вершинах огромных вековых елей, обступивших наши сады, тяжелыми гроздьями висели золотистые шишки. Урожайным был этот год в лесу! Вот беличий народ и перекочевал сюда. А тут рядом с лесом пустые квартиры, только двери маловаты. Ну, да это дело поправимое, коли во рту острые зубы...

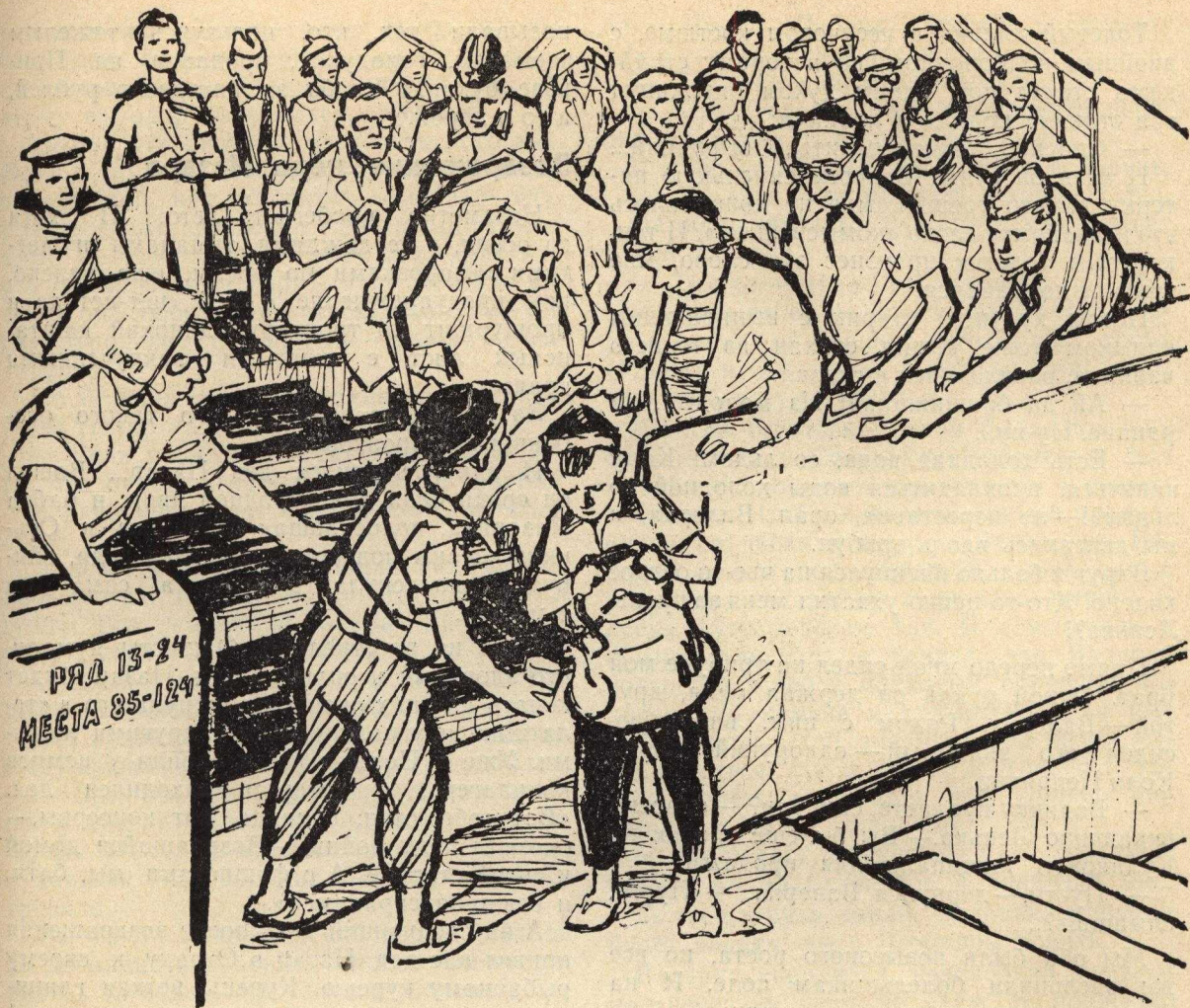
Белки и позже не ушли. Все лето цокотали они на елках, бросали вниз обгрызенные шишки. А одна каждый день торопливо пробегала по зубцам штaketника вдоль всех участков и, спрыгнув на землю возле нашего домика, исчезала в густой поросли молодых елок.

Может, это она, та, что зимовала у нас? Может, привыкла за зиму к этому пути? Может, она и в нынешнем году поселилась в нашем скворечнике-божке? Вот было бы здорово! В следующий выходной обязательно поеду посмотреть.

Древняя колдовская маска, высеченная на скале над Леной.

Рисунки
Ю. ЧЕРЕПАНОВА

К Валерке уже потянулись руки со скомканными рублями.

Валерка торжествующе посмотрел на меня и осторожно — не пролить бы — наполнил первый стакан. Наклоняясь к чайнику, шепнул мне:

— Реклама... Понимать надо. А ты есть тютя.

Чайник разошелся быстро. Уже с порожним мы свободно вышли со стадиона через ворота, и контролерши подозрительно покоились на нас. За пазухой у Валерки топорщились рубли, трешки и пятерки. Довольный Валерка похлопал себя по животу:

— Ну, что я тебе говорил? Значит, так. Сделаем несколько ходок — рубчиков пятьдесят получишь. Захочешь, можешь конфет купить. Иль буханку хлеба. Купишь на Привозе у спикуней и домой притащишь. Заработанную буханку. Годится?

Я промолчал.

— Ты чего дуешься? Мало? — Валерка

принялся загибать пальцы на руках: — Считай: посуда моя, продаю я, да и придумал все это тоже я. И тебе еще мало? Ну, согласен? Говори, а то вон позову Мишку и Оську, так они мне за трешку всю воду из крана перетаскают. Ну?

Я уже хотел было уйти от Валерки: пусть сам бежит по стадиону со своим пузатым чайником, но в то же время мне вдруг очень захотелось купить на Привозе буханку и принести домой.

Я вспомнил про пшеничную ковригу и сказал Валерке:

— Ладно, пошли.

Когда мы с Валеркой снова проникли на стадион через потайную дырку, канатчики уже забили две штуки в ворота судоремонтников. Стадион свистел и надрывался. И торговля у нас пошла бойко. Валерка едва успевал забрасывать за пазуху рубли.

Толстый дядька в чесучовом костюме, с двойным подбородком, по которому струйками стекал пот, одним духом опрокинул три стакана подряд и крикнул:

— Спасибо, коммерсанты, выручили...

И хотя он сунул Валерке синенькую пятачку вместо трешки, мне не понравилось это незнакомое слово «коммерсанты». И тон, которым толстяк произнес это слово, мне тоже не понравился.

Потом худющий старик с выпирающим кадыком тоже выпил стакан из нашего чайника, расплатился и сказал:

— Ай да бакшишники! Из молодых, да ранние. Ну-ну...

— Есть холодная вода, со льдом! Кому напиться, прохладиться воды холодной со льдом?! — не переставая, орал Валерка, и мы двигались вдоль трибун.

Вдруг я больно наткнулся на чье-то острое колено. Кто-то цепко ухватил меня за рукав. Ленька?!

Прямо передо мной сидел на трибуне мой брат. Одной рукой он держал меня, другой — Валерку. Рядом с ним, вплотную, сидел его знакомый — однорукий моряк Коля Непряхин.

— Водичку продаете, спикнули? — спросил вкрадчиво Ленька. — Вы бы еще травки на Куликовом нащипали для продажи.

— Пусти, — дернулся Валерка. — Пусти, слышишь?..

Мы оба были невысокого роста, но все же заслонили болельщикам поле. И на Леньку зашикали со всех сторон:

— А ну отпусти малых, жлоб! Чего пристал?

Я выпустил ручку чайника.

— Катись отсюда со своим самоваром! — Ленька пнул Валерку ногой. — А ты садись, — приказал он мне и подвинулся, освобождая для меня место на трибуне.

Когда я примостился, Ленька больно поддал мне кулаком под ребра:

— Ишь, спикнуть нашелся...

Я стерпел и промолчал.

А Коля Непряхин сидел и делал вид, будто он вовсе со мной незнаком.

Я покосился на Колю:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, здравствуйте, — ответил мне Коля нехорошим голосом.

А Ленька еще раз поддал кулаком.

— Ишь, спикнуть...

И снова я терпеливо перенес удар. Мне было стыдно. Особенно перед Колей. Я знал, что такое «спикнуть». Спикнулями

называли тех, кто, пользуясь тяжелым временем, голодухой, продавал на Привозе буханку хлеба за пятьдесят рублей, а то и дороже.

Возвращение деда Назара

Незаметно пробегают лето. И хотя до осени, с ее дождями, туманами и легкими заморозками по ночам, еще далеко, как предупреждение о ней нет-нет да и прошуршит по тротуару одинокий каштановый лист с желтыми закрученными краями.

За последнее время ничего такого особенного не произошло.

И вдруг вернулся дед Назар... Вошел он среди бела дня в родной двор, и бабка Назариха, полоскавшая Мишкины и Оськины штаны под краном, увидев деда, ойкнула, всплеснула руками, а сама ни с места...

Деда не расстреляли. Фашисты думали, что здоровый и сильный дед Назар будет копать для них окопы. Запихнули его в «телятник» и угнали вместе с другими людьми. Уже в Польше наши отбили у немцев концлагерь, в котором находился дед. «Вот тебе, отец, буханка, вот консервы, — сказали деду бойцы. — Возвращайся домой к своей старухе. А с фашистами мы, батя, и без тебя справимся».

А на следующий день после возвращения привел нас дед Назар в Отраду к своему рыбацкому куреню. Курень, ветхая глиняная хибара, стоял на пригорке у самой воды. Тут же неподалеку лежала плоским просмоленным днищем вверх старая шаланда, замаскированная ветками и травой. Дед разбросал сухие ветки и гулко хлопнул шаланду ладонью по днищу, как по животу.

— Рыбачить будем. — И провел желтым в трещинах пальцем по моим ребрам. — Ишь, как шпангоуты у тебя выпирают, прозрачный. А ну, огольцы, за работу.

Шаланду мы починили за два дня и сволокли ее гурьбой к воде, чтобы не рассохлась.

...Полдень. Мы сидим в Отраде в утопанном дворике возле куреня деда Назара. Внизу лениво шевелится море.

— А ну, не мельтеши, не мельтеши под руками, ставрида голопузая, — ворчит на нас дед Назар.

Его заскорузлые, в трещинах пальцы ловко подвязывают надежными рыбацкими узлами крючки к леске. Возле каждого крючка дед уже ниткой прикрепляет цвет-

ное перышко. Дед мастерит самодуры под скумбрию. Каждое перышко имеет несколько цветов: синий, желтый, зеленый,—и поэтому самодур называется «огонек».

Хитрая это штука — мастерить «огонек». Дело в том, что хоть и ловят скумбрию не с наживкой, как, например, бычка, а «дурят» пустыми крючками с цветными перышками, но чуть что, она сразу разглядит, что это обыкновенные перья, а не тюлька, которой она любит лакомиться, и тогда махай самодуром хоть целый день,—рыбки не вытащишь.

Но за наши «огоньки» я спокоен: кто-кто, а дед Назар мастер их делать.

— Лень, неужели эта скумбрия такая дура, что будет заглатывать пустые крючки?

Ленька перекусил зубами леску и объяснил:

— Дура не дура, а хищная это рыба — живоглотка. Понятно? Живоглотство ее и губит. Вот, например, акула. Ей что ни кинь — схватит. Так и скумбрия.

— А-а...— понимающе протянул я.— Ну, раз живоглотка, так ей и надо.

Дед привязал последний, пятнадцатый по счету крючок к своему самодуру и поднялся.

— Вот что, огольцы. Возмите вон анкерок у куреня да сходите у ключа воды наберите. Иначе не выйдем мы нынче в море с вашими расспросами. Леонид, подай-ка грузило.

Мы взяли анкерок — небольшой, литров на двенадцать дубовый бочонок — и отправились за водой. Мы — это я, Соловей, Валерка и Цинклеры Мишка и Оська.

Меня беспокоило только одно: кого из нас, кроме Леньки, конечно, дед Назар возьмет на шаланде в море? А что на берегу кто-то останется, в этом я был уверен. Но кто?

Когда мы вернулись, дед Назар уже копался возле лодки, стоя по колено в воде. Вслед за Ленькой мы тоже вошли в воду и окружили шаланду, взявшись руками за борт.

Лодку слегка покачивало. Дед Назар сказал Мишке и Оське:

— Рты хоть позакрывайте, зубы вышибет.

Близнецы еще крепче впились пальцами в борт, но я понял: не видать им сегодня моря, как своих ушей.

С помощью Леньки дед приладил мачту, похлопал ее ладонью, и она зазвенела, требуя паруса. Еще раз ошупал дед придиричьим взглядом шаланду.

— Самодуры на месте, парус готов, вес-

ла... Ну-ка, Леонид, сбегай в курень, там в углу запасное веслишко стоит.

— Так ведь у нас уже есть одно.

— Кому говорю, сбегай,—сердито перебил его дед.— Не на прогулку идем.

И Ленька побежал за веслом в курень.

— Да, еще баян захвати! — крикнул дед.

Не оборачиваясь, Ленька махнул в ответ рукой: захвачу.

— Та-ак...— медленно произнес дед Назар и посмотрел на нас. И по этому взгляду я понял: он решает, кого из нас троих (Мишка и Оська уже в счет не шли) оставить на берегу у куреня.

Шансов остаться у меня было, конечно, больше, чем у Соловья и Валерки: я был младше их почти на два года, да и ростом поменьше. Чтобы казаться выше, я приподнялся на носки и вдруг заметил, что Валерка как-то подозрительно вырос прямо у меня на глазах. Он стал даже выше Соловья. Тут что-то не так. Я всмотрелся в прозрачную воду и увидел, что Валерка подгрел под собой мохнатый, обросший водорослями камень и примостился на нем одной ногой. Чтоб, значит, перед дедом выше казаться. Ну и хитрюга! Только я хотел поддеть его ногой под колено, как вдруг дед Назар сказал ему:

— На берегу останешься с огольцами,—кивнул он на близнецов и приказал мне: — А ты на руль давай. Володька парусом будет ладить, мы с Леонидом ловить.

Валерка скривился, недовольно засопел, но перечить деду не стал. Я поджался быстренько на руках — пока дед не передумал — и забрался на широкую кормовую банку к рулю. Вернулся Ленька с веслом и баяном. Весло он передал деду, и тот уложил его вдоль лодки, под банками. А баян Ленька поставил возле мачты, на палубе. Баян — это деревянная корзина для рыбы, с прорезями, чтобы стекала вода.

— Ну, кажись, все,—еще раз осмотрел дед шаланду и тяжело полез в лодку. — Толкай, Леонид, отойдем чуток от берега на веслах.— Он вставил уключины и крикнул Валерке, Мишке и Оське, которые все еще не отходили от борта: — На берег, огольцы! На берег! Толкай, Леонид!..

Ленька отстранил Валерку, зашел под корму и толкнул шаланду в море. Она клюнула носом волну, заупрямилась поначалу и пошла. На глубине, когда море лизнуло Ленькины плечи, он толкнул шаланду последний разок и, подтянувшись на руках, влез ко мне на корму.

— Руль, — приказал дед, наваливаясь на весла.

Мы с братом подняли с днища тяжелый плоский руль и приладили его за кормой на штырях.

— Держи в море, — сказал мне Ленька, а сам полез к деду и взял у него одно весло.

Отошли немного на веслах, поставили кося парус. Соловей взялся за шкот, натянул, и лодка сразу набрала ход, под кормой зажурчала вода.

Лески с крючками скользили с обеих сторон по поверхности воды, и перья отсвечивали на солнце всеми цветами, искрились.

— Прямо руль! Прямо держи! — строго прикрикнул на меня дед Назар, когда я, увлекшись игрой разноцветных перьев, забылся и повернул шаланду влево, в сторону Лузановки, и парус, потеряв ветер, затрепетал, захлопал.

Я быстренько выправил руль. Парус напыжился, и под кормой снова запела вода.

Постепенно берег отодвинулся. И вот уж дедов курень на пригорке почти нельзя разглядеть. Часа полтора мы всухую полоскали наши самодуры в прозрачной зеленоватой воде: в нашем баяне не трепыхалось ни одной рыбешки. «Может, наживка все-таки нужна? — думал я. — Ну, какая дура клонет на пустой крючок?»

Дед Назар мерно водил удилищем вверх и вниз и подолгу не проверял, что у него там на крючках творится. Нетерпеливый

Странный предмет приближался.

Ленька, зажав удилище между колен, то и дело выбирал свой самодур.

— Не мельтеши, Леонид, не мельтеши, —

охлаждал его дед. — Рыба, она этого не любит. Войдем в косяк, враз почувствуешь, что взяла. Не мельтеши.

«Косяк, — вздохнул я. — А если мы сегодня вообще не войдем в этот косяк? Иди знай, где он ходит».

И вдруг я увидел, как удилища у деда и Леньки разом дрогнули, прогнулись. Лески натянулись, задрожали, как струны.

— Руль! — крикнул мне дед. — Руль прямо! — И начал осторожно выбирать свой самодур обеими руками. Он будто прятал пряжу. И Ленька в точности повторял его движения.

Ленька и дед подтянули самодуры к самому борту шаланды. Виляя хвостом, рыба вводила лесу под днище, тщетно пытаясь освободиться от крючков. Дед бережно извлекал каждую скумбрию из воды, обнимал ее трепещущее тело своей широкой ладонью, снимал с крючка и бросал в баян.

Одна за другой летели рыбыны в корзину. Наш баян ходуном заходил по палубе, заплясал.

Не выпуская из левой руки шкота, Соловей присел на корточки и с наслаждением погрузил правую руку в баян.

— Вовчик, — взмолился я с кормы: мне нельзя было выпустить руль, — Солова, хоть одну! Подержать!..

Это была большая взятка: дед Назар вытащил восемь рыбин, Ленька — девять. Правда, одна у него сорвалась, и Ленька сгоряча чуть было не нырнул вслед за ней в воду.

Затем косяк ушел от нас. Море покрылось рябью. Ленивые красавицы медузы, маячившие у поверхности, поближе к солнцу, ушли в глубину. И снова мы почти час водили наши самодуры всухую.

Впереди перед нами замаячил какой-то темный предмет. Вытянув шею, я вглядывался, даже ладонь козырьком ко лбу приставил, но так и не разобрал толком, что это за штуковина маячит в воде. На всякий случай я крикнул:

— Прямо по курсу что-то темное! — И, не перекладывая руль ни вправо, ни влево, подумал: «А что, если это чудо-юдо рыба кит?»

Ленька и дед разом обернулись. Соловей подтянул шкот. Парус набрал ветра, и мачта слегка закрипела. «Эх, была не была, — подумал я, по-прежнему не меняя курс, — будем таранить».

Станный предмет приближался. Он был круглой формы и весь утыкан короткими

рожками. Я замер: «Постой, Санька, так ведь это же!..»

Дед Назар с ходу, через две банки, перемахнул ко мне на корму, вырвал руль и круто повернул лодку влево...

Мина прошла справа от нас, под самым бортом. До нее можно было рукой дотянуться. Вокруг мины водили хоромы три громадных, похожих на абажуры, медузы. Когда мы проскочили мимо нее, мина попала в пенистую дорожку за кормой и медленно двинулась вслед за нами.

Я похолодел от ужаса и прижался к деду.

— Не бойся, — успокоил он меня, — сейчас отстанет.

И в самом деле мина вскоре отстала. Мне даже показалось, что она брезгливо отвернулась от нас. «Конечно, — подумал я, — нужна ей такая мелюзга, как наша шаланда: ей бы пассажирский лайнер, да чтобы народу побольше».

— Ты куда правил? — набросился на меня Ленька. — Тебя что, для мебели на руль посадили?

Дед за меня не заступился. Он только молча передал мне руль, вернулся на свое место и сказал:

— Разворачивай к берегу. — И к Леньке: — Сматывай справу: к берегу пойдем. Высадим хлопцев, а потом — в гавань. Нельзя ее так оставлять, — кивнул он на мину. — Доложим, пусть расстреляют.

Ленька, глянув на баян, в котором не было и двадцати рыбин, огорченно вздохнул: неохота, мол, возвращаться с таким жидким уловом.

— Сматывай, сматывай, — приказал дед.

Только начали они выбирать самодуры, как вдруг удилища оба разом задрожали.

— Косяк! — подпрыгнул я на корме от радости и чуть не вывалился за борт. — Косяк!

— Руль! — крикнул мне дед Назар. — Руль прямо держи!

Я мигом выровнял шаланду.

На этот раз мы взяли двадцать три рыбыны. Двадцать три! Причем Ленька снова обошел деда: он вытащил тринадцать. И ни одна у него на этот раз не сорвалась.

Скумбрию мы поделили поровну, на четыре части: деду, Соловью, нам с Ленькой и Валерке. Мишка и Оська вошли в долю с дедом — одна семья. Нашу долю, десяток, Ленька отдал мне, а сам отправился с дедом на шаланде в гавань докладывать о mine.

Мы возвращались домой, и по десять ры-

бин висело у каждого из нас на кукане, и тяжесть их приятно ощущалась в руке. Мы гордо тащили свои кукуны по улицам. Встречные, завидев нас, останавливали, допытывались, не продадим ли. Продать? Да ни за какие коврижки!..

Неподалеку от нашего дома Валерку остановил полный дядька в желтом чесучовом костюме. Это был тот самый толстяк, который тогда, на «Спартаке», выглушил подряд три стакана из Валеркиного чайника и еще назвал нас коммерсантами.

Догнал нас Валерка уже без кукуна. В руке у него была пачка новеньких пятерок.

— Братцы, загоняйте рыбу! Я вон с тем чудачком договорился, дает кошмарные деньги! Во!.. — Валерка веером развернул новенькие пятерки.

Конечно, Валерка может и не нести домой рыбу. У него в Сибири куча родственников, которые по два раза в месяц присылают им посылки, а мы?..

— Да загоняйте вы ее к чертовой бабушке! — орал Валерка. — Мы за неделю, знаете, сколько денег насобираем? Ну?.. Чего теряетесь?..

Толстяк стоял и ждал в сторонке. Мишка и Оська посмотрели на Валерку и спрятали свои кукуны за спину.

И тут произошло такое, чего я совсем не ожидал от молчаливого Соловья. Вовка вдруг размахнулся и хрястнул изо всей силы Валерку куканом по голове. Кукуан лопнул, рыба разлетелась по тротуару. Валерка раскрыл рот и ошалело заморгал глазами:

— Ты чего? Чего дерешься?

— А ну, мотай отсюда! — пошел Соловей с кулаками на Валерку. — Мотай, спикуй несчастный!..

Валерка попятился, перебежал на другую сторону.

Вовкину рыбу мы отмыли во дворе под краном. На кукуан нанизывать не стали. Так и принес Вовка рыбу домой в подоле своей рубахи.

Вечером, уже в кровати, я рассказал Ленке о том, что произошло.

— Ладно, — сказал Ленка, — дрыхни. Я завтра с ним потолкую... на коротких волнах... спи...

На следующий день утром, когда Валерка собрался было идти с нами и дедом в Отраду, Ленка взял его за плечо и отвел в сторону. Я слышал, как он сказал ему негромко:

— Если ты, кабанчик, только вздумаешь пойти с нами в Отраду, я из тебя отбивную котлетку сделаю. Понял? — Ленкины паль-

цы, лежавшие на Валеркином плече, побелели.

И Валерка понял. Он не пошел с нами в Отраду. Кому, спрашивается, охота, чтобы из него отбивную котлету делали?

Правда, Валерке повезло. В тот день мы напоролась сразу на две мины.

— Испоганили море, сволочи! — выругался дед и повернул шаланду к берегу.

Высадив меня и Вовку, он вместе с Ленкой снова отправился в гавань.

С тех пор дед больше не брал нас «по рыбу», сколько мы его ни уговаривали.

Расплата

В тот день пошли мы с ребятами за шелковицей на Малую Арнаутскую улицу. Там этой шелковицы завалились.

Крупные ягоды я не ел, собирал в тубетейку. Это для мамы.

Домой мы возвращались через привокзальную площадь. Я отстал и осторожно поддерживал обеими руками свою тубетейку, стараясь не уронить ни одной ягодки. Особенно я опасался за ту, что лежала сверху. Это была крупная белая ягода, величиной с молодой огурец. И такая же пупырчатая. Я чуть шею себе не свернул, пока добрался за ней на самый кончик ветки. Этот «огурец» я специально положил сверху, чтобы мама сразу заметила.

И вдруг возле кинотеатра «Бомонд» кто-то больно толкнул меня в плечо. Тубетейка выскользнула из рук, ягоды рассыпались по тротуару. Ноги в блестящих хромовых сапогах захрустели по ним и прошли мимо, оставляя на асфальте мокрые отпечатки подошв.

— Эй! — крикнул было я и осекся: я вдруг узнал эту спину, узнал коричневый вельветовый пиджак с разрезом сзади. Жиздра?

От волнения у меня запершило в горле, ладони сразу стали липкими, холодными. Это был Жиздра! Он шел в сторону Привоза. Забыв о шелковице, я перебежал стороной площадь, обогнал его и заглянул сбоку. Ну да, Жиздра... Бороду сбрил, картуз — на глаза. Маскируется... И вата в ушах по-прежнему торчит. Здорово ему дед Назар наклепал тогда по ушам...

У Привоза, на толкучке, где обычно толпились люди, выменивая или продавая вещи, Жиздра сунул руки в карманы пиджака и, работая локтями, втиснулся в толпу.

Стараясь не упускать его из виду, я пробирался вслед за ним. Жиздра приценивал-

ся на ходу к вещам, принюхивался. Меня тискали со всех сторон, толкали. Я был бо- сиком и рисковал всеми пальцами. Но я терпел. Только бы не упустить его! Только бы не упустить...

Вот Жиздра взял у кого-то из рук зеленый абажур, начал торговаться. «Обстановочку покупает,— подумал я.— Значит, в городе живет. Надеется, наверное, что еще вернутся его благодетели — «доблестные вызволители». Я протиснулся поближе к нему: может, услышу что? — вдруг чей-то сапожище опустился мне прямо на левый мизинец.

Прихрамывая, я выбрался из толпы и присел возле афишной тумбы.

Кровь под ногтем запеклась, почернела. Хорошо еще, что каблук был без подковы, а то бы все хана моему пальцу.

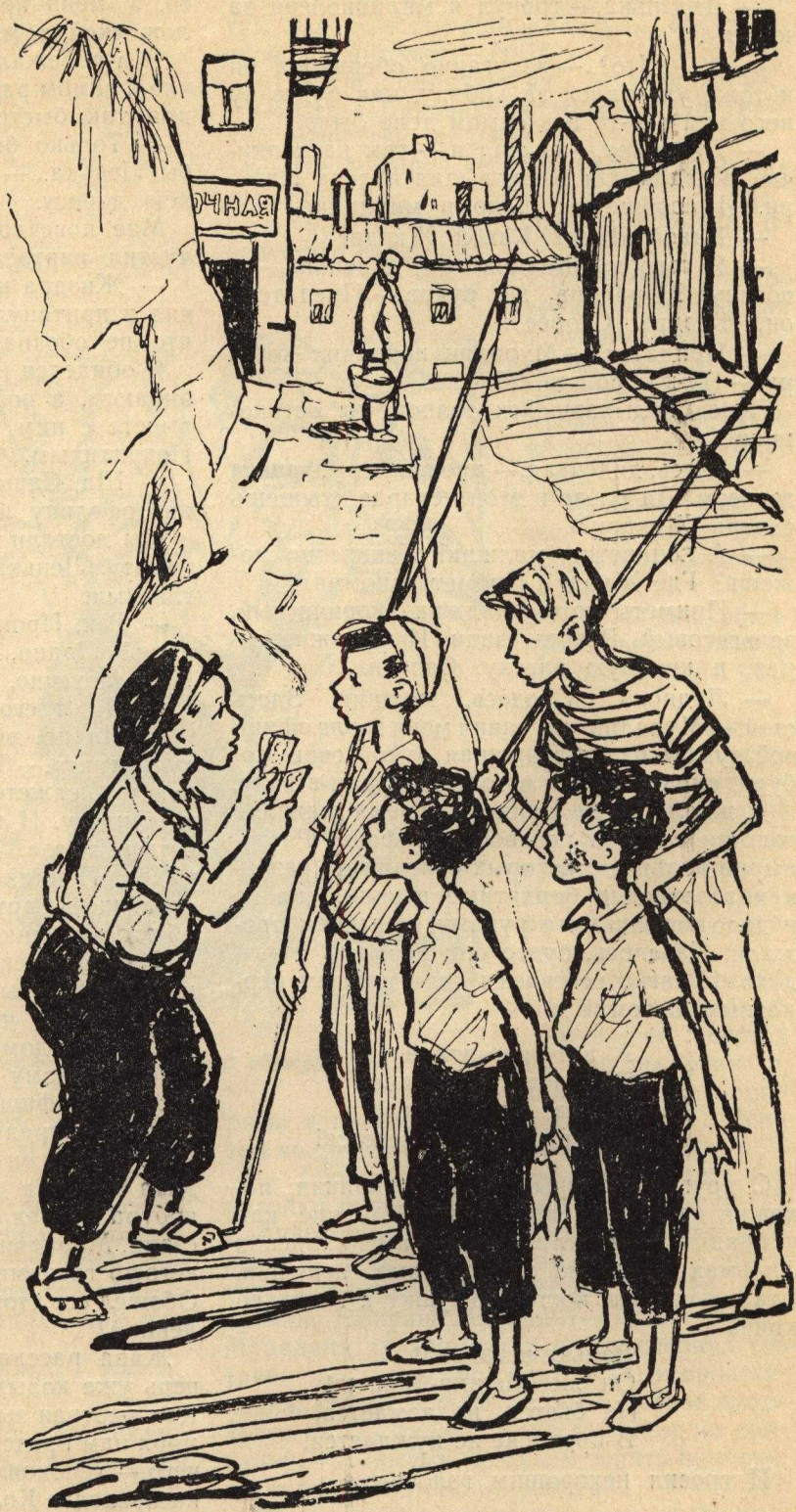
Толпа передо мной колыхалась, гудела. Я приподнялся. Что же делать? Эх, если бы Ленька был со мной! Или хотя бы Мамалыга...

Вдруг я увидел милиционера. Он прыгал возле теснившейся у ларька очереди и размахивал руками:

— Нэ напирай! Становись один за один! Нэ напирай!..

Это был щупленький старикашка-армянин. Длинный нос у него опускался ниже верхней губы. На милиционере была новенькая фуражка в белом чехле, белая чистая гимнастерка, перетянутая новенькой скрипучей портупеей. И хотя он покрикивал на очередь грозным голосом, вид у него был совсем немиллиционерский. Казалось, что голос этот он просто одолжил у ко-

го-то более внушительного на время работы. На боку у милиционера висела сплю-

— Во!.. — Валерка развернул веером новенькие пятерки.

щенная кобура-лепешка. Хоть бы ваты подложил, что ли.

— Дяденька,— тронул я милиционера за кобуру.

— А... Што?..— испуганно обернулся он и тоже ухватился за кобуру, как будто у него там что-то и в самом деле было.

— Дяденька,— сказал я,— там на толкучке Жиздра. Он Дору выдал и деда Назара. И вообще его надо в милицию...

— Какой Дора? Какой Жиздр?

— Я говорю, Жиздра там, дяденька,— я потянул Мурадяна за рукав.— Предатель он, Жиздра. Скорее...

— Придател?— Мурадян поправил кобуру.— Ну-ка, пошли. Пошли...

Перед колыхавшейся толпой мы остановились.

— Здесь, дяденька,— произнес я упавшим голосом. Да разве в этой чехарде отыщешь теперь Жиздру?

— А конкретно, малшик? Конкретно можешь? Где Жиздр? Примет запомнил?

— Приметы есть: пиджак коричневый, вельветовый. Разрез сзади. И фуражка серая, в крупную клетку. Сапоги...

— Ладно. Стой здесь, малшик. Здесь стой.— Мурадян поставил меня возле афишной тумбы и, придерживая рукой свою кобуру, смело нырнул в толкучку, как в воду.

Я ждал. Возле меня все время маячила толстая тетка в розовом сарафане. Растопырив пальцы, с которых свисали на резинках золотистые бархатные птички, она то и дело встряхивала руками, и птички дрожали. Казалось, будто они порхают в воздухе. И тетка все время пела нудным церковным басом:

А вот жар-птица
Под абажур годица!
Летает, трясется,
Два раза в день несется!

С другой стороны бодрый старикан, похожий на гриб, в широкополой шляпе, как у бандитов в трофейных американских фильмах, продавал самодельные игрушки. Старик шелкал ногтем игрушку и визгливо кричал:

Ванька-встанька!
Он же Мишка-Монька!
Не бьется, не ломается!
В прописке не нуждается!

И грозил нехорошим голосом:

Кто не купит за гривенник Ваньку,
Тот купит за тыщу няньку!..

Почти час я терпеливо слушал эти песенки, но Мурадян как сквозь землю провалился. У меня кружилась голова, сосало под ложечкой, а милиционер все не появлялся.

И я побежал домой. Был полдень, толкучка в самом разгаре, и я надеялся, что Жиздра так быстро не уйдет отсюда.

— Только бы Ленька был дома. Только бы Ленька...— бормотал я, как молитву, всю дорогу.

Мне повезло! Ленька сидел на кухне и чистил картошку.

— Жиздра на толкучке?— Ленька вскочил и притянул меня к себе.— Забожись, что не обознался!

Я обиделся и сказал, что божиться не собираюсь, а пойду лучше к Соловью, и мы вместе с ним побегим за моряком Колей Непряхиным.

— Ша, Саша,— Ленька воткнул нож в картофелину и пошел в комнату.

Мы достали из-за шкафа Жиздрин «ультимат». Ленька развернул его и пробежал глазами.

— Так, Прокофий... Хай Гитлер, говоришь? Ладно, будет тебе сегодня хайль... Если, конечно, мой Санька не обознался.

— Да я его среди миллионов...

— Ладно, верю, верю.— Ленька свернул «ультимат».— Ты вот что: заскочи к Соловью, он, кажется, дома, и дуй вместе с ним к Привозу. И наблюдайте за толкучкой в четыре глаза. Головой мне ответишь, если уйдет. Понял? А я—к Непряхину. Одна нога здесь, другая—там. Коля уже знает об этом субчике, я ему рассказывал как-то.

Ленька выскочил из дому. Я полез в шкаф за старыми ботинками. Хватит с меня и одного черного пальца.

Соловья дома не оказалось, и мне пришлось одному бежать к Привозу.

Вокруг афишной тумбы вертелся взъерошенный Мурадян. По его виду я догадался, что Жиздру он не нашел. Фуражка у Мурадяна съехала набок, портупья обвисла, а кобура болталась уже не на боку, а где-то сзади. Мурадян сердито ворчал, разыскивая кого-то глазами. Я понял, кого он ищет. Обошел его сторонкой и начал вести наблюдение.

Жара расслабила людей. Толкучка теперь уже колыхалась намного спокойнее. Как мертвая зыбь. И вот из этого людского моря нам предстояло выудить Жиздру. «Ничего,— успокоил я сам себя,— сейчас Ленька приведет Колю...» Вдруг я услышал звуки балалайки и обернулся.

Неподалеку, окруженный редкой толпой

зрителей, плясал известный всему городу сумасшедший Миша. Вообще-то, он не плясал, а просто подпрыгивал поочередно то на правой, то на левой ноге и пел надтреснутым бабьим голоском:

Миша режет кабана,
Миша задается!
А собака без хвоста
Бегаёт смеется!..

Я подошел поближе.

Перед Мишей на земле лежала немецкая

голосе у него был гром, а в глазах — молнии.

— Где Жиздр?— Мурадян потрянул меня так, что челюсти мои клацнули, точно затвор у винтовки.— Ну?!

— Да не обманул я вас. Мурадяденька...

— Што? Дразнишь старика?— Он потрянул меня еще сильнее.

— Не дразню, честное слово, дяденька Мурадян!

— Одну минутку, товарищ Мурадян, не задушите мальчика!

Возле нас остановилась старенькая полуторка. Из кузова выпрыгнул Коля Непряхин, за ним Ленька и еще двое матросов с автоматами.

Мурадян разжал свои железные пальцы и стал жаловаться Коле:

— Малшик обманул! Говорит, Жиздр придател, а сам убежал...

— Ну-ка, Паша.— Коля взял у одного из матросов свернутый трубочкой «ультимат» и протянул его Мурадян:— Вот читайте, товарищ Мурадян. Прелюбопытный документ. Думаю, мальчик вас не обманул.

Мурадян достал из кобуры очки и, подслеповато шу-

рясь, уставился в «ультимат». А Коля тем временем объяснял всем задачу:

— Значит, так, ребята. Прочесывать барахолку будем в таком порядке: я с Ленею и Андреем.— Коля кивнул одному из матросов.— А ты, Паша,— кивнул он другому,—возьмешь с собой Шурика... Ну как, прочли, товарищ Мурадян?— Коля взял у Мурадяна «ультимат» и вновь свернул его трубочкой.— Так вот, автор сего произведения, по последним данным, сейчас находится там,— указал Коля рулоном на толкучку.— А посему не будем терять времени. Приметы запомнили, ребята?..

Мы врзались в толкучку и сразу же разделились на две группы.

Жиздра взял у кого-то из рук зеленый абажур.

фуражка с длинным козырьком, а в ней кусочки хлеба, сахара, бублик и несколько папирсин.

Мише было лет сорок. Ходил он всегда чистенький, в старой, но аккуратно заштопанной одежде. Говорили, будто Миша помешался на почве голода. Два года Миша был в плену, и немцы проводили над ним какие-то эксперименты.

— Божий человек,— крестились старухи, глядя на Мишу.

Женщины вытирали глаза кончиками платков. Вдруг кто-то больно схватил меня за плечи.

— Зачем обманул старика, зачем?— Передо мной стоял разъяренный Мурадян. В

Мурадян увязался вслед за Колей. А я двигался за широкой спиной матроса Паша.

— Посторонитесь, граждане,— уважительно раздвигал руками толпу Паша и часто брал меня на руки.— Что скажешь, Сашок, вон за тот коричневый пиджак?

— Так он же не вельветовый!..

— Ах, не вельветовый! Ладно, сейчас найдем вельветовый и вытряхнем из него гражданина Жиздру.— Паша опускал меня на землю.— Держись, Сашок, за мной в кильватере. Посторонитесь, граждане...

Мы так и кружили по толкучке. Я старался «держаться в кильватере» за Пашей, но это было не так легко. Люди напирали со всех сторон, и мне казалось, будто они нарочно хотят оттеснить меня от надежной спины матроса. Пыль хрустела у меня на зубах. Дышать было нечем, и в голове все время стоял какой-то звон.

Если Жиздра уйдет, тогда мне хоть сквозь землю провались.

Вдруг над моей головой словно дверь захлопнули, и я очутился в темноте: кто-то растянул надо мной одеяло и закричал:

— Кому семейное? Кому самогрейное? За без денег, за без даром отдаю!..

Паша высвободил меня из-под «семейного-самогрейного» и взял снова на руки.

— Ну-ка, Сашок, посмотри, тебе вон тот субъект с никелированным чайником нико-го не напоминает?

Жиздру я узнал сразу. Он вспотел и сдвинул со лба фуражку. Еще я увидел, как, рассекая толпу, к нему приближаются Коля и матрос с автоматом, а за ними Ленька и белая фуражка Мурадяна.

— Он! — крикнул я.— Он это!

— Я так и думал.— Паша быстро опустил меня на землю.— Держись за пояс, Сашок. Полный вперед, за мной!

Когда мы подоспели, матрос и Мурадян уже держали Жиздру за руки.

— По какому праву? Вы ответите! — Жиздра кричал громко — на публику работал, но не вырывался.

И публика волновалась:

— Человека берут?! За что?

— Спокойно, граждане, спокойно! — поднял руку Коля и передал «ультимат» Паше.— Ну-ка, прочти, Павел. Вслух! И погромче, чтобы все слышали.

Жиздра, видно, сразу узнал свой «ультимат», потому что тут же замолк, обмяк, и щеки у него посерели от страха.

Пока Паша зачитывал «ультимат», я подобрался к Жиздре сквозь толпу сзади и хотел было садануть его хорошенько ногой куда следует, но Мурадян зашипел на меня:

— Нэ шали, малшик! Нэ шали...

— «...с окончательной победой наших доблестных вызволителей—германских войск. Хай Гитлер! Сим владелец дома Прокофий Жиздра!» — закончил Паша, и я почувствовал, что стоявшие вокруг меня люди вдруг как-то разом вздрогнули.

— Вот такими, извините за выражение, петициями эта контра поганила стены нашей Одессы! — донесся до меня голос Коли Непряхина.

И вдруг толпа взорвалась:

— Ах ты-и!

Десятки растопыренных рук потянулись к Жиздре. Меня сдавили. Последнее, что я услышал, был свисток Мурадяна.

Очнулся я в кузове полуторки на руках у матроса Паша.

Полуторка мчалась куда-то, и надо мной беспорядочно тряслось небо, облака, ветки акаций.

— Дышишь? — спросил меня Паша, как только я открыл глаза.

— Дышу...

И тут же надо мной склонилось бледное, испуганное лицо моего брата.

— Очухался, Санька? — закричал мне Ленька прямо в глаза.

Я закрыл глаза и тихо прошептал:

— Очухался я... А Жиздра, Лень?..

— В трибунал его повели, пешком.— Ленькин голос доносился ко мне точно из глубокого пустого колодца.

Не хочется расставаться с одесскими мальчишками, правда? Скажем вам по секрету, что повесть на этом не кончается. Из книги, которая скоро выйдет в издательстве «Детская литература», вы сможете узнать, что было дальше. А интересных событий происходит в повести немало.

Заканчивается она тем, что Ленька решил поступить в школу юнг.

Провожать его пошел младший брат. Возле ворот школы они простились.

— Я буду приходить к тебе, — сказал Саня, — часто...

Ленька улыбнулся.

— Приходи.

Было слышно, как во дворе командовал огромный усатый мичман:

— Равнение направо! Смирно!

Ленька пожал брату руку и побежал. Он уходил из детства. В капитаны.

МЕЛЬНИЦА

Над зеленым
Косогором
Птица
Черная, как ворон.
Машут черные крыла —
Это
Мельницы
Дела!
Крылья острые
Летают,
Ветер за полу
Хватают,
Режут крылья
(Не зевай!)
Солнца желтый каравай!
Словно птица,
Мельница
Рвется в облака.
Мелется,
Мелется
Снежная мука!

ТЕРМОМЕТР

Кто был в лесу,
Тому знаком
Тот стебель
С чутким хохолком.
Едва суровые ветра
Застонут вдалеке,
Живая капля серебра
Сверкнет на хохолке!
Волнуется
Природа —
Меняется
Погода...

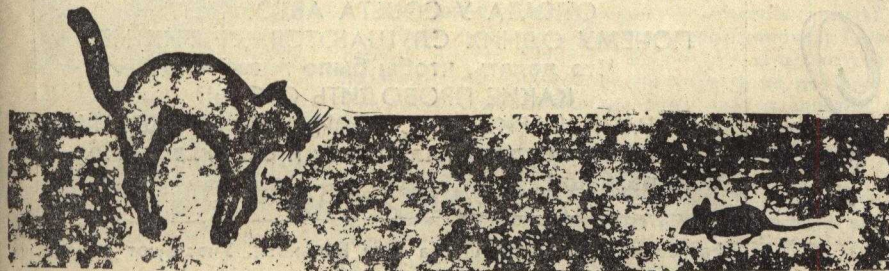
Рисунки В. НЕКЛЮДОВА

Эдуардас Межелайтис

ОХОТНИК

На цыпочки
Молча
Антенна
Привсталла,
Все слышат усы —
Волоски из металла.
Зеленые лампы
Все ближе,
И вот...
Внимание,
Мыши!
Кот.

Перевел
с литовского
А. ЗАУРИХ.

НАДО ПОСОВЕТОВАТЬСЯ

Совет отряда — КАКОВ ОН?

Районный пионерский штаб Красной Пресни вызывает тебя на разговор. Как видишь, тебе прислано специальное приглашение.

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ

Дорогой друг! Надо посоветоваться! Мы зовем тебя; думай с нами и спорь с нами:

совет отряда командует или советует?

ОТКУДА У СОВЕТА АВТОРИТЕТ?

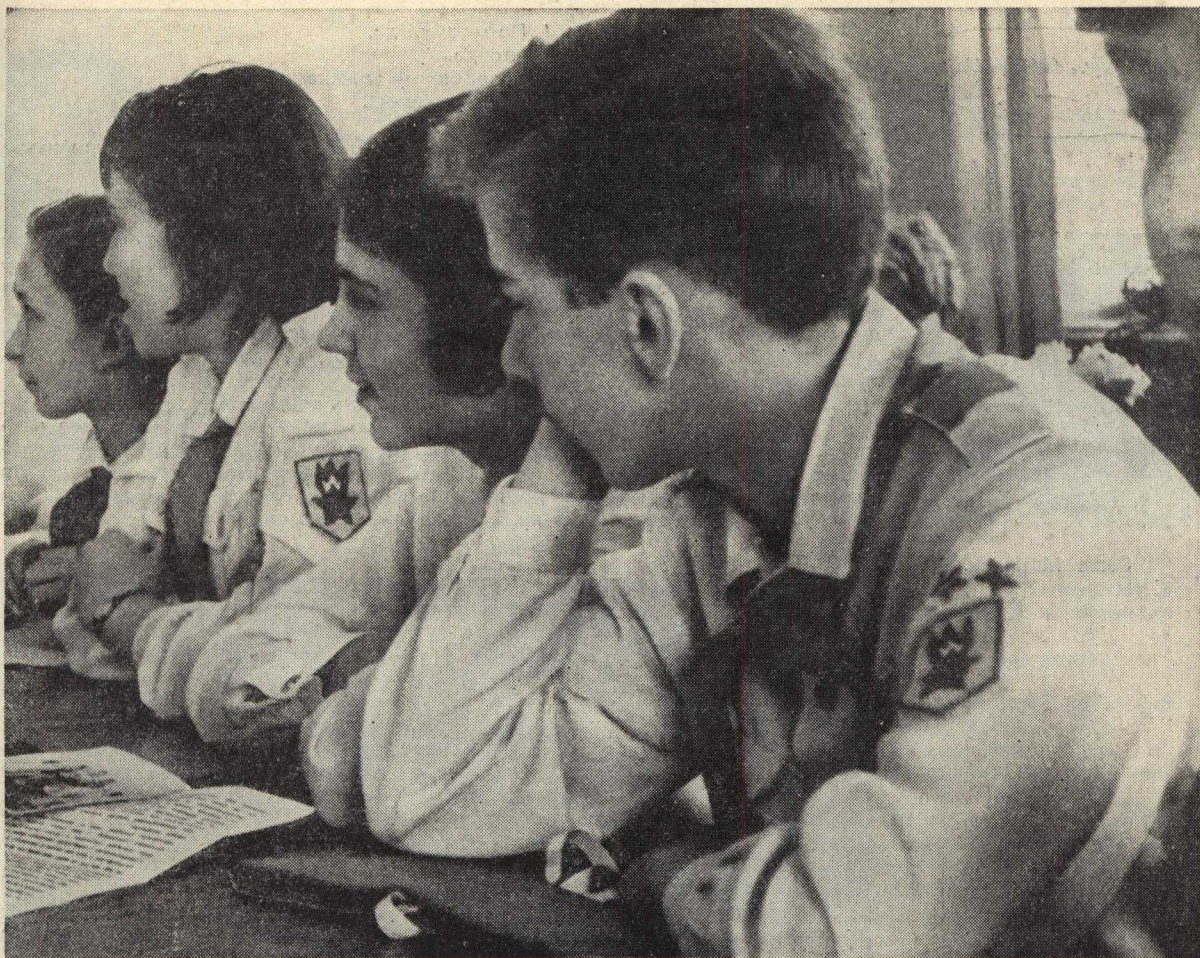
ПОЧЕМУ ОДНИХ СЛУШАЮТСЯ, ДРУГИХ НЕТ?

Что делать, чтобы было интересно?

КАКИЕ ПРОВОДИТЬ СБОРЫ?

КАК РАЗГОВАРИВАТЬ С ТЕМИ, У КОГО ДВОЙКИ?
Совет отряда третьеклассников и семиклассников — есть разница?

Разговор ведет член штаба **Оля Вольнова**. Участвуют в нем двадцать пять пионерских отрядов.

Оля Вольнова

*Внимание,
спор!*

Оля. Правила спора известны?

— Известны!

Оля. Вопросы задавают?

— Еще как!

Оля. Начнем с письма: «У нас на совет отряда не смотрят. У нас Мишка с последней парты делами заправляет. Что он прикажет, то все и делают».

Саша Матюхин. Бывает...

Лена Зарецкая. Что ж, у нас тоже был такой, Ильин. Авторитетная фигура. Я с мальчиком за партой сидела, так Ильин подошел к нему: «А ну пересядь!» «Зачем?» «Не твое дело — я с ней сяду, понял?»

Говорю: «Неужели пересядешь?» Мальчишка от неожиданности страшно смутился. Я на него смотрю и жду. Ильин рядом стоит и с ухмылкой поглядывает. И что же? Встал мой бедный рыцарь и с наигранным безразличием пожал плечами: «Пожалуйста, мне-то что!»

Просто-напросто испугался. Кулаков испугался. Ильина у нас многие побаивались, потому и подчинялись. Но разве это называется авторитетом? И такому, что ли, авторитету совет должен завидовать?

Реплика с места. А какому — можешь сказать?

Лена. Могу. Есть у нас в классе девочка, Таня Потапова. Она не член совета отряда, просто девочка, но вот ее авторитету в классе можно по-настоящему позавидовать. Она совсем не похожа на девчоночьих «прим», ну, знаете, таких, чьи просвещенные мнения о нарядах и сплетни ловят на лету. Просто прямая, открытая, веселая. Увидит, что тебе плохо, — подойдет. Нужна помощь — поможет. И не соврет. И не струсит. Она всегда со всеми, и все с ней.

Оля. Ответила Лена на вопрос?

Саша Матюхин. В общем, так: не дешевый, а душевный авторитет, верно? **Оля.** Согласны. Но тогда у меня еще один вопрос для обсуждения. В отряде всегда есть свои, ну, что ли, прирожденные вожаки. Даже в детском саду они есть. Выходит, им и быть организаторами?

*Твое мнение
об этом?*

Саша Матюхин.

Володя Николаев. А что? По-моему, да.

Саша Матюхин. И я считаю, что да.

Оля. Остальные не могут стать хорошими вожаками?

Саша. Конечно. Есть заводилы, есть тихони...

Лена. Я не согласна.

Володя. Пусть лучше в советах сидят тихонькие девочки да смиреннькие мальчики, так?

Лена. Совсем нет. Пусть в советах отрядов не сидят, а работают, и не послушненькие мальчики и не чистенькие девочки, а хорошие, активные ребята.

Я о другом. Представим себе, что «прирожденные» вожаки задали в отряде хороший тон. Они сломали могущество «королев красоты» и разных там атаманов. Ребята уже привыкли быть вместе, привыкли считать, что совет не для мебели, а для дела. И вот тогда тихие почувствуют, что и их слово будет услышано. И если их выберут в совет отряда, они, во-первых, уже знают, как надо действовать, во-вторых, знают, что им доверяют, и, может быть, даже еще лучше будут работать!

В настоящем отряде, по-моему, все могут быть вожаками.

Володя. Можно сказать? У Лены получилась, конечно, очень красивая картинка. Просто замечательная. Ну, а если представить себе совсем другую картинку: тебя выбрали председателем. И ты честно стараешься «задать тон». Да только в отряде привыкли к другому. Бывшего председателя ребята выбрали так только, ну, для потехи, что ли. «А почему бы и не он, интересно даже». И тот

Володя Николаев.

понимал, конечно, что все это не всерьез. И на сборах в присутствии учителя примерно поругивал двоечников, а после, по дороге домой, говорил им: «Вы же поймите, братцы, мое положение, надо было что-то загнать».

И новому председателю, если он хочет «задать тон», придется сражаться уже не только с Ильиным, а с целым классом. Ведь класс (не отряд—отряда-то и нет вовсе) считал своего прежнего председателя отличным парнем — лучше не надо. Другой-то жизни он не видел.

Как переломить традицию, которая уже сложилась?

Повоюет, повоюет новый председатель, заработает презрительную кличку и затихнет...

Лена. Не может быть, чтобы во всем твоём «сонном» классе не было четырех-пяти, пусть даже двух-трех человек, на которых можно опереться, которых можно собрать вокруг себя!

Оля. Такую традицию, правда, трудно сломить, но ведь можно! Если Володя о себе говорит, то ему ли жаловаться. В его отряде все эти беды — времена давно минувшие.

Реплика из зала. А если председателя обзывают в отряде?

Оля. Как?

— Ну, говорят «азнался...»

Оля. Несправедливо говорят?

— Конечно!

Оля. А почему несправедливо обвиняют?

Саша. «Зазнайка», «выскочка», «подлиза» — это первое, что говорят председателю, который взялся ломать старый порядок жизни. Об этом Володя уже сказал.

Но бывает, что отряд пошел в гору, дела интересные появились и председателя уже понемножку похваливают на линейках. И когда все идет по-новому, опять в отряде слышатся шепотки: «А наш председатель, смотрите-ка, возмнил!», «Зазнался!», «Да он и всегда-то нос задира!».

Лена Зарецкая.

А ты как считаешь?

Интересное предложение?

Реплика из зала. Он вовсе и не задается, ребята просто завидуют ему, вот и говорят «зазнайка».

— Некоторые сами хотят председателем стать, вот и наговаривают...

Саша. Почаще менять командиров надо.

Оля Вольнова. Ну, а пока, до выборов?

Лена Зарецкая. Надо собраться всем и поговорить. Пусть в глаза откровенно скажут, почему считают зазнайкой.

Оля Вольнова. Ну и скажут: «Вопишь, что у меня двойка, а у тебя тоже была. И ты сама не пришла лом собирать, сказала, что у тебя совет дружины был. Был бы у меня совет дружины, я бы тоже ходил».

Лена. Я бы сказала, что ходила на совет, чтобы нас всех пустили в поход. Сказала бы, что у меня была случайная двойка и я постаралась ее исправить, а у него все время двойки.

Реплика из зала. А он скажет: «Ага, оправдываешься, значит, виновата!»

Оля Вольнова. Вспомним-ка, когда возникают такие разговоры, у всех горят глаза и щеки и начинается... Все кричат: «А ты!.. А ты!..». И получается вредный, никчемный спор, потому что это спор самолюбий. И начинается вражда.

А если отказаться от своего самолюбия и сказать: «Ну хорошо, я сделала плохо, а что бы ты на моем месте сделала?» Или так: «Может быть, вы, ребята, и правы, я стараюсь, но если я сделала все не так, давайте меня переизберем. Или, может быть, я подумаю и что-то сумею исправить?» Может быть, это изменит положение, даже прибавит нам сторонников?

— Это интересно.

— По-моему, здорово.

— Я думаю, что только так и надо!

Нина Корнякова. Здорово мы всех кругом в завистничестве обвинили. Ну, а что, если в самом деле: выбрали совет, а он взял да и зазнался, разве не бывает? Как тогда вот быть?

Саша. Почаще переизбирать совет. Не раз в год, а, скажем, два раза!

Володя. Пусть все учатся.

Лена Зарецкая. А работа будет страдать, пока все учатся? Пока новенький совет еще ничего не умеет.

Оля Вольнова. Новый совет захочет доказать, на что он способен.

И, может быть, прежний председатель станет чем-то вроде комиссара — помощника и советчика новому активу.

Володя Персиц. Я слышал, что где-то так и делают. Если совет работал хорошо, его обязательно переизбирают. И говорят: вы здорово поработали, ребята, большое вам спасибо. Научите теперь так же работать других.

И никому не обидно. И все снова вместе. И дело идет весело и хорошо...

Разговор на Красной Пресне на этом окончился и не окончился. Ведь ты, читатель, еще не подал своего голоса. А тебя тоже интересно послушать.

Краснопресненцы решили собраться в следующий раз у нас в редакции, чтобы поговорить и поспорить уже вместе с тобой.

Вопросов еще много. Они перечислены в твоём приглашении. Да все ли тут еще названы?

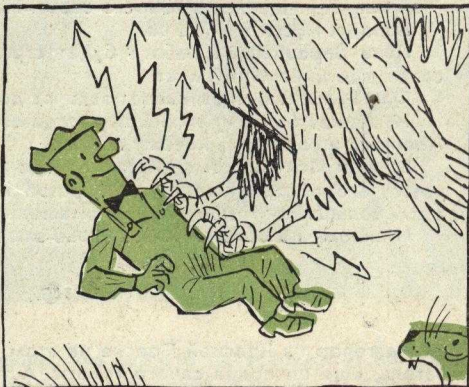

СМЕХОТРОН и ПОЛИГЛОТ ПОПАДАЮТ В ПЕРЕПЛЕТ...

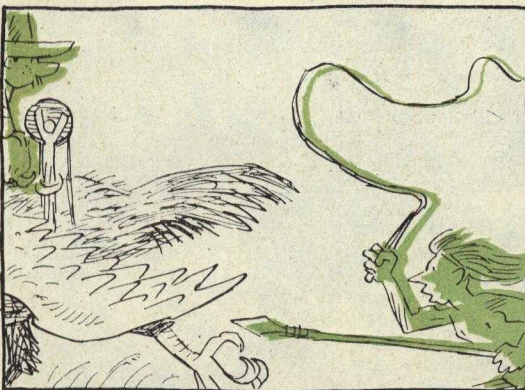
● НЕужели, НЕужели, НЕужели он ПОгиб? — ВОСКЛИКНУЛ ПОЛИГЛОТ. Но в ту же минуту в зеленых зарослях они увидели храброго СМЕХОТРОНА, который ДЕРЖАЛ в руке длинные клыки САБЛЕЗУБОГО ТИГРА.

● ПОлосатый зверь жалобно мяукал, а СМЕХОТРОН СКАЗАЛ: — Вот ПОСМОТРИТЕ на него. ХОТЕЛ МЕНЯ, ЖЕЛЕЗНОГО ЧЕЛОВЕКА, ПОКУСАТЬ и СЛОМАЛ ЗУБЫ.

● И ВДРУГ МРАЧНАЯ ТЕНЬ УПАЛА на ВСЕХ. КАК БУДТО СИЛЬНЫЙ ВЕТЕР ПОДУЛ с ВЫСОТЫ! КАК БУДТО ЗАХЛОПАЛИ ТЫСЯЧИ ОРИННЫХ КРЫЛЬЕВ!

● ГИГАНТСКИЙ КОНДОР! ГИГАНТСКИЙ КОНДОР! — ВОСКЛИКНУЛ ПОЛИГЛОТ. А КОНДОР СХВАТИЛ ЖЕЛЕЗНЫМИ ЛАПAMI ЖЕЛЕЗНОГО СМЕХОТРОНА и МГНОВЕННО РУХНУЛ на ЗЕМЛЮ. ТЫСЯЧА СМЕХОТРОВЫХ УДАРИЛИ в НЕГО из ХРАБРОГО СЕРДЦА СМЕХОТРОНА.

● ПОка ГИГАНТСКИЙ КОНДОР ПРИХОДИЛ в СЕбя, ДРУЗЬЯ МОМЕНТАЛЬНО ПРЕОБРАЗОВАЛИ ЕГО в СОВЕРШЕННЫЙ, УПРАВЛЯЕМЫЙ, СКОРОСТНОЙ, ПИЛОТИРУЕМЫЙ, ГРУЗОПАССАЖИРСКИЙ, ТРАНСКОН-

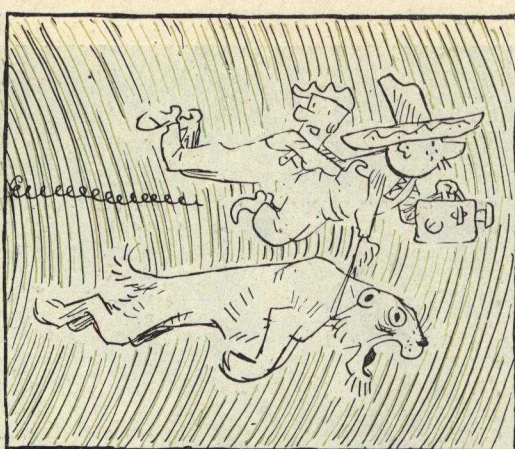
ТИНЕНТАЛЬНЫЙ, КОМФОРТАБЕЛЬНЫЙ ЛЕТАТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ КУ-КУ (КОНДОР УСЛОЖНЕННЫЙ, УПРАВЛЯЕМЫЙ). ЗАТЕМ ОНИ СЕЛИ на НЕГО и ПОЛЕТЕЛИ со ВСЕМИ ВОЗМОЖНЫМИ УДОБСТВАМИ.

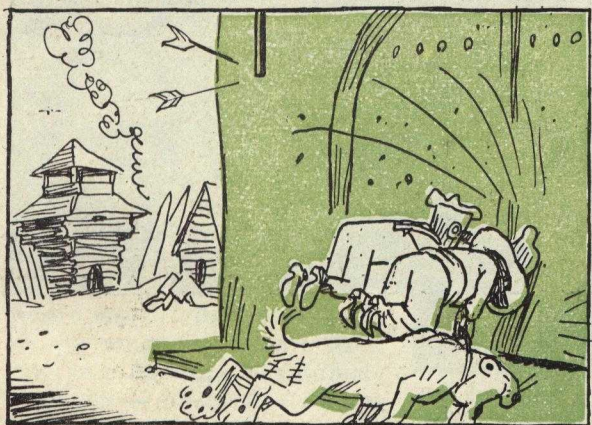
•ТРАХ-ТАРАРАХ! — НЕОЖИДАН-
НЫЙ УДАР МОЛНИИ ГРЯНУЛ С
НЕБА, И СИЛЬНЫЙ РАЗРЯД ПО-
ПАЛ В САМОЛЕТ КУ-КУ.

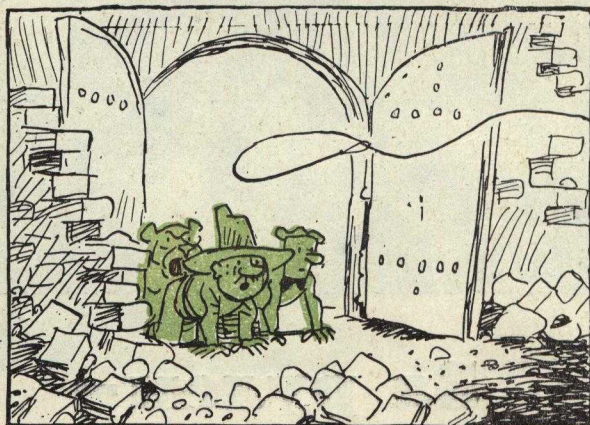
•МЫ ПАДАЕМ! БЕДА! МЫ
РАЗОБЬЕМСЯ НА ОСТРЫХ СКА-
ЛАХ! — КРИЧАЛ ПОЛИГЛОТ СРА-
ЗУ НА НЕСКОЛЬКИХ ЯЗЫКАХ

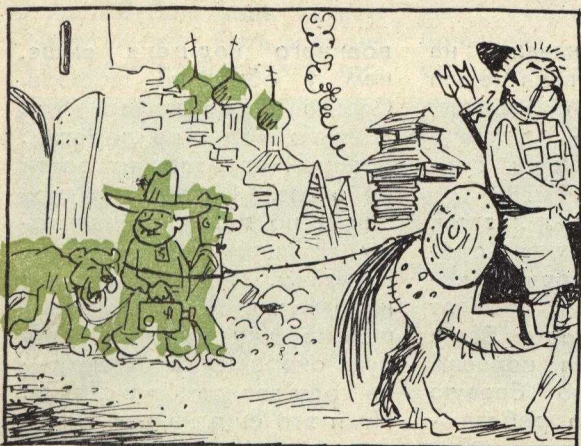
•НО НЕКОМУ БЫЛО ПРИДТИ К НИМ НА ПОМОЩЬ!
НАХОДАЧИВЫЙ ПОЛИГЛОТ ВКЛЮЧИЛ АППАРАТ
ВРЕМЕНИ. РАЗДАЛСЯ МЕЛОДИЧНЫЙ ЩЕЛЧОК,
И ВОТ УЖЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ЛЕТАТ В МЕЖ-
ВРЕМЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ — ЦЕЛЫЕ, НЕВРЕДИМЫЕ.

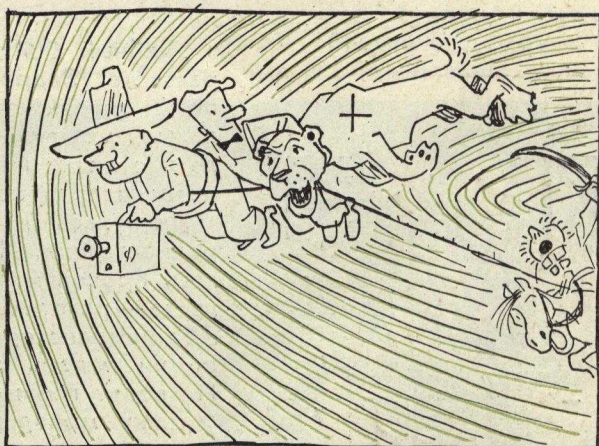
•ОНИ ОКАЗАЛИСЬ У ВХОДА В РАЗРУШЕННЫЙ СТАРИН-
НЫЙ ХРАМ. КРУГОМ ЛЕЖАЛИ РАЗВАЛИНЫ ДОМОВ.
КОЕ-ГДЕ СИНИМ ДЫМОМ ТЯНУЛИСЬ К ОБЛАКАМ ПОЖАРЫ.

•ЗДЕСЬ, НАВЕРНОЕ, ТОЛЬКО ЧТО ПРОШЛИ КАКИЕ-
НИБУДЬ ЖЕСТОКИЕ ЗАВОЕВАТЕЛИ! — СКАЗАЛ
ПОЛИГЛОТ. — ОНИ РАЗРУШ...

•ОН ТАК И НЕ УСПЕЛ ДОГОВОРИТЬ. ПРОСВИСТЕЛА
ПЕТАЛЯ, И НАШИ ДРУЗЬЯ ПОПАЛИ В ПЛЕН. ИХ ЗАВОЕ-
ВАЛ КОВАРНЫЙ ЗАВОЕВАТЕЛЬ НОЙОН БОХАДУР.

•НЕ ХОЧУ В ПЛЕН! — СКАЗАЛ НЕПОКОРНЫЙ СМЕХОТРОН
И ВКЛЮЧИЛ АППАРАТ ВРЕМЕНИ. ЧЕРЕЗ МГНОВЕНЬЕ
НОЙОН БОХАДУР И ЕГО ПЛЕННИКИ ОЧУТИЛИСЬ НА
СОВРЕМЕННОЙ МОСКОВСКОЙ УЛИЦЕ.

За рулем —

военные водители

Учебный бой начался на рассвете. Задрожала земля под гусеницами танков, взвыли моторы — это тронулась с места колонна бронетранспортеров.

Двинулась артиллерия, радиостанции. Пехота оделась броней и «села на колеса» — пехотинцы атакуют с бронетранспортеров. Все в армии теперь на колесах. И ведут грозную боевую технику молодые ребята — военные водители.

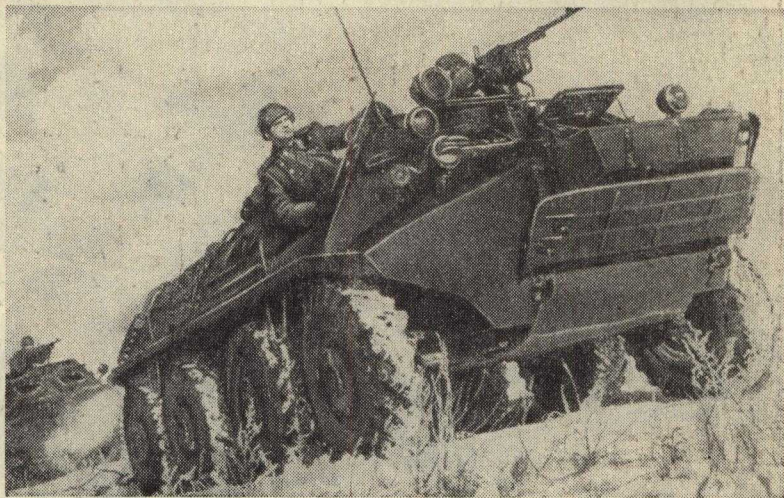
Пусть не обижаются на меня наши замечательные шоферы, но я все же рискну сказать, что мастерство

военного водителя выше, чем у обычного шофера. Судите сами: шофер, как правило, ездит по дорогам. Военный водитель их почти не знает. В бою его путь лежит по полю, изрезанному траншеями, воронками, оврагами. И вести машину надо так, чтобы не мешать пулеметчику сделать меткую очередь, а радисту — на ходу записать донесение. Но и это еще не все. Водитель должен еще отлично понимать боевую обстановку и даже предвидеть, как она изменится. К примеру, механик-водитель танка,

двигаясь по полю боя, заметил впереди три огневые точки «врага»: пушку, пулемет и бронетранспортер с пехотой. Ближе всего пулемет. Куда вести танк? Конечно, умелый водитель направит его на главную, самую опасную цель — пушку.

Военный водитель — это солдат, член боевого экипажа или расчета. Когда он не сидит за рулем, он помогает товарищам готовить технику к бою. Вел машину с понтонными блоками — помогай теперь собирать их и спускать на воду. Вез радиостанцию — помогай устанавливать мачту-антенну. Но случается, что приходится водителю становиться солдатом в прямом смысле слова. В бою ведь всякое бывает: может быть, и водителю надо идти в атаку, тог-

да он оставляет руль и берется за автомат...

Многое должен уметь сегодня военный водитель, и не случайно с него такой большой спрос — машины ему доверены отличные, со-

временные, вездеходные. Бронетранспортеры, например, не уступают по проходимости танкам: если впереди ров с водой — берут ров, болото — проходят и его. И даже плавать умеют!

Каждый год сотни молодых водителей приходят в армию. Приходят уже умелыми, знающими, получившими навыки вождения в кружках ДОСААФ. И все

же боевую машину они получают в армии не сразу — только после специального курса обучения. Только тогда военные водители идут в подразделения, чтобы в

жару и холод, в дождь и пургу водить свои боевые машины: ракетные установки, артиллерийские тягачи, радиостанции...

Подполковник Н. ВАСИЛЬЕВ

Неизвестные открывают свои тайны

ПЕРВАЯ ЗАДАЧА.

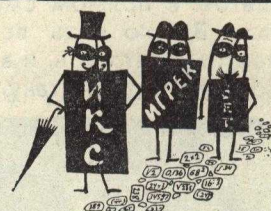
Школу надо построить в деревне В. Тогда общее расстояние, которое придется пройти всем школьникам до школы, равно 100 км. Чтобы доказать, что оно наименьшее, предположим: расстояние от деревни В до школы — x км (где x — положительное число), тогда всем школьникам придется пройти $55x + 50(2-x) = (100+5x)$ км, а это больше, чем 100 км.

ВТОРАЯ ЗАДАЧА ПРО ШКОЛУ. Для краткости будем обозначать деревни первыми буквами их названий: А, В, С, Д. Школу надо построить в точке М, где пересекаются диагонали АС и ВД четырехугольника АВСД. В этом случае сум-

ма расстояний от А, В, С и Д до М равна $АС + ВД$. Если школу построить в любой другой точке Р, то $АР + СР$ не меньше АС, а $ВР + ДР$ не меньше ВД. Следовательно, $АР + ВР + СР + ДР$ не меньше, чем $АС + ВД$.

ПЕРВАЯ ЗАДАЧА ИЗ СЕРИИ «СОСЧИТАЙ-КА».

Допустим, что грибник-чемпион набрал А грибов, занявший II место — В грибов, III — С, IV — Д, V — Е, VI — F и замыкающий «турнирную таблицу» — G грибов. Если Е не меньше 14, то А, В, С и Д больше 14, $А + В + С + Д$ больше 56. Если Е меньше 14, то $F + G$ еще меньше, $Е + F + G$ меньше 42, и на долю четырех «победите-

лей» остается не меньше чем $98 - 42 = 56$ грибов.

ВТОРАЯ ЗАДАЧА ИЗ СЕРИИ «СОСЧИТАЙ-КА».

Данное число можно записать в виде произведений двух сомножителей:

$$111\ 111\ 111 \times 10 \dots 010 \dots 01$$

8 нулей 8 нулей

Первый сомножитель делится на 9, второй — на 3 (вспомни признаки делимости на 9 и на 3), следовательно, произведение делится на $9 \times 3 = 27$.

Григоре ВИЕРУ

ПИСЬМА

Попробуйте на ели
Взглянуть со стороны:
Одни из них веселые,
Другие же грустны.

Так вот из грустных елок
Бумага выйдет грустная,
Зато уж из веселых —
Веселая, я чувствую!

А люди пишут письма
В города и села
То на страничках грустных,
То на листках веселых.

И прибывают письма
То в тот, то в этот дом.
В одном окне смеются,
Печалются в другом.

Эх, был бы главным я в лесу,
Решил бы дело враз —
Серебряными буквами
Составил бы приказ:

«Бумагу делать только
Из веселых елок!»

Перевел с молдавского
Я. АНИМ.

СЛЕДЫ

Проснулся на рассвете дед
И вышел из ворот.
На белом насте темный след.
Куда же он ведет?
Не просто деду моему
Ступать за шагом шаг:
Война оставила ему
Всего один башмак.
Непарный след, другого нет,
Судьба его тяжка:
Всю жизнь тоскует левый след
Без правого дружка.
Но на дороге, за селом,
Следы десятков ног.
И следу кажется, что он
Уже не одинок.

Перевела с молдавского
Тамара ЖИРМУНСКАЯ.

ПАЯЦ

Что за статная фигура
У нарядного паяца!
А сидит он так понуро,
Словно хочет распаяться,
Разломаться, развалиться...
А такой розоволицый,
И совсем еще здоровый,
И почти еще не старый,
В серой курточке ковровой
С красным бантом
И с гитарой.

Новелла МАТВЕЕВА

ПОЖИЛАЯ КУКЛА

Приехал старьевщик.
Давайте старья!
Побольше старья человеку!
Схватил мою куклу
И крикнул: «Стара!» —
И кинул на тряпки, в телегу.

Я куклу обратно с телеги взяла
И, крепко к себе прижимая,
Сказала, что кукла моя
Не стара,
А только чуть-чуть пожилая.

Чилачап — река машущих клешнями раков

Недавно на островах Зондского архипелага в Индийском океане работала экспедиция советских и индонезийских ученых. Они исследовали наземные и подводные вулканы Индонезии, её горячие источники — фумароллы, коралловые рифы.

Скоро выйдет из печати книга участника этой экспедиции, биолога Олега Борисовича Мокиевского «Нусантара». Мы печатаем главу из этой книги.

О. МОКИЕВСКИЙ

Рисунки
Н. КОНДАКОВА.

Мы приехали в Чилачап — в переводе с сунданского это означает «река машущих клешнями раков». Чилачап — единственный яванский порт на побережье Индийского океана. Когда-то это было самое гиблое место на Яве. Теперь малярия уже не косит людей подряд, но считаться с ней нам все же приходится. Трижды в день глотаем горький хинин, от которого глохнешь и еще долго звенит в ушах.

Чилачап расположен на южном берегу Явы, в защищенном от прибой заливе — Детском море.

Здесь мы, очевидно, не встретим коралловых рифов — основной цели моей поездки в Индонезию, и я займусь изучением осушной или приливо-отливной полосы берега. Населяют литораль (это научное название полосы) полуморские-полуназемные существа, вся жизнь которых зависит от того, как «дышит» море. Каждый вдох и выдох моря длится обычно по шесть часов, а в некоторых морях и по двенадцать. В Черном море — наиболее нам всем знакомом — приливов нет. Только точные приборы улавливают колебания его уровня. Зато в других наших морях, например, Охотском, приливы достигают в высоту четырнадцать метров. Там

мне приходилось видеть, как во время отлива вода с огромной скоростью исчезает за горизонтом. Тюлени не успевали уйти вместе с водой и, обсыхая на берегу, рассерженно ревели...

На плоских берегах Детского моря в отлив обнажаются десятки, а иногда и сотни метров.

Здесь и живут эти удивительные существа, полжизни проводящие на суше и полжизни — под водой. Многие обитатели тропической литорали давно и хорошо известны биологам, но об их жизни мы знаем еще очень мало. Мы знаем, например, что выживают на литорали немногие. Мало того, что им приходится постоянно переходить из воды на сушу, их подстерегают и другие трудности. Бывает, что разница температуры воды и воздуха достигает нескольких десятков градусов. Бывает, что во время

отлива идет сильный дождь — тогда все животные и растения попадают из соленой морской воды в пресную. А в сухую и жаркую да еще ветреную погоду, когда особенно велико испарение влаги, они оказываются в густом рассоле.

Вот почему только немногие виды выживают в этих условиях, но зато они остаются здесь без конкурентов и широко размножаются.

Обитатели этой зоны интересны еще вот по какой причине: жизнь на земном шаре зародилась на морских мелководьях, и лишь затем постепенно завоевала сушу. И, наблюдая сейчас обитателей литорали, мы видим, как это происходило.

Многие морские животные настолько приспособились к чередованию воздушной и водной среды, что уже не могут выносить длительного пребывания под водой. Кислорода, растворенного в воде, им уже не хватает для жизни, они задыхаются и погибают.

Крабы-солдаты, например, активны только во время осушения, когда же приливная волна заливают их поселения, они отсиживают в норах, зарывшись в песок. Манящие крабы, или крабы-сигнальщики, и под водой остаются некоторое время в воздушном окружении: когда норки заливают прилив, они закупоривают их илесто-песчаной пробкой.

А знаменитые обитатели песчаных тропических побережий — крабы-призраки! Они свободно шныряют по берегу в поисках пищи. Крупные, длинноногие, они носятся с огромной скоростью — недаром англичане называли их крабами-лошадьми. Вода и им жизненно необходима (правда, в очень малом количестве), чтобы время от времени смачивать нежные лепестки скрытых под панцирем жабр. Если жабры высохнут, краба ждет смерть от удушья.

Все литоральные животные научились защищать свое тело, и особенно нежные жабры, от потери влаги. Моллюскам и усоногим рачкам защитой служит плотная раковина, крабам — твердый панцирь, многощетинковым червям — известковые, илестые или песчаные трубки. Другим животным и водорослям сохранять влагу помогает покрывающая их слизь. Спасаясь от обжигающих солнечных лучей и иссушающего ветра, население литорали прячется под камни, зарывается в грунт, в трещины и среди скоплений других животных и растений.

Но вернемся к нашему первому посещению побережья Детского моря. Мы попали на берег в последней трети прилива, и пришлось довольно долго дожидаться, пока вода снова начнет уходить. Поэто-

му мы, не торопясь, успели полакомиться плодами дынного дерева и молодыми кокосами.

Как только вода ушла, стало видно, что илесто-песчаная осушка сплошь покрыта желтыми, красными и белыми пятнами.

Стоило кому-нибудь из нас подойти поближе — пятна мгновенно исчезали. Мне, конечно, были известны эти хитрости крабов-сигнальщиков — ук. Краб-самец уки, когда вокруг спокойно, чуть высовывается из своей норки, прикрывая вход в нее огромной, ярко окрашенной клешней, — вот чем объясняется пестрая окраска отмели. Почувствовав приближение опасности, все уки, как по сигналу, прячутся. Если затаиться, они появляются снова и, осмелев, делают короткие перебежки, драчливо замахиваясь друг на друга клешнями. Вылезают из норки и миниатюрные самочки с тонкими крохотными клешнями.

Неподалеку шлепают по влажному грунту стайки ильных прыгунов. Подойдешь к ним поближе — они дружно ударают неожиданно большими прыжками. Остановишься — и они застывают, чуть приподнявшись на передних плавниках, разглядывают нежданного пришельца своими выпуклыми глазами, выступающими над головой, как рожки. Поймать перифетальмуса — так по-латыни называются ильные прыгуны — не так-то легко. Нужна сноровка, а главное, терпение. Потом мы почти из каждого маршрута на илестую литораль возвращались с полудюжиной или десятком этих рыбок, похожих со своими глазками-рожками на сказочных чертенят. А если у нас оказывались добровольные помощники, входившие в азарт при погоне за прыгунами или крабами-призраками, добыча была еще обильнее. Несколько раз нам удавалось подсчитать, сколько рыбок и какого веса приходится на каждый квадратный метр. Приходилось вылавливать их на этом метре всех поголовно.

У верхнего края осушной полосы видны большие отверстия, рядом с которыми лежат кучи грунта. Надо выяснить, чья это работа. Из книг я знаю, что в таких норах живут крабы-сезармы и раки-привидения. Наш новый бунг (служитель), пожилой, но еще крепкий человек, начинает раскапывать нору. Вскоре он почти исчезает в вырытой яме. Наконец из длинной, разветвляющейся норы, уходящей на полтора метра в глубину и еще на метр в сторону, он достает огромную талассину. Она тоже относится к ракам-привидениям. У таких раков, обитающих в наших водах, удлинненное мертвенно-белесое тело, а сейчас перед нами ярко-красная красавица, причем она раз в пять больше самых крупных наших речных раков. Но вот незадача: я все время наблюдал за работой бунга, а в самую последнюю

минуту не углядел, и бунг все же успел оторвать у талассины ее мощные, внушительные клешни.

Между тем прилив залил уже больше половины осушной полосы. А нам нужно еще посмотреть, как ведут себя литоральные крабы под водой. Я, пожевываясь, надеваю маску и ласты. Преживаюсь отнюдь не от холода (какое там, температура воды около тридцати градусов, а воздуха — еще выше), а потому, что вспомнил: вчера в порт вошел под флагом Гонконга пароход «Звезда мандарина». Наверное, он привел за собою акул, которые обычно сопровождают большие суда, подхватывая кухонные отбросы.

Хотя встречи с акулами обходились у нас вполне благополучно, привыкнуть к ним мы так и не смогли. Их безразличие и осторожное, почти трусливое любопытство всегда казались мне нарочитыми: в любую минуту можно было ожидать внезапного стремительного броска. А я, к сожалению, слишком хорошо знал, какая у них большая скорость и маневренность, насколько они живучи при ранении, и поэтому отчетливо сознавал, каким беспомощным окажусь, если акула будет слишком уж энергичной. Не помогут ни длинный хирургический нож, ни подводное ружье. Тем более, что здесь как на грех довольно мутная вода, в которой акулы становятся гораздо смелее.

...Прошло несколько дней. Мы раздобыли большую лодку — прау. Как и почти все здешние прау, она выдолблена из одного ствола, а борта еще наставлены досками. С обеих сторон долбленки бамбуковые противовесы — для устойчивости. Нос и корма украшены прелестной декоративной росписью, а сверху возвышается двускатная цинопочная крыша. Лодка немного неповоротлива, но зато вместительная и просторная. Кроме старика лодочника, в ней легко размещаемся мы с моим ассистентом-индонезийцем, бунг и наше громоздкое гидробиологическое снаряжение.

И вот наш ковчег неторопливо скользит по заливу. Я вглядываюсь в густой мангровый лес.

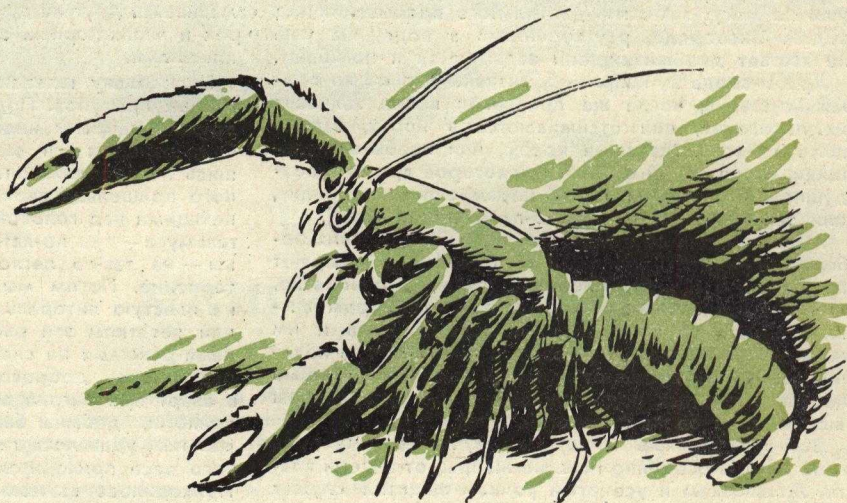
Во время отлива он стоит «по пояс» в соленой морской воде. Поэтому кожистые листья деревьев испаряют минимум влаги. До недавнего времени считалось, что мангры вообще не всасывают морскую воду, довольствуясь лишь оседающей на их листьях росой и каплями дождя или пополняя запасы воды во время ливней, когда вода мангровых болот опресняется.

Однако сейчас доказано, что мангровые деревья все же пьют и морскую воду. Они научились превращать ее в пресную, тоже приспособились по-своему к жизни в литорали. На листьях этих деревьев обнаружены солевые железки, которые, подобно потовым железам животных, выводят из организма избыток солей. Сейчас, когда стало ясно, что на земле запасы пресной воды ограничены, ученые ищут дешевые пути превращения морской воды в пресную. Вероятно, опресняющая способность мангров привлечет их интерес. К мангровым относятся деревья разных семейств, и они могут под-

сказать ученым не один, а несколько путей решения этой проблемы.

Мангры — «живородящие» растения, их заостренные книзу плоды прорастают еще на дереве. Отодрвавшись от него, они вонзаются в мангровый ил и начинают самостоятельную жизнь.

...Население этого мангрового леса гораздо разнообразнее, чем в северных районах. На стволах деревьев, на камнях и скалах мы находили приросших к коре морских желудей, устриц, актиний. С ветвей свисали слизистые мешковидные колонии асцидий-оболочников, губки. В отлив у основания стволов держится множество брюхоногих моллюсков самой различной формы и раскраски. Необычайно

разнообразны в мангровых зарослях крабы — большие и мелкие, вздутые и уплощенные, компактные и с непропорционально большими клешнями, серые, кирпичные, малиновые, небесно-голубые, темно-синие, почти черные. В лужицах и протоках — самые различные рыбешки. Некоторых из них — с узким, удлинённым телом — мои спутники испуганно принимали за змей. Встречаются и креветки, в том числе и забавные алфеусы, которые умеют щелкать своими клешнями. Порядочно периофthalmусов, но не больше, чем на лишенных растительности илистых осушках.

На берегу протоки мы нашли какую-то нору. Бунг начинает ее раскапывать. Его стриженная, испачканная илом голова почти скрылась в яме. В норе неожиданно для меня оказываются два периофthalmуса невиданной величины — ведь раньше не было известно, что они вообще живут в норах, да еще в таких глубоких.

Обычно, возвратившись домой, мы с ассистентом часто засиживались за разбором проб до глубокой ночи, но на этот раз пришлось побить все собственные рекорды. В этом повинен был один из гигантов периофthalmусов. Несколько часов он пролежал неподвижно в ванночке, всем своим видом показывая, что уже покинул этот грешный мир, но потом вдруг ожил и начал буйствовать, сокрушая и разбрасывая все, что находилось на столе — пробирки, ванночки и даже солидного веса банки. Больше часа нам пришлось потом наводить порядок.

...Работы в Чилачапе завершены. Пробыв здесь полмесяца, мы отправляемся по северному берегу Явы на восток — там будем работать с аквалангами на коралловых рифах.

Встречи с тремя неизвестными

Это первый кроссворд Икса, Игрека, Зета. Условия такие: вместо каждой из пяти букв в этом равенстве надо поставить

определенную цифру — так, чтобы получилось тождество. Причем, конечно, различным бук-

вам соответствуют и различные цифры. Если этот кроссворд покажется тебе трудным, отложи его на время в сторону и начни решать следующий.

Сколько будет
ДВА+ТРИ?

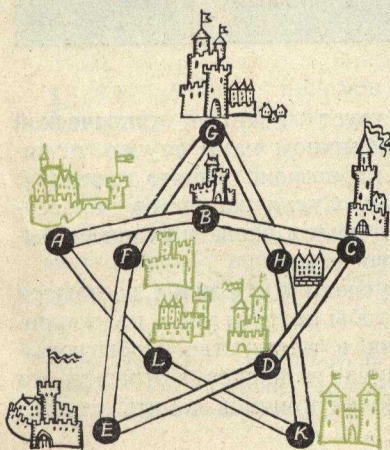
Отвечай смело — тут никакого подвоха нет: ПЯТЬ. Запишем наше решение в столбик, как в первом кроссворде.

Попробуй теперь заменить девять букв, входящих в эту запись, девятью цифрами: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 так, чтобы получилось правильное сложение. Учти только, что каждая цифра второго слагаемого больше стоящей над ней цифры первого слагаемого и т.д.

Заинтересовали тебя наши математические кроссворды? Тогда почитай о них подробнее в книге Ивана Яковлевича Депмана «Рассказы о решении задач» (Ленинград, «Детская литература», 1964 г.).

Вот так выглядит схема шоссейных дорог известной всем страны Швамбрании. Как види-

те, это замкнутая ломаная линия ABCDEFGHKL из десяти звеньев. Линия построена так, что каждое свое звено она пересекает ровно один раз. Так что, если из города А отправиться на автобусе в путешествие по Швамбрании, удастся по очереди побывать во всех десяти городах и снова вернуться в А, причем на своем пути мы будем пересекать каждый прямолинейный участок дороги ровно один раз...

А какой была бы подобная схема дорог в Синегории — стране, где всего восемь городов? Другими словами, попробуйте нарисовать схему дорог в виде замкнутой восьмизвенной ломаной, пересекающей каждое свое звено ровно один раз. И еще — подумай, можно ли нарисовать

такую же схему для Лилипутии, где нужно объехать девять городов?

Письмо пришло из Ленинграда. Вот уже два года газета «Ленинские искры» проводит в городе математическую олимпиаду, и мы с удовольствием печатаем две задачи из тех, что нам прислали ленинградцы.

ЗАДАЧА ПЕРВАЯ. Расстояния между любыми двумя пионерскими лагерями нашей области не равны между собой. Однажды из каждого лагеря вышел пионер и направился к соседям в ближайший лагерь передать им приветствие. Докажите, что ни в один лагерь не пришли шесть ребят.

ЗАДАЧА ВТОРАЯ. (Она похожа на нашу «Сосчитайку», только считать надо не на бумаге, а в уме):
 $(38634 \times 812 - 7121 \times 984) \times (512 \times 348 - 128 \times 1392) + 819$.

Фехтовать? ПОЖАЛУЙСТА!

Пятикратный чемпион страны, чемпион мира,
заслуженный мастер спорта
ГАЛИНА ГОРОХОВА

Фото С. КАРАСЕВА
Рисунки В. ТОГОВИЦКОГО.

Урок второй

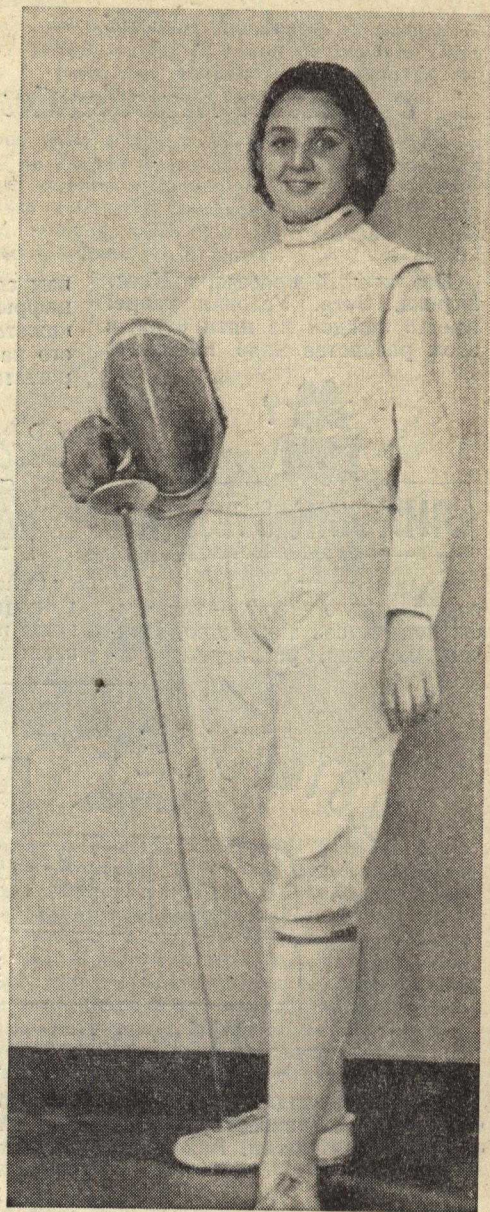
Сегодня, ребята, поучимся атаковать и наносить уколы. Прежде всего я должна предупредить вас, что далеко не всякий укол засчитывается. В прошлый раз я уже говорила, что недействителен любой укол, нанесенный партнеру вне поражаемой зоны. Но и укол в поражаемую зону не всегда идет в счет. Почему?

Поясню примером. Партнер атакует. Вы же вместо того, чтобы каким-либо из приемов защиты отвести его рапиру, сами наносите укол. Начинаящему такой образ действий может показаться особенно привлекательным. Он, дескать, меня, а я в это время его.

Думаете, вы сквитались и вам обоим засчитают по очку? Ничего подобного. В фех-

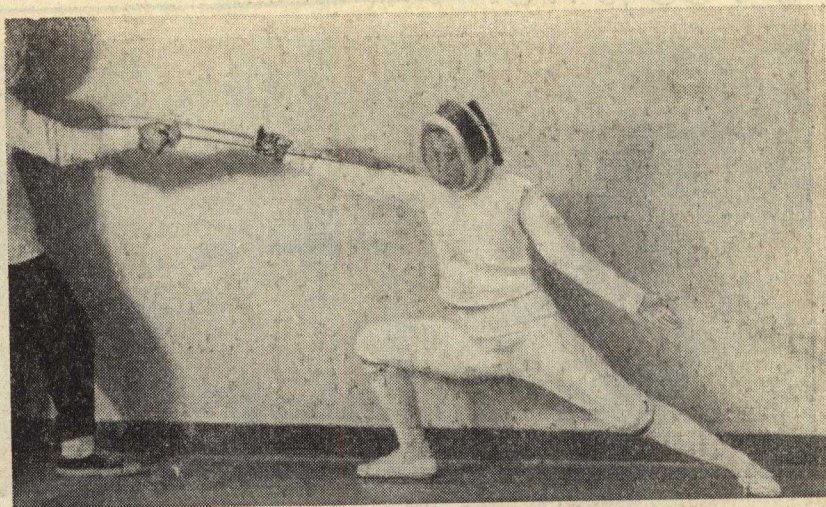
товании существует понятие **тактической правоты**. В разобранным нами случае тактическая правота на стороне вашего партнера, атаковавшего вас. Судья засчитает нанесенный им укол, а о вашем скажет: атаки не было, укол недействителен.

Как видите, успехи в поединке достаются не так просто. Чтобы нанести укол, надо превзойти противника в мастерстве, «обыграть» его. В данном случае надо сперва отразить его атаку каким-либо из приемов защиты и тогда,

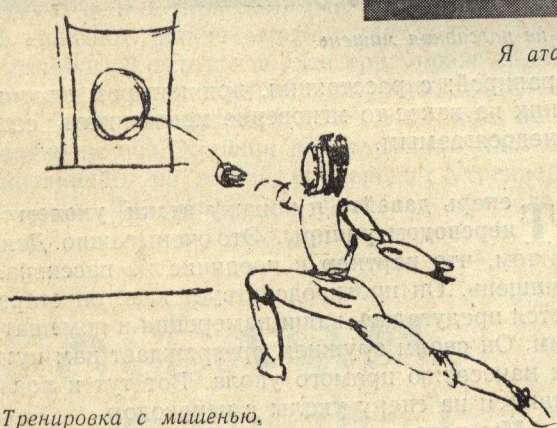

сразу же перейдя в наступление, нанести ответный укол. Тут тактическая правота будет вашей. А оба одновременно правыми в поединке не бывают. Итак, укол, нанесенный партнеру во время его атаки, называется **встречным** и не считается. В отличие от него укол, нанесенный после отражения атаки защитой, называется **ответным**.

Здесь на рисунке внизу вы видите тренировку

Я атакую, а партнер наносит мне встречный укол.

Тренировка с мишенью.

с мишенью. Это очень удобно и полезно: помогает отрабатывать не только прием, но и меткость нанесения укола. К тому же мишень в отличие от партнера всегда под рукой, всегда к вашим услугам. Фехтовать с мишенью можно без маски. С партнером маска нужна.

Есть много приемов атаки. Разберем основные, начиная с **атаки уколом прямо, без выпада**.

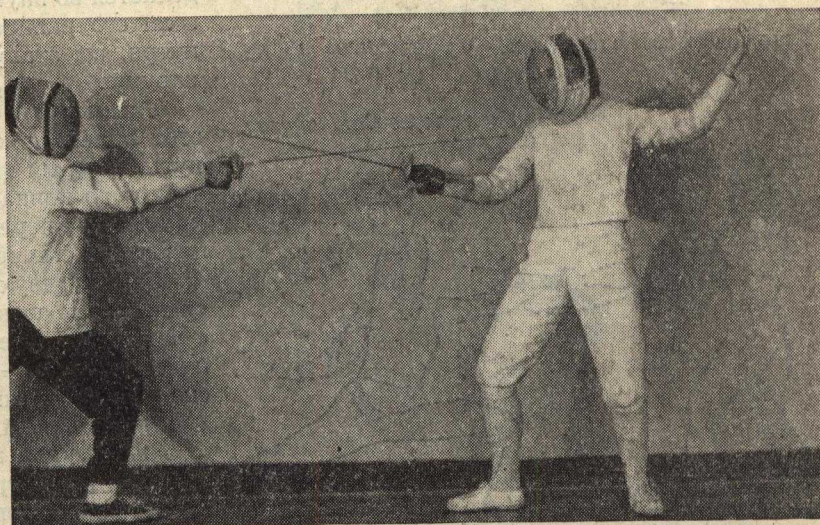
Вы находитесь в боевой стойке. Напоминаю: в боевой стойке вооруженная рука чуть согнута; это

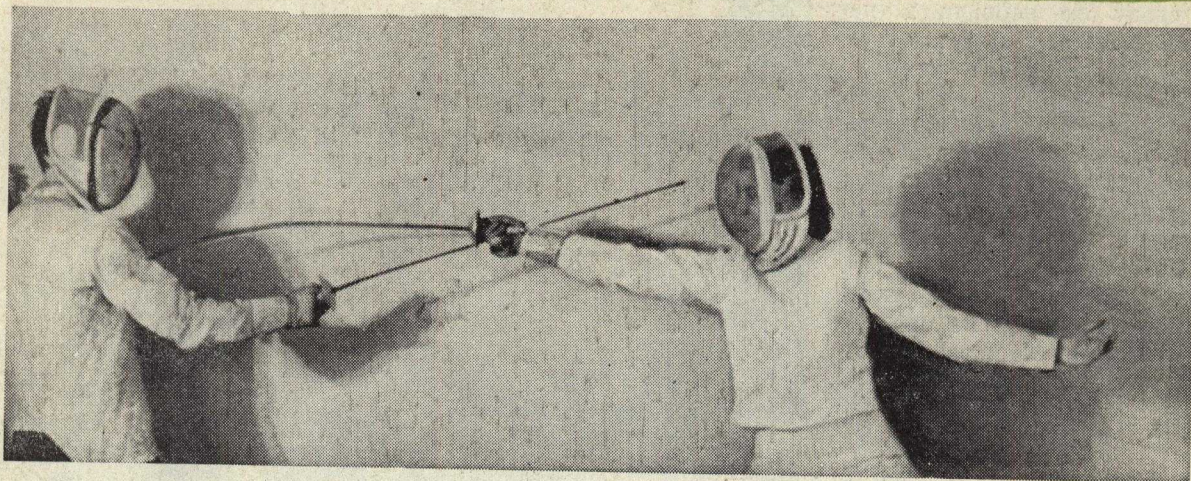
Чуть согнутая вооруженная рука — это пружина, готовая распрямиться.

пружина, готовая распрямиться. Вы и распрямляете ее, чтобы острие рапиры коснулось открытого места в поражаемой зоне.

Как делать выпад, мы с вами учили на прошлом уроке. Сейчас это нам понадобится для следующего приема, который называется **атака уколом прямо, с выпадом**.

Техника заключается в том, чтобы, делая выпад, энергично распрямить вооруженную руку. В атаке применяется одинарный и двойной выпад, смотря по тому, какое расстояние надо преодолеть, чтобы нанести укол. Но чаще, если расстояние велико, преодолевают его фехтовальным шагом, заканчивая энергичным выпадом.

Партнер в поединке — не пассивная мишень.

Вы, конечно, понимаете, что и простой и двойной выпад и комбинация фехтовального шага с выпадом дают возможность молниеносно приблизиться к противнику с расстояния, превышающего длину вытянутой руки с

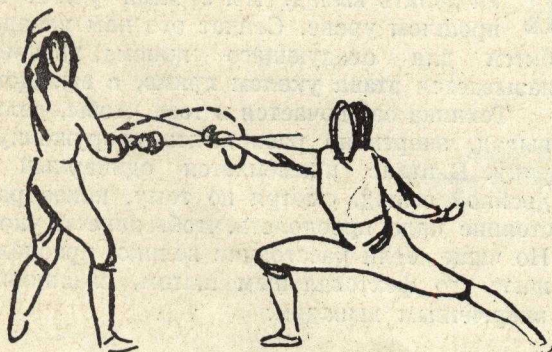
рапирой; с расстояния, при котором противник на какое-то мгновение мог считать себя недосягаемым.

Теперь давайте я покажу атаки уколом с переводом рапиры. Это очень важно. Дело в том, что партнер в поединке не пассивная мишень. Он противодействует вам, он старается предугадать ваши намерения и помешать им. Он своим оружием преграждает вам путь к нанесению прямого укола. Вот тут и появляются на сцену уколы с переводом.

Мы разучим два вида. Они применяются в зависимости от того, в какую сторону прегражден вам путь. Если рапира противника преграждает путь во внешнюю сторону (вправо от вашей вооруженной руки), перевод делается во внутреннюю сторону. И, наоборот, если его рапира преградила вашей путь изнутри, вы атакуете, делая укол с переводом наружу.

Рассмотрите внимательно поясняющие этот прием рисунки. Стрелка показывает путь, который проходит острие рапиры от начала и до конца атаки. На одном рисунке — при атаке с переводом **вовнутрь**, на другом — при атаке с переводом **наружу**.

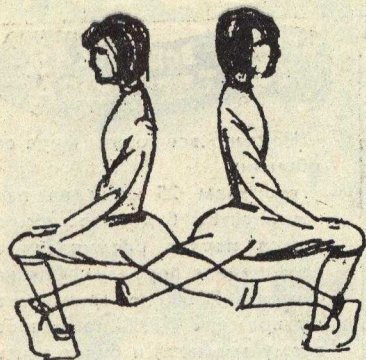
Из этих двух видов атаки вытекают более сложные: и атака с двумя, и атака с тремя, с четырьмя переводами, и даже с еще большим числом — в зависимости от того, сколько раз рапира противника окажется на пути вашей. Кстати сказать, следующий урок мы посвятим именно этому: будем преграждать своей рапирой путь рапире противника. Иначе говоря, будем учиться приемам защиты.

Укол с переводом вовнутрь.

Укол с переводом наружу.

Поперечные переходы из правого выпада в левый и наоборот.

Выпад с пружинящим проседанием.

Вращение корпуса.

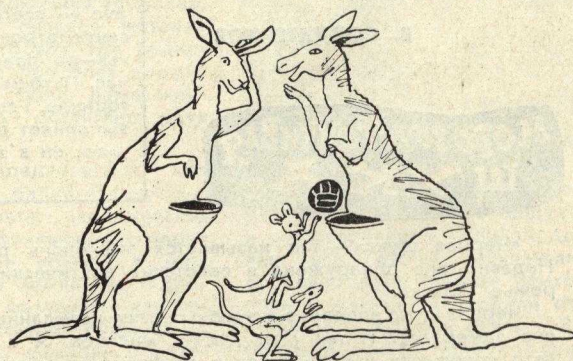
Тут ребята прислали мне письмо, спрашивают, какие упражнения делать для разминки. Здесь вы видите три упражнения, которые художник зарисовал у нас на «Динамо» перед тренировкой. Но это, конечно, далеко не все. Хороши для разминки многие упражнения из вашей пионерской утренней зарядки. Фехтовальщику полезны «пистолет-

тик», «насос», «дровосек», всевозможные прогибания и вращения корпуса. Наконец, скакалочка. Девочки и без того увлекаются ею, а я советую мальчишкам тоже освоить ее.

Успехов вам! До свидания в следующем номере «Пионера».

Весёлая Разминка

Неуязвимый вратарь.

Пока мамы беседуют...

Ммма-э-э-э-э...
Хочу быть сильным!

СЕКУНДЫ И ТОННЫ

По реке плывет катер-буксир. Он тянет за собой баржу, груженную камнями. Их много — двести пятьдесят тонн. Вдруг катер замедляет ход. Остановилась и баржа. Моторист в рубке катера включает на барже гидроцилиндры, и баржа... разламывается пополам.

В трехметровую щель сыпается многотонный груз. Тридцать секунд — и двести пятьдесят тонн камня на дне реки. После этого обе половинки баржи смыкаются, и катер идет за новой порцией груза.

Впервые саморазгружающиеся баржи были применены на строительстве Асуанской плотины. Сейчас они работают на канале Волго-Дон.

В. СОЛДАТЕНКОВ

МОРОЗОУСТОЙЧИВАЯ ЩУКА

«Черная щука» — так называется эта очень редкая порода рыб. Недавно она обнаружена в советских арктических водах и на побережье Аляски.

Черная щука впадает в зимнюю спячку невиданным ранее образом — она замерзает! И так спит десять месяцев. А в короткое полярное лето «оживает» и появляется в прибрежных водах Чукотки. Там ее и обнаружили советские ученые.

ВОТ ТАК МОТОЦИКЛ!

Да, как ни странно, но это мотоцикл. Сделал его швейцарец Филип Глоор. Диаметр колес — всего пять с половиной сантиметров, скорость машины — до двадцати километров в час. Путешествуя на своем мотоцикле, Глоор неукоснительно выполняет все правила: как видите, он в защитном шлеме.

ПЕРВАЯ ВСЕМИРНАЯ ТЕЛЕПЕРЕДАЧА

Недавно все газеты мира сообщили:

«Вечером 25 июня на пяти континентах будет транслироваться первая Всемирная телевизионная передача. Она начнется в 20.00 по гринвичскому времени (23.00 по московскому времени) и будет длиться два часа...»

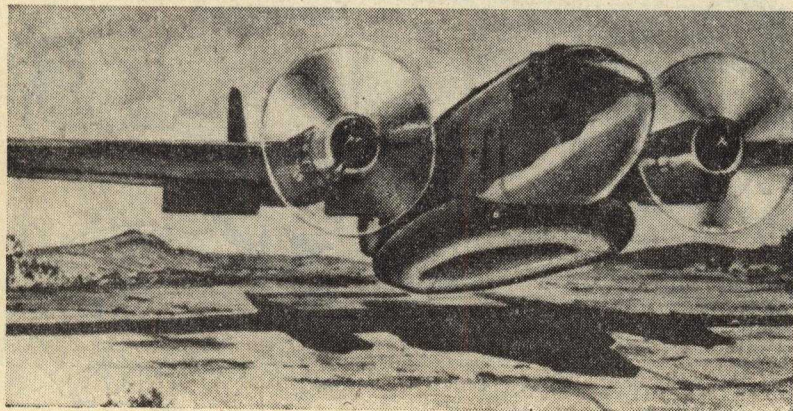
Тысячи телекамер помогут нам совершить за эти часы удивительное кругосветное путешествие. Камеры поднимутся на самолетах в воздух, взберутся на горы, нырнут под воду. А их сигналы будет принимать советский спутник «Молния-1» и передавать в Бельгию, в штаб «кругосветки». Наши телевизоры, как иллюминаторы космического корабля, откроют перед нами всю планету... Мы побываем в Японии и Америке, Мексике и Средней Азии, пройдем по павильонам Всемирной выставки в Монреале, посетим советский и американский космодромы. Закончится путешествие в Москве, в одной из научных лабораторий, где человек создает искусственное солнце — приручает термоядерную реакцию...

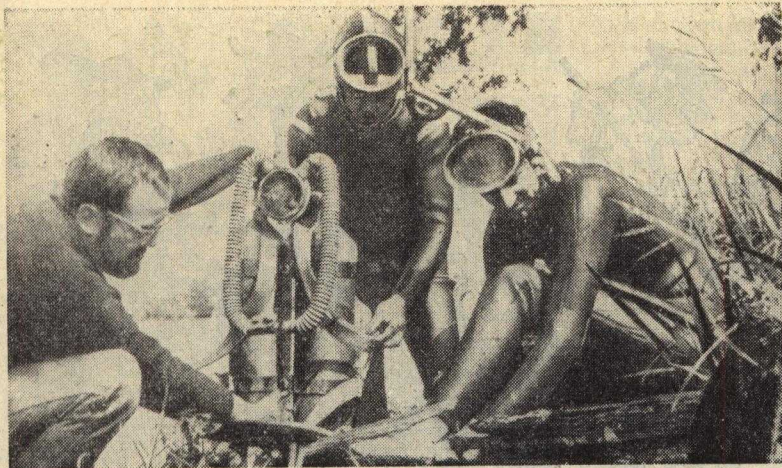
Итак, запомните это число — 25 июня 1967 года, 23 часа по московскому времени...

А. ГРИБАНОВ

Новая Модель

В ряде стран разрабатываются модели самолета — с воздушной подушкой вместо обычного шасси. Подушка облегчает взлет самолета в условиях, когда нет обычной взлетной полосы, например, в заболоченных местах. Такому самолету для старта достаточно небольшой площадки из твердого грунта.

Хозяева ОЗЁР

На этом снимке — три студента из города Галле (ГДР). Они очень любят подводное плавание. Во время каникул исследовали все озера своего края, выловили сотни затонувших деревьев и много старых лодок, которые все время рвали рыболовные сети.

РОБОТ-ВЕСЕЛЬЧАК

РАДИОАКТИВНЫЙ ОСТРОВ

В южном полушарии, в четырех тысячах километров от Австралии, расположен остров Ниуэ. Почва этого острова необычайно радиоактивна: в сто раз превышает норму радиоактивность местных фруктов и овощей. Но жители острова чувствуют себя отлично! Более того, обитатели Ниуэ здоровее, выносливее, сильнее жителей соседних островов, где радиоактивность в пределах нормы. Это рослые люди, даже женщины здесь достигают двух метров.

Ученые предполагают, что повышенная радиоактивность — либо результат космических лучей, проникающих через своеобразное «окно» в магнитном поле Земли над островом, либо результат излучения радиоактивной руды, залежи которой, возможно, находятся в недрах острова.

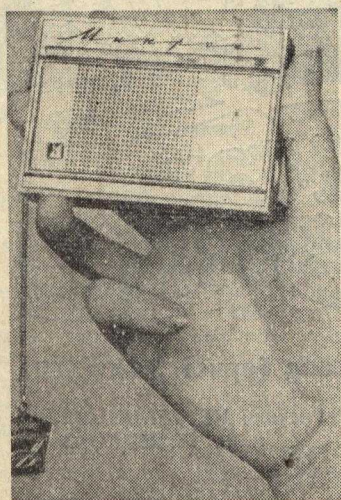
Ю. КОТЛЯР

Чего только не умеет этот робот! Он и поет, и танцует, и разговаривает — словом, делает все, чтобы покупатели, особенно дети, почаще приходили в магазин и уходили отсюда не с пустыми руками. За большие деньги приобрел универмаг в Токио этого безотказного электронного помощника.

Рождение МИМ'а

Имя новорожденной — МИМ (малая интегрирующая машина).

МИМ с младенческих лет наделен незаурядными способностями: едва появившись на свет, он уже умеет решать дифференциальные и интегральные уравнения и их системы. Несмотря на сложность машины (в схеме МИМа больше полутора тысяч полупроводниковых элементов), с МИМом легко, просто и приятно работать.

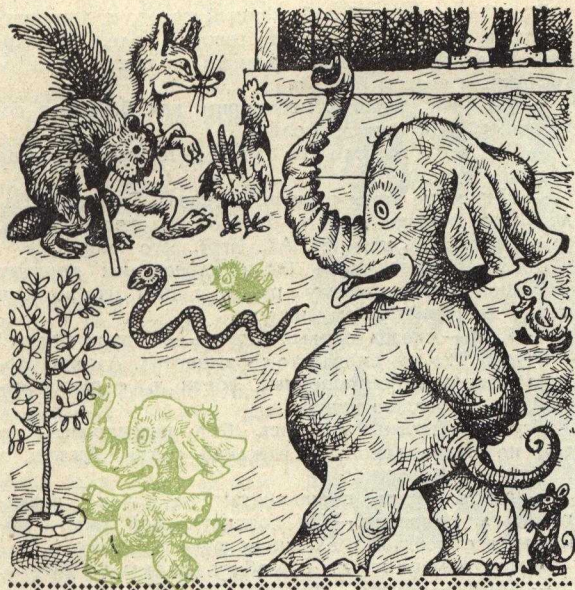

«МИКРОН» ПОЕДЕТ В МОНРЕАЛЬ

Вместе с «Микроном» на Всемирную выставку отправились и другие новинки ленинградской радиопромышленности — портативные приемники «Сюрприз», «Этюд», «Спорт-3». Уже в этом году их можно будет купить в наших магазинах. «Микрон» — самый миниатюрный из громкоговорящих радиоприемников. Он весит всего сто граммов, в комплекте с ним будет продаваться и зарядное устройство для восстановления аккумуляторов.

В СССР построена первая в мире электронно-вычислительная машина, спроектированная... другой машиной.

ОТОВСЮДУ И ОБО ВСЕМ

— А у меня четыре пенни и три фартинга и... и вот и все, — вздохнул Майк, сложив монетки столбиком.
— Как раз хватит подать нищему! — фыркнула Мэри Поппинс, заглянувшая за диван.

— Ничего подобного, — обиженно ответил Майк. — Это мои сбережения. Я столько накопил.

— Хм! Наверно, опять на какой-нибудь сумалёт! — с презрением сказала Мэри Поппинс.

— Нет, на слона: мне очень нужен свой слон. Как Лиззи в Зоопарке, только совсем свой. Я тебя буду на нем катать, — сказал Майк, глядя в сторону, но все-таки уголком глаза следя за Мэри Поппинс, чтобы выяснить, как она отнесется к этому предложению.

— Хм! Тоже придумал! — сказала Мэри Поппинс. Но было заметно, что она уже не так сердится.

— Интересно, — сказал Майк задумчиво, — что бывает в Зоопарке ночью, когда все уходит домой?

— Много будешь знать, скоро состаришься, — огрызнулась Мэри Поппинс.

— Так ведь я же не знаю, я просто спрашиваю, — пояснил Майк. — А вы знаете? — спросил он Мэри Поппинс, которая тем временем с удвоенной скоростью сметала крошки со стола.

— Еще один вопрос — и будет «марш в кровать!», — ответила она и принялась подметать детскую так яростно, что стала похожа скорее на смерч в косынке и фартуке, чем на человека.

— Бесплезно ее спрашивать, — шепнула Джейн. — Она все знает, а ничего не скажет!

— А зачем тогда знать, если ты никому не говоришь? — проворчал Майк, но так тихо, что даже Мэри Поппинс не услышала.

Джейн и Майк не могли припомнить, чтобы их когда-нибудь укладывали спать так спешно, как в этот вечер. Мэри Поппинс погасила свет очень рано и умчалась с такой быстротой, словно все ветры земли дули ей в спину.

Им показалось, что не прошло и минуты после ее ухода, как они услышали за дверью чей-то шепот.

— Джейн, Майк, скорей! — шептал чей-то Голос. — Наденьте что-нибудь и бегом!

Ребята выскочили из постелей, страшно удивленные.

— Пошли! — сказала Джейн. — Что-то будет!

И она стала искать в темноте свое платье.

— Скорей! — опять повторил Голос.

— О господи, ничего не могу найти, кроме матросской шапки и перчаток! — сказал Майк, бешено дергая дверцы шкафа.

— Ну и хватит. Одевайся! Сейчас не холодно. Пошли!

Сама Джейн разыскала только маленькое пальтишко Джона. Ей кое-как удалось в него втиснуться.

Она открыла дверь. За дверью не было никого, но ребятам показалось, что кто-то быстро-быстро бежит вниз по лестнице. Джейн и Майк помчались вдогонку.

Кто бы или что бы это ни было, его не удавалось ни догнать, ни даже увидеть.

Однако ребята ясно чувствовали, что кто-то указывает им дорогу и велит следовать за собой. Они уже бежали по пустынному переулку: слышалось только, как шлепают их туфли по мостовой.

— Скорей! — вновь поторопил их Голос из-за ближайшего угла. Но, свернув за угол, они опять никого не увидели. Следуя за Голосом, ребята бежали изо всей мочи по улицам, аллеям, площадям, по парку, и, наконец, они остановились перед большим турникетом в высокой оgrade.

— Вы пришли! — сказал Голос.

— Куда? — крикнул Майк.

Но ответа не последовало. Джейн подошла к турникету, держа Майка за руку.

— Смотри! — сказала она. — Понял, где мы? Это Зоопарк!

Полная луна очень ярко светила в небесах: при ее свете Майк ясно различил железную решетку и заглянул внутрь. Конечно! Как же это он мог не узнать огады Зоопарка?!

— А как же мы войдем? — спросил он. — У нас нет денег на билеты!

— Не беспокойся! — ответил кто-то из-за огады ворчливым басом. — Приглашенные Гости входят сегодня ночью бесплатно! Толкни турникет, пожалуйста!

Джейн и Майк послушались и в один миг оказались в Зоопарке.

— Вот ваши билеты, — сказал Бас, и, осмотревшись, они увидели, что он принадлежит огромному Бурому Медведю, одетому в пальто с медными пуговицами и фуражку. В лапе он держал два розовых билетики, которые и протянул ребятам.

— А мы всегда раньше отдавали билеты контролеру, — сказала Джейн.

— Что было раньше, то было раньше. А сегодня получайте! — сказал Медведь, улыбаясь.

Майк разглядывал Медведя.

— Я вас знаю, — сказал он Медведю. — Я один раз дал вам банку сиропа.

— Правильно, — согласился Медведь. — И ты забыл ее открыть. Знаешь, сколько я ее открывал? Десять дней! Пожалуйста, в следующий раз будь повнимательней!

— А почему вы не в клетке? Вас всегда выпускают по ночам? — спросил Майк.

— Нет. Только когда День Рождения приходится на Полнолуние. Но, извините, мне некогда. Я должен наблюдать за входом.

И Медведь отвернулся от них и снова начал вертеть рукоятку турникета.

Джейн и Майк, крепче сжимая свои билеты, пошли по дорожке.

В ярком свете полной луны было отчетливо видно каждое дерево, каждый кустик и цветок.

— Тут что-то такое творится, — сказал Майк.

И, несомненно, он был прав. По всем дорожкам бегали звери, а кое-где и птицы.

Два Волка промчались мимо ребят, оживленно беседуя на ходу с очень высоким Аистом, который семенил между ними, грациозно изгибая шею. Джейн и Майк ясно расслышали слова «День Рождения» и «Полнолуние», когда тройка поравнялась с ними.

Поодаль три Верблюда рядышком прогуливались по аллее, а неподалеку от них Бобер о чем-то увлеченно разговаривал с Американским Кондором. И, как показалось ребятам, все обсуждали один и тот же вопрос.

— Чей это День Рождения, интересно? — сказал Майк, но Джейн уже ушла вперед, залюбовавшись редкостным зрелищем.

Как раз перед слоном очень толстый старый джентльмен расхаживал взад и вперед на четвереньках, а на его спине на двух маленьких скамеечках сидело восемь обезьянок.

— Батюшки! Все вверх тормашками! — воскликнула Джейн.

Старый джентльмен посмотрел на нее очень сердито.

— Вверх тормашками! — повторил он. — Кто вверх тормашками? Я? Это — оскорбление!

Обезьянки расхохотались.

— Ох, простите, я не про вас говорила, а про все вообще, — объяснила Джейн, стараясь догнать старого джентльмена, чтобы извиниться. — Ведь обычно люди катаются на животных, а сегодня человек катает зверей. Вот что я хотела сказать.

Но старый джентльмен, пыхтя и отдуваясь, продолжал утверждать, что его оскорбили, и наконец скрылся из виду вместе с отчаянно вопившими обезьянами-пассажирами.

Увидев, что догонять его бесполезно, Джейн взяла Майка за руку и пошла в другую сторону. Вдруг ребят остановил чей-то голос, раздавшийся у них почти из-под ног.

— Пойдите-ка сюда, эй вы! Оба, оба! Заходите! Посмотрим, как Вы будете нырять за апельсиновой коркой, которая вам не нужна!

Это был сердитый, обиженный голос, и, присмотревшись, ребята увидели, что говорит маленький черный Тюлень, свирепо смотревший на них из залитого лунным светом бассейна.

— Давайте, давайте, посмотрим, как ВАМ это понравится! — настаивал Тюлень.

— Да ведь мы же не умеем плавать, — сказал Майк.

— Ничем не могу помочь! — сказал Тюлень. — Надо было раньше думать. Никто не интересуется, умею я плавать или нет. А?.. Что?.. Что такое?

Последние его слова были адресованы другому Тюленю, вынырнувшему рядом с ним из воды и что-то шептавшему ему на ухо.

— Кто? — сказал первый Тюлень. — Говори громче! Второй Тюлень снова что-то зашептал. Джейн уловила слова: «Приглашенные Гости...», «Друзья самой...» — и больше ничего.

Первый Тюлень, казалось, был разочарован, но тем не менее довольно вежливо сказал Джейн и Майку:

— Ах, извините, пожалуйста! Рад с вами познакомиться. Извините. — Он протянул свой ласт и обменялся с ребятами влажным рукопожатием.

В этот момент кто-то с разбегу налетел на Джейн.

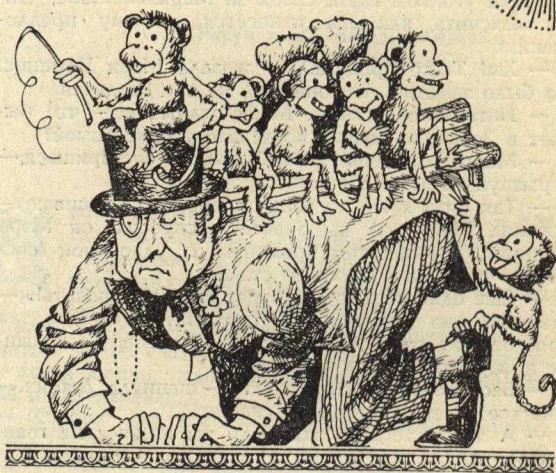
— Ты что, ослеп? — крикнул Тюлень. — Надо смотреть, куда идешь!

Джейн поспешно обернулась и так и подскочила от страха и изумления. На нее налетел крупнейший Лев!

Глаза Льва заблестели, когда он, в свою очередь, разглядел Джейн.

— Ох, простите! — начал он. — Я не знал, что это вы! Сегодня у нас тут такая толкотня и я так

очень толстый старый джентльмен расхаживал на четвереньках.

спешу поспеть к кормлению людей, что я, кажется, действительно не смотрю себе под ноги! Пойдемте вместе, а? Не стоит пропускать это зрелище, знаете ли!..

— Может быть, вы нас проводите? — сказала Джейн вежливо. Она немного побаивалась Льва, но он казался довольно добродушным. «А потом сегодня все вверх тормашками», — думала она.

— С наслаждением! — протянул Лев сладким голосом и предложил ей лапу. Она приняла ее, но на всякий случай притянула Майка поближе к себе.

Майк был толстенький, упитанный мальчик. «А, что ни говори, львы — это львы», — думала Джейн.

— Хорошо ли выглядит моя грива? — спросил Лев, когда они тронулись в путь. — Я завил ее ради торжественного случая.

Джейн поглядела. Грива действительно была смазана маслом и завита колечками.

— Очень, — сказала она. — Только... только разве не странно Льву заниматься такими вещами? Я думала...

— Как! Моя дорогая юная леди, Лев, как вам известно, — царь зверей. Ему нельзя забывать о своем положении. И я лично не склонен забывать о нем. Я считаю, что Лев всегда должен отлично выглядеть, где бы он ни находился. Сюда, пожалуй, ста!

И величавым движением своей лапы он указал на вход в павильон Крупных Хищников.

При виде зрелища, которое им там представилось, у Джейн и Майка захватило дыхание. Большой зал был битком набит зверями. Некоторые опирались на барьер, который отделял клетки от зрителей, некоторые стояли на скамьях, установленных ярусами напротив клеток.

«с наслаждением!» — прозвучал лев сладким голосом.

— Блестяще, правда? — сказал Лев с гордостью. — Совсем как в добрые старые времена в джунглях! Только давайте пройдем вперед: надо занять хорошие места.

И он принялся проталкиваться сквозь толпу, рыча: «Дорогу, дорогу!» — и волоча за собой Джейн с Майком. Наконец они выбрались на чистое местечко и увидели клетки.

— Ого! — сказал Майк. — Там полно людей!

Так и было.

В одной клетке два полных джентльмена средних лет в цилиндрах и полосатых брюках расхаживали взад и вперед, напряженно всматриваясь куда-то сквозь прутья решетки, словно они чего-то с нетерпением ожидали.

Дети всех возрастов и размеров, начиная с малышей в длинных платьицах, ползали по другой клетке. Звери-зрители рассматривали их с большим интересом, и некоторые из них пытались позабавить малышей, просовывая лапы или хвосты сквозь решетки. Жираф вытянул свою длинную шею над головами остальных зверей и позволил маленькому мальчику в матроске пощекотать себе нос.

В третьей клетке были заключены три пожилые леди в дождевиках и калошах. Одна из них вязала, зато две остальные стояли у самой решетки, крича на зверей и тыкая в них своими зонтиками.

— Противные твари! Убирайтесь вон! Я хочу чаю! — кричала одна из них.

— Какая смешная! — говорили в толпе животных.

— Джейн, гляди! — крикнул Майк, указывая на клетку в конце ряда. — Неужели это...

— Адмирал Бум! — закончила Джейн изумленно.

И действительно, это был Адмирал Бум. Он носился взад и вперед по своей клетке, кашляя, сморкаясь и плюясь от ярости.

— Лопни моя селезенка! Все к насосам! Земля, огой! Свистать всех наверх! Лопни моя селезенка! — кричал Адмирал. Каждый раз, когда он слишком приближался к прутьям, один Тигр легонько тыкал его палочкой, что неизменно вызывало у Адмирала отчаянный взрыв ругательства.

— Да как же они все туда попали? — спросила у Льва Джейн.

— Потерял и сь, — сказал Лев. — Вернее, забыты и оставлены. Есть такие люди, которые зря слоняются и остаются в парке, когда ворота запирают. Надо же их куда-то деть, вот мы и сажаем их сюда. Вот этот — он опасный! Чуть не прикончил своего сторожа недавно. Не подходите близко! — Лев показал на Адмирала Бума.

— Отойдите, отойдите, пожалуйста! Не толпитесь! Дайте дорогу, пожалуйста! — закричало несколько голосов.

— Ага! Сейчас начнется кормление! — сказал Лев и принялся энергично пробираться вперед сквозь толпу. — Вон идут сторожа!

Четыре Бурых Медведя, все в форменных фуражках, катили тележки с кормом по узенькому коридору, отделявшему клетки от зверей.

— А ну-ка, отойдите! — командовали они, когда какой-нибудь зверь-зритель мешал им пройти. Потом они открывали дверцы и подавали корм на вилках.

Джейн и Майк протиснулись в просвет между Леопардом и Динго, и им было прекрасно видно все, что происходит. Малышам в клетку бросали бутылочки с молоком: они хватали их ручонками и тут же к ним присасывались. Ребята постарше стаскивали с вил пряники и кексы. Леди в калошах получили тарелки с бутербродиками и лепешками, а джентльмены в цилиндрах — бараньи котлеты и горчицу в баночках. Эти последние, получив корм, унесли его в угол, расстелили на коленях своих полосатых брюк платки и принялись за еду.

Сторожа обошли уже почти весь ряд клеток, как послышался страшный рев.

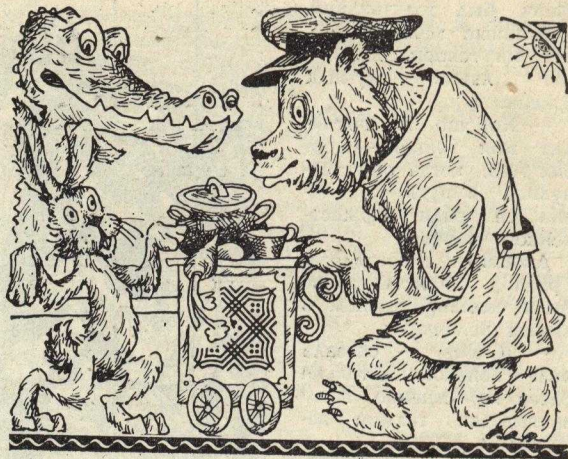
— Лопни мои кишки! Это называется еда? Жалкий комочек мяса и капустный лист? А пудинг? Возмутительно! Позор! Якорь поднять! А где мой порт? Портвейн где, говорю? Вира помалу! Эй, вы, там, на баке? Где адмиральский портвейн?!

— Слышите? Он взбесился! Я вам говорю, это опасный экземпляр! — сказал Лев.

Джейн и Майку не нужно было объяснять, кого он имеет в виду. Они прекрасно изучили адмиральскую манеру выражаться.

— Ну-с, так, — сказал Лев, когда шум в павильоне несколько стих. — По-видимому, уже конец. И с вашего разрешения я вынужден удалиться. Надеюсь увидеться с вами попозже, на Большом хороводе. Я вас разыщу. А сейчас мне пора.

Он проводил их к выходу, попрощался и ускакал,

потряхивая своей завитой гривой. Золотистая шерсть его так и блестела в лунном свете.

— Ой, минуточку! — крикнула было ему вслед Джейн, но он уже скрылся из виду.

— Я хотела спросить у него, выпускают их когда-нибудь или нет. Бедные люди! Ведь Джон, и Барби, или даже мы с тобой могли оказаться на их месте!..

Джейн обращалась к Майку, но, обернувшись, обнаружила, что его нет рядом. Он незаметно свернул на боковую дорожку. Когда она догнала его, он разговаривал с каким-то Пингвином, у которого под одним крылом был зажат огромный блокнот, а под другим — карандаш. Пингвин стоял посреди дорожки и задумчиво грыз конец карандаша.

— Не могу придумать, — услышала она слова Майка, видимо, отвечавшего на какой-то вопрос.

Пингвин обратился к Джейн.

— Может быть, вы мне поможете, — сказал он. — Какое слово рифмуется с «Мэри»? Я не могу сказать «двери»: не хочется повторяться, знаете ли. Много раз рифмовали. Если вы скажете «пери», не нужно. Я уже сам об этом думал, но она на нее совсем не похожа, так что это не годится.

— «Звери», — Майка вдруг осенило.

— Хм. Недостаточно поэтично, — заметил Пингвин.

— А может быть, «потери»? — предложила Джейн.

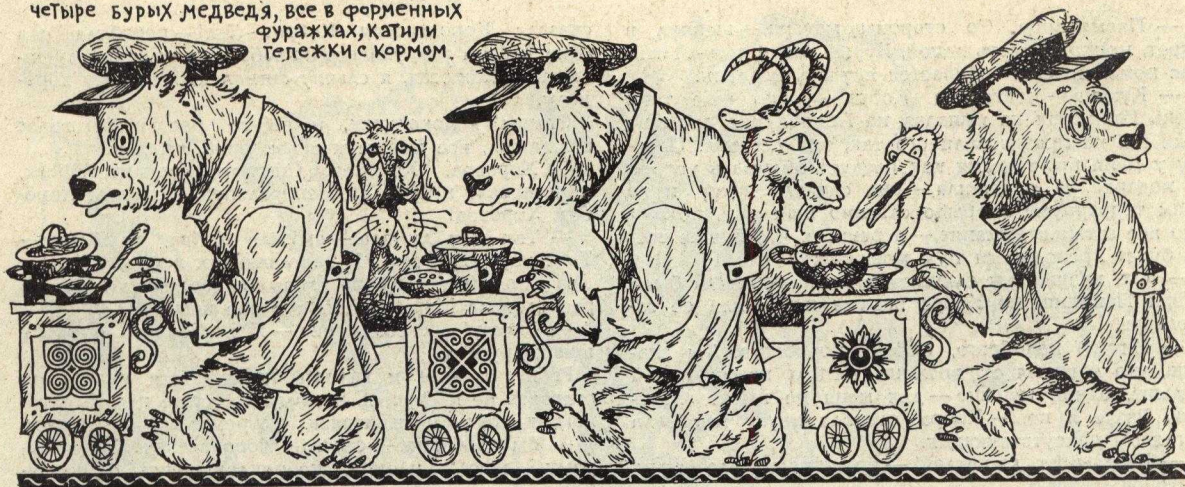
— Ну... — Пингвин, по-видимому, размышлял. — Не очень хорошо, правда? — сказал он грустно. — Пожалуй, придется и от этого отказаться. Я, понимаете ли, пытаюсь сочинить поздравительные стихи ко Дню Рождения. Мне показалось, что будет очень здорово, если начать так: «О Мэри, Мэри!..», — и на этом я застрял. Очень обидно. Они жаждут от Пингвина, сами вы понимаете, чего-нибудь оригинального, и не хочется их разочаровывать. Что делать, что делать?.. Ладно. Не задерживайте меня, мне надо сосредоточиться.

И с этими словами он поспешно заковылял прочь, размахивая блокнотом и продолжая грызть свой карандаш.

— У меня просто го-

четыре бурых медведя, все в форменных фуражках, катили тележки с кормом.

лова кругом идет,— сказала Джейн.— Чей же это День Рождения, интересно?

— Идемте, будьте добры, ребята, идемте! Вы ведь, наверное, тоже хотите поздравить и все такое прочее,— раздался сзади чей-то голос, и, обернувшись, они увидели того самого Бурого Медведя, который выдал им билеты.

— Да, конечно! — ответила Джейн, сообразившая, что, пожалуй, лучше не спорить, хотя она не имела никакого понятия о том, кого они должны поздравлять.

Бурый Медведь обнял ребят за плечи и повлек их вперед. Ребята чувствовали прикосновение его мягкой, теплой шерсти; им было даже слышно, как в животе у него гудело, словно в бочке, когда он что-нибудь говорил.

— Ну, вот мы и пришли! — сказал Медведь, остановившись перед невысоким домиком.

Окна дома ярко светились. Можно было подумать, что на дворе не ночь, а белый день и светит солнце. Медведь отворил дверь и ласково подтолкнул ребят внутрь.

В первый момент яркий свет ослепил их, но скоро глаза привыкли к освещению, и ребята поняли, что они в террариуме. Все клетки были открыты, и змеи гуляли на воле. Одни скользили по полу, другие лениво извивались и сворачивались клубком...

А в центре помещения, на большой колоде, которую, видимо, вытащили из какой-нибудь клетки, сидела окруженная змеями Мэри Поппинс.

Джейн и Майк не поверили своим глазам.

— Еще двое поздравителей, мадам,— почтительно доложил Бурый Медведь.

Змеи с интересом обернулись к ребятам.

Мэри Поппинс не шевельнулась.

Зато она заговорила.

— А почему ты явился без пальто, хотела бы я знать? — строго спросила она, глядя на Майка сердито, но без всякого удивления.

— Где твоя шляпка и перчатки? — тем же тоном обратилась она к Джейн.

Но прежде чем кто-нибудь из ребят успел раскрыть рот, по всему террариуму прошло движение.

— Сссссст! Ссссс!

Все змеи, негромко шипя, приподнялись на хвостах и поклонились кому-то, кто был позади Джейн и Майка. Бурый Медведь поспешно снял свою форменную фуражку. И Мэри Поппинс тоже медленно поднялась с места.

— Дитя мое! Мое самое дорогое дитя! — прозвучал тихий, нежный, свистящий голос. И из самой большой клетки, не спеша, плавно извиваясь, появилась Королевская Кобра. Она грациозно скользнула между сконившихся перед ней в поклоне змей, обогнула стоявшего на дороге Медведя и направилась прямо к Мэри Поппинс. А подойдя к ней, Кобра подняла в воздух добрую половину своего длинного золотистого тела и, раздув чешуйчатый, отливающий золотом клобук, нежно поцеловала Мэри сначала в одну, потом в другую щеку.

— Ссрадечно поззздравляю! — нежно прошептала она.— Я оччень, оччень счастлива! Давно уже твой День Рождения не выпадал на Полнолуние, дорогая! Кобра повернула голову.

— Сссадитесссь, друзззья! — сказала она, величаво поклонившись остальным змеям, и по ее слову все они немедленно вновь свернулись кольцами на полу, не сводя глаз с Королевской Кобры и Мэри Поппинс.

А Кобра повернула к Джейн и Майку свою крошечную высохшую головку.

Мурашки побежали по телу у ребят, и они невольно сделали шаг вперед: странный, глубокий взгляд Кобры, казалось, притягивал их. Сонно и темно глядели ее узкие, длинные зрачки, и в глубине этой сонной темноты таился и вспыхивал, как драгоценный камень, незасыпающий огонек.

— Кто они, смею ли я спросить? — сказала Кобра своим нежным голосом, от которого кровь стыла в жилах, испытующе глядя на ребят.

— Джейн и Майк Бэнкс к вашим услугам,— ответил Бурый Медведь, слегка заикаясь, словно ему было страшновато.— Ее друзья.

— Ах, ее друзья. Тогда добро пожаловать. Садитесь, мои дорогие.

Джейн и Майк, с трудом оторвав глаза от этого притягивающего взгляда, оглянулись, разыскивая, куда бы сесть. Медведь помог им: он присел на корточки, и ребята уселись на его мохнатых коленях.

— Она разговаривает, как королева,— шепнула Джейн.

— Так и есть. Она наша повелительница, самая мудрая и самая грозная,— негромко, с почтением сказал Бурый Медведь.

Кобра улыбнулась долгой, неспешной, таинственной улыбкой и обратилась к Мэри Поппинс.

— Кузина...— начала она, нежно зашепав.

— А она, правда, ее кузина? — шепнул Майк.

— Племянница. Со стороны матери,— шепнул в ответ, прикрыв пасть лапой, Бурый Медведь.— А сейчас помолчи. Она собирается вручать подарок.

— Кузина,— повторила Кобра,— давно уже твой День Рождения не выпадал на Полнолуние, и давно уже мы не праздновали его так, как сегодня. Посему у меня было время как следует обдумать вопрос о подарке. И я решила,— она сделала паузу, и во всем террариуме не было слышно ни звука, потому что все затаили дыхание,— я решила, что лучше всего будет преподнести тебе мою кожу.

— Ох, кузина, вы слишком добры!..— начала было Мэри Поппинс, но Кобра знаком попросила ее замолчать.

— Ничего подобного, ничего подобного. Ты знаешь, что я время от времени меняю кожу: одной больше, одной меньше — для меня не имеет значения. Разве я не...— Кобра сделала паузу и обвела взглядом присутствующих.

— Владычица джунглей! — прошипели все змеи. Кобра кивнула.

— Итак,— сказала она,— то, что хорошо для меня, должно быть хорошо и для тебя. Это, конечно, скромный подарок, дорогая Мэри, но он может послужить тебе, из него выйдет поясok или туфли.

И с этими словами она начала тихонько покачиваться из стороны в сторону. Джейн и Майку показалось, что по всему ее телу от головы до хвоста побежали маленькие волны.

И вдруг она сделала молниеносный винтообразный скачок и появилась в новом отливающем серебром наряде. Старая золотистая кожа упала на пол.

— Подожди, — приказала Кобра Мэри Поппинс, которая наклонилась было, чтобы поднять кожу. — Я напишу на ней Приветствие.

Кончик хвоста Кобры быстро-быстро пробежал по сброшенной коже. Затем она аккуратно свернула ее кольцом, подхватила на голову, словно золотую корону, и величаво подала ее Мэри Поппинс. Та с поклоном приняла дар.

— Не знаю, как тебя благодарить!.. — начала Мэри и заикнулась, залюбовавшись подарком, и только с восхищением погладила кожу рукой. Видно было, что она в восторге от подарка.

— Не благодарю,—

сказала Королевская Кобра.— Тсс! — перебила она сама себя и раздула свой клобук, словно прислушиваясь. — Кажется, я слышу сигнал к Большому хоро-воду.

Звенел колокольчик, и чей-то басовитый голос возглашал, все приближаясь и приближаясь:

— Хоровод, Хоровод! Спешите, спешите! Всех, всех просят пройти на Центральную площадь! Хоровод, Хоровод!

— Так я и думала,— сказала Кобра, улыбаясь.— Тебе пора, дорогая. Не заставляй их ждать.

И Королевская Кобра вновь приподнялась и нежно расцеловала Мэри Поппинс в обе щеки.

— Спешите! — сказала она.— Я позабочусь о твоих юных друзьях.

Ребята встали и начали пробираться к выходу, стараясь не наступить на змей, которые целым потоком, клубясь и извиваясь, устремились к дверям.

— Вы свободны,— сказала Королевская Кобра Бурому Медведю, и он, низко поклонившись, с фуражкой в лапе затрусил туда же, куда несли весь поток животных — к большой зеленой площадке в самом центре Зоопарка.

— Хотите пойти со мной? — ласково спросила Кобра и, не дожидаясь ответа, скользнула между Джейн и Майком, движением своего клобука указав им путь.

— Началось,— сказала она, зашипев от удовольствия.

Да, Большой хоровод начался. На лужайке стоял такой шум и крик, что ребята сразу поняли: это львы и леопарды, верблюды и бобры, антилопы и журавли и многое множество других зверей и птиц пели и орали во все горло, образуя кольцо вокруг Мэри Поппинс. И вот громадный хоровод двинулся по кругу; танцоры во всю глотку распевали дикие песни джунглей, раскачиваясь и поминутно меняясь местами.

Чей-то тоненький-тоненький, пискливый голос про-резался сквозь шум и крик:

О Мэри, Мэри-и,
Ты всех милее-е,
Ты всех милее-е-е-е!

И ребята увидели Пингвина, который несли в танце, размахивая своими коротенькими крыльями и весело распевая эту странную песню. Он тоже заметил ребят и, поклонившись Кобре, крикнул:

— Получилось! Слышали, как я пою! Конечно, это не безупречно. «Милее» не совсем точная рифма к «Мэри», но ничего, годится! Сойдет! — И он, подпрыгнув, подхватил под лапу Леопарда.

Кобра молчала. Джейн и Майк тоже молчали и любовались танцем. Но когда их приятель Лев, проносясь мимо, наклонился, чтобы предложить лапу Фазану, Джейн робко попыталась выразить свои чувства.

— Я думала... — и она запнулась, сконфузившись.

— Говори, дитя мое,— сказала Кобра.— Что ты думала?

— Ну, что львы, и птицы, и тигры, и маленькие животные — все...

Джейн снова запнулась. Кобра пришла ей на помощь.

— Ты думала, что все они враги, что лев должен обязательно съесть антилопу, а тигр — зайца, раз они встретились?

Джейн, покраснев, кивнула.

— Ага. В общем, ты права. Отчасти так. Но не на Дне Рождения,— сказала Кобра.— Сегодня слабые не боятся сильных, большие защищают малых. Даже я,— Кобра сделала паузу и, казалось, глубоко задумалась,— даже я могла бы на Дне Рождения встретиться с Диким Гусем и не подумать об обеде.

— Я позабочусь о твоих юных друзьях!

Танцоры во всю глотку
распевали дикие песни джунглей.

Такой это день. И в конце концов,—продолжала она, молниеносно облизываясь своим страшным раздвоенным язычком,—возможно, что есть и быть съеденным—в конце концов одно и то же. Моя мудрость говорит мне, что это, вероятно, так и есть. Вспомним, ведь все—и вы в городах и мы в джунглях—сделаны из одного и того же вещества. Из того же материала и дерево над нами и камень под нами: зверь, птица, звезда—все мы одно и идем к одному концу. Помни это, дитя, когда ты уже не будешь помнить обо мне.

—Как же это дерево может быть камнем? Я не птица! Джейн не тигр!—упрямо сказал Майк.

—Ты думаешь?—переспросила Кобра.—Погляди!

И она кивнула головой в сторону Большого хорова. Звери и птицы, тесной толпой окружившие Мэри Поппинс, раскачивались взад и вперед, все вместе, как единое целое. Сама Мэри тоже покачивалась из стороны в сторону. В едином ритме качалась вся огромная толпа, словно маятник гигантских часов.

—Зверь и птица, звезда и камень—все мы одно, все одно...—бормотала Кобра, свернув свой клубок и тоже раскачиваясь.—Змея и ребенок, камень и звезда, все мы одно...

Все тише становилось ее шипение. Замирали, слабели, отдалялись крики танцующих животных. Прислушиваясь, Джейн и Майк тоже незаметно начали раскачиваться. Или это кто-то качал их?

Мягкий, слабый свет упал на их лица.

—Спят и видят сны,—шепотом произнес чей-то голос. Кто это—Королевская Кобра или мама, которая, как обычно, зашла в детскую?

—Хорошо. Пусть спят.

Чей это был бас—Бурого Медведя или Мистера Бэнкса?

Джейн и Майк качались... Качались... Они не знали... Не знали...

*

—Какой мне сегодня странный сон приснился!—сказала Джейн за завтраком, посыпая сахаром кашу.—Мне снилось, будто мы были в Зоопарке, и у Мэри Поппинс был День Рождения, и вместо зверей в клетках сидели люди, а все звери были на воле...

—Это же мой сон! Он мне приснился!—сказал Майк. Он был очень удивлен.

—Не могло же нам присниться одно и то же!—сказала Джейн.—Ты, может, ошибся? Ты видел, например, Льва с завитой гривой и Тюленя, который хотел...

—Чтобы мы нырнули за апельсинной коркой?—перебил ее Майк.—Конечно, помню! И детишек в клетке, и Пингвина, который не мог сочинить стишок, и Королевскую Кобру.

—Тогда, значит, это был не сон!—сказала Джейн торжественно.—Значит, это все правда! И тогда она несмело оглянулась на Мэри Поппинс, которая кипятила молоко.

—Мэри Поппинс,—сказала Джейн,—могли мы с Майком видеть один и тот же сон?..

—Тоже мне, сновидцы!—фыркнула Мэри Поппинс.—Ешьте кашу, будьте любезны! Иначе не получите гренков с маслом!

Но Джейн не сдавалась. Она должна была узнать.

—Мэри Поппинс,—сказала она, глядя на нее в упор,—вы были в Зоопарке вчера ночью?

Мэри Поппинс широко открыла рот.

—В Зоопарке? Ночью? Я в Зоопарке? Я, приличная, воспитанная особа, которая знает, что полагается, а что нет?

—Нет, вы были или нет?—настаивала Джейн.

—Конечно, нет! Что это тебе в голову взбрело!—сказала Мэри Поппинс.—Доедай, будь добра, кашу и не болтай глупостей!

Джейн подлила в кашу молока.

—Тогда, значит, это, наверно, был сон,—сказала она грустно.

Но Майк, разинув рот, таращил глаза на Мэри Поппинс, которая поджаривала гренки.

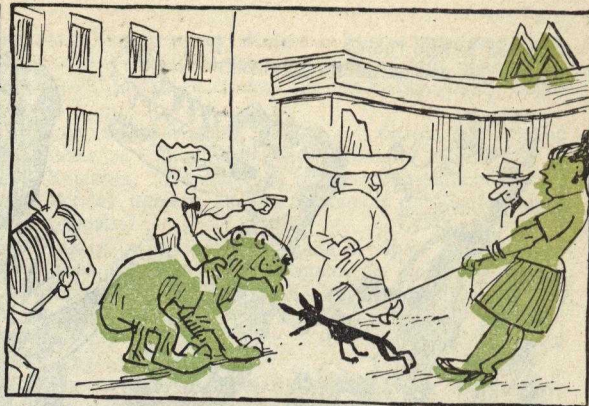
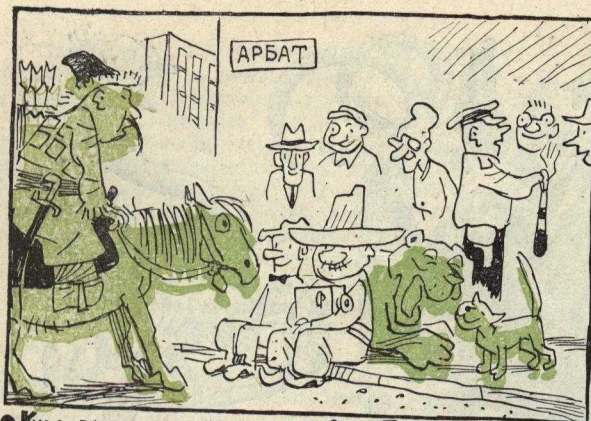
—Джейн!—пронзительно шепнул он.—Джейн, гляди!

Он показал пальцем, куда глядеть, и Джейн тоже увидела...

Талию Мэри Поппинс обвивал пояс из золотистой чешуйчатой змеиной кожи, а по всей его длине змеилась изящная надпись:

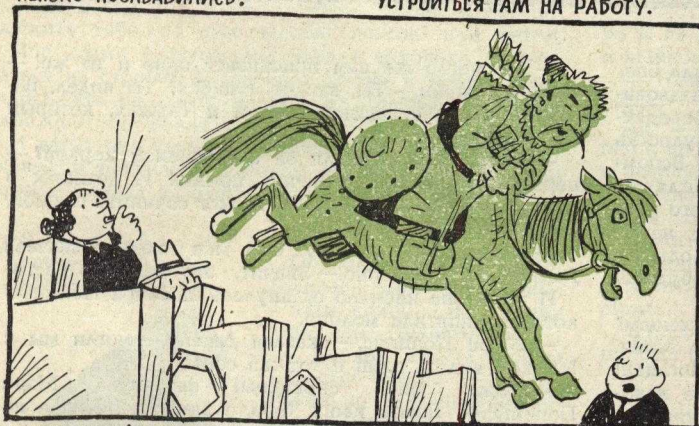
«На добрую память о Зоопарке!»

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

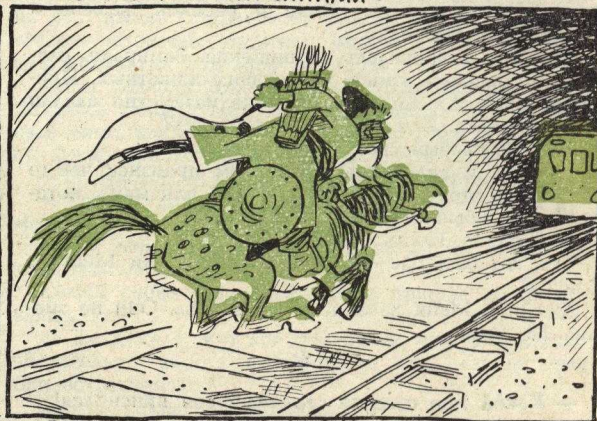
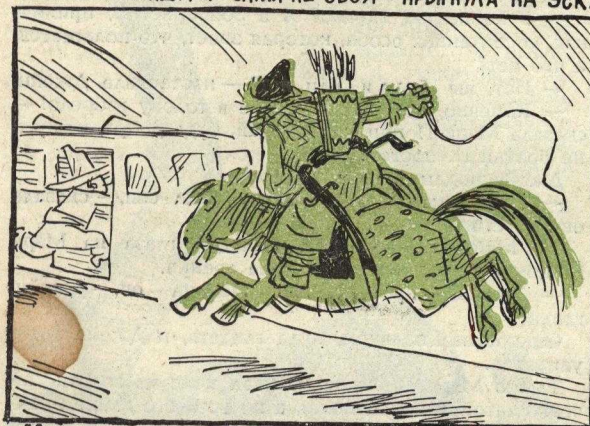
● КудА занесла нас нечистая сила? — спросил Завоеватель.
— Мы на Арбате.
— Очень хорошо! — воскликнула Бохадур. — Помнится, где-то здесь мы ходили „гулягь“ на Москву. Чуденько позабавились.

— Граждане, — сказал милиционер любопытным, окружившим путников. — Здесь будет киносъемка...
— Уважаемый Бохадур, сказал Полиглот. — Подождите, мы позвоним в Исторический музей. Вы можете устроиться там на работу.

● — Э-гей! — закричал Бохадур. — Кому принадлежит сей великолепный дворец? Он будет моим! Эгей! — Завоеватель поскакал к станции метро и с гиканьем влетел в широкие двери. Тут поднялось такое волнение, свист и крик, что лошадь Бохадура — сама не своя — прыгнула на эскалатор.

● Люди с большим любопытством разглядывали необычайного пассажира. „Ага, подумал Завоеватель. — Они мной восхищаются. Теперь они будут моими пленниками, моими слугами“.

● Но „пленники“, даже не сказав ему „до свидания“, сели в голубую повозку и уехали от Бохадура.

● — КудА? — закричал Бохадур и поскакал за повозкой. Но повозка бежала все быстрее, все быстрее, все быстрее...

Продолжение в следующем номере.

● До землетрясения в Ташкент приходило 150 тысяч писем в день. Во время бедствия — 500 тысяч. Многие ташкентские семьи перебрались из разрушенных домов в палатки или переехали в другой город — адрес изменился. Как доставить им письма? Как вообще успеть разнести столько писем? И вот по инициативе ЦК ЛКСМ Узбекистана создан отряд «Искатель». Членами отряда стали школьники ташкентских школ.

Ребята отлично справились со своей задачей, а когда беда миновала, решили сохранить отряд. Сейчас отряд «Искатель» ведет большой историко-краеведческий поиск.

● Как-то на колхозном поле села Баламутовка появился странный предмет. Двигается медленно-медленно, едва переступая. Глаза — разноцветные лампочки — подмигивают. Шевелятся усики-антенны. Стоит кому-нибудь приблизиться к «усатому», он тут же басит: «Не подходите, я под током!» Этот важный «усатый» — электронный агроном. Изобрели его ребята из уче-

Н О В О Е

нического конструкторского бюро Баламутовской восьмилетней школы Хмельницкой области.

Электронный агроном умеет измерять влажность, температуру воздуха и почвы, силу и направление ветра.

За свое изобретение ребята награждены медалями ВДНХ.

● Страну солнечных зайчиков не надо искать в атласе, она появилась совсем недавно. Кто живет в стране солнечных зайчиков? Веселые нотки, смеющиеся краски, богатыри и... другие.

Н Е И З В Е С Т Н О Е

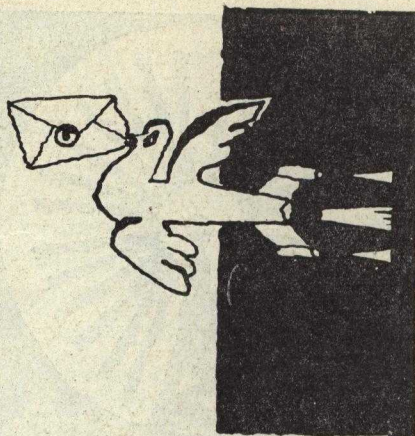
Богатыри — это спортсмены. Смеющиеся краски — художники-юмористы. Веселые нотки — певцы и танцоры. А страна солнечных зайчиков — это страна октября. Придумали и открыли эту страну пионеры 44-й киевской школы.

● Есть в Измаиле фабрика, хозяева которой мальчики и девочки. И рабочие, и дирекция, все сотрудники фабрики — пионеры. Кончатся занятия в школе, выполняют ребята домашнее задание и идут на свою фабрику.

Из отходов бумаги, жести, картона делают они наглядные пособия для кабинетов физики, черчения, географии, ракеты для школьных музеев, игротки для пионерских дружин.

Продукция Измаильской пионерской фабрики славится не только в городе, во всей Одесской области.

Недавно измаильские ребята отправили изделия своей фабрики в Алжир, Чехословакию, Болгарию.

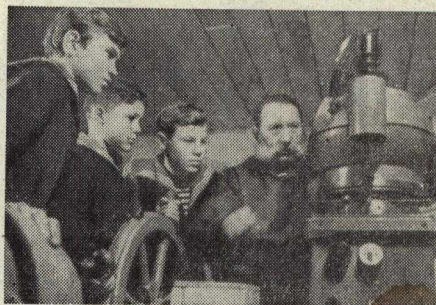

● В пионерской дружине 538-й школы г. Ленинграда ребята решили вести всю работу по звеньям. Звенья в этой дружине маленькие — четыре-пять человек. Их составляют по интересам. Раз в месяц звеньевые собираются на дружинную конференцию и рассказывают о своих делах, советуются, спорят.

В маленьком звене нет пассивных ребят — каждый занят любимым делом.

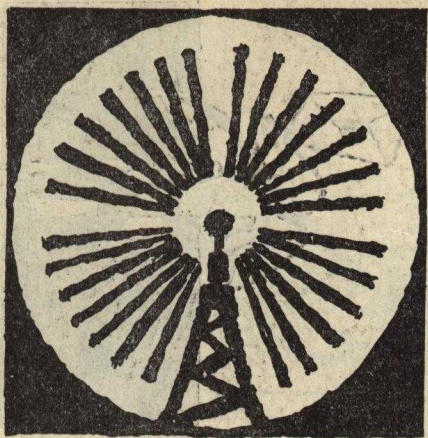
● Устроили ребята из 2-й школы села Дурлешты конкурс на лучший рисунок. А лучших рисунков оказалось так много, что хватило на целую выставку. Приходят посмотреть выставку и взрослые и ребята и узнают на рисунках улицы своего родного села, новые красивые дома, сады, виноградники. Школьный конкурс на лучший рисунок продолжается, и выставка растет.

● Несколько лет назад на одной из московских улиц бывший боцман Черноморского флота Владимир Дмитриевич Полуянов создал перво-

классный детский корабль. Этот корабль полюбили и мальчишки и девчонки. Сейчас в экипаже «Бригантины» 500 человек. Ребята учатся водить корабль, строят модели кораблей и подводных лодок, занимаются радиodelом.

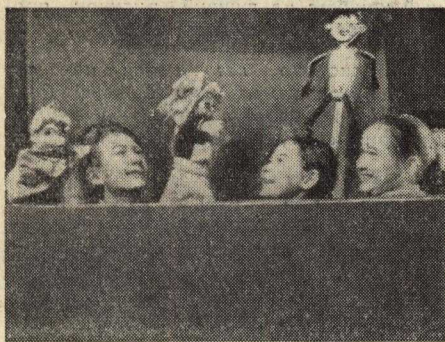
Н У Ж Н О Е

● Два года готовили мурманские ребята подарок своим отцам и братьям, промышленяющим рыбу в Атлантике и Баренцовом море.

Они собрали три тысячи тонн металлолома. Из этого металлолома рабочие Николаевской судостроительной верфи строят современный рефрижератор. Гигантская плавучая фабрика высотой в шестизатный дом будет названа «Пионер Мурманска».

Пятнадцать мальчиков и девочек из мурманской школы № 27, поселков Килляр и Дровяное будут присутствовать на торжественной церемонии спуска на воду их «Пионера».

● Этот кукольный театр знаменит. Его артистов всегда с нетерпением ждут в детских садах, школах, пионерских лагерях. Адрес этого театра: Узбекская ССР, Коканд, Дом пионеров.

Главный редактор Н. В. ИЛЬИНА.

Художественный редактор С. Сахарова.

Редакционная коллегия: Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев (заместитель главного редактора), А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор В. Пархоменко.

А 00061.

8,82 усл. п. л.

Подписано к печати 4/IV 1967 г. Форм. бум. 84×108 1/16.

Тираж 849 100 экз.

Изд. № 740.

Объем 5,25 физ. печ. л.
Заказ 779.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

СОДЕРЖАНИЕ

Ключ к номеру	1
Гравюры Д. Бисти к поэме В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин»	2
Люди с фрегата «Африка». — Повесть В. Крапивина.	
Рисунки Е. Медведева	4
Апрель. — Стихи С. Федорова	22

По компасу Октября

Связной двух революций. — Р. Канделаки. Рисунки И. Ильинского	23
Перекоп. — Стихи Вл. Орлова. Рисунки И. Пчелко	28
Дворец серпа и молота. — А. Шитикова	30
Скворечник. — Е. Рубцова. Рисунки Ю. Черепанова	33
Журнал и читатели поздравляют Корнея Ивановича Чуковского. Фото АПН	34
Разведчики звездных путей. — Л. Максимов	35
В том году. — Главы из повести Р. Колотухина. Окончание. Рисунки Н. Борисовой	37
Мельница. Термометр. Охотник. — Стихи Э. Межелайтиса. Перевел с литовского А. Заурих	49

Надо посоветоваться

Совет отряда, каков он? — Фото С. Карасева	50
Смехотрон и Полиглот попадают в переплет. — Рисунки Е. Ведерникова	54

Только для мальчишек

За рулем — военные водители. — Подполковник Н. Васильев. Фотографии В. Куняева, Е. Удовиченко, К. Куличенко, В. Чейшвили	56
Письма. Следы. — Стихи Гр. Виеру. Перевели с молдавского Я. Аким и Т. Жирмунская	59
Пожилая кукла. — Стихи Н. Матвеевой. Рисунки А. Елисеева и М. Скобелева	59
Чилачап — река машущих клешнями раков. — О. Мокиевский. Рисунки Н. Кондакова	60
Встречи с тремя неизвестными. — Рисунки Б. Кыштымова	63

Спорт

Фехтовать? Пожалуйста! — Заслуженный мастер спорта Г. Горохова. Фото С. Карасева	64
Отовсюду и обо всем	68
Мэри Поппинс. — Повесть П. Л. Траверс. Продолжение. Перевод В. Заходера. Рисунки Ю. Владимировича и Ф. Терлецкого	70
Агентство ННН	79

На вклейках:

В павильоне СССР на Всемирной выставке в Монреале. Цветные фото В. Саца.

Разведчики звездных путей. Рисунок Р. Авотина.

Белочка. Цветное фото В. Арбузова.

На первой странице обложки:

Павильон СССР в Монреале. Рисунок В. Пушкина.

На четвертой странице обложки:

Эти игрушки и шахматы тоже послали на Всемирную выставку. Рисунки Н. Доброхотовой.

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

В августе этого года в «Артеке» состоится
Первый Всесоюзный слет
санитарных постов пионерских дружин обществ
Красного Креста и
Красного Полумесяца
СССР.

Слет посвящен пятидесятилетию
Советской власти
и столетию общества Красного Креста
в нашей стране.

В нем примут участие члены санитарных постов, победи-
тели соревнований в республиках. На слет приглашаются
члены Юношеского Красного Креста из тридцати шести
зарубежных стран.

Делегатов ждет много интересного: встречи с учеными-
медиками, костры здоровья, концерты и вечера, игры,
походы, эстафета по оказанию первой медицинской по-
мощи, сбор лекарственных растений и др. Активисты
Красного Креста разных стран обменяются опытом своей
работы.

Коллективы и отдельные участники слета, занявшие
первые места в соревнованиях, будут награждены вым-
пелами, памятными призами, почетными грамотами,
подарками.

Желаем вам, ребята, успешно подготовиться к соревно-
ваниям, познакомиться с историей развития Красного
Креста в нашей стране за 50 лет Советской власти.

До встречи в «Артеке»!

Исполнительный комитет Союза
обществ Красного Креста
и Красного Полумесяца

